

Алексей Сергеевич Колентьев
Жизненное пространство

Счастье для всех – 1

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan, OCR, ReadCheck, Conv - Kortes_10)
«Жизненное пространство / Алексей Колентьев»: Издательство: Крылов; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-4226-0195-0

Аннотация

Антон Васильев, командир отдельного взвода разведки и охраны, вернулся с войны живым и более-менее целым. Казалось бы, вот оно счастье — живи да радуйся. Однако

вскоре выяснилось, что его место не здесь, не под мирным гражданским небом. Оказалось, что есть только одно место на свете, где Васильев может сказать: «Вот я и дома». Таким пристанищем стала для него Зона отчуждения, где вечная осень и нет тихих, безопасных уголков. Где идет нескончаемая бойня и торг за удивительные артефакты, где все пронизано убийственной радиацией, где каждый второй мутант, а каждый первый хоть и человек, зато до зубов вооружен и смертельно опасен.

Но только здесь, в Зоне отчуждения, такой как Антон Васильев может ощутить биение жизни во всей её полноте на отвоёванном жизненном пространстве. Тот, кто ищет путь к счастью, только здесь обретёт верных друзей, настоящую любовь и умных, сильных врагов. Что ещё нужно для счастья идущему путём воина? Пожалуй, только это...

М у ж с к о й к л у б

Z.O.N.A.

Алексей Колентьев
ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

*...What's this war in the heart of nature?
Why does nature vie with itself?..
The land contends with the sea.
Is there an avenging power in nature?..*

1.1

...Взрыв не стал неожиданностью: с самого начала этой мутной затеи я подсознательно ожидал чего-то подобного. Хорошо еще, что рвануло перед капотом «Урала», в тентованном кузове которого я и мой несостоявшийся компаньон-наниматель начали свое путешествие в Зону отчуждения. Машина встала, содрогнувшись всем корпусом под скрежет рессор и крики нашего водила. Ощущения были примерно такие же, как если бы мы на ходу въехали в глухую бетонную стену. От резкого толчка нас с компаньоном бросило на дно кузова, отовсюду посыпались какие-то вещи, опасно накренились закрепленные у левого борта тяжелые ящики. По счастью, все привязали крепко, еще в Бреднянске перед отправкой колонны я лично закрепил сопутствующий груз стальными тросами, и, как выяснилось, не зря... Через миг садануло метрах в десяти позади нашего грузовика, опрокинув набок ехавший за нами точно такой же «шарабан».² Только ему повезло меньше — фугас³ рванул под днищем, сдетонировал бензобак, и машину бросило, будто сломанную игрушку, в кювет. Повинуясь давно отработанной привычке, я схватил свой рюкзак и рывком выпрыгнул из кузова вправо, в сторону от застопорившейся машины.

В ушах стоял дикий звон, во рту возник железный привкус крови от прикушенного языка. Мелочь, конечно, но особого кайфа тоже нет.

Все это я отметил мимоходом, когда уже катился в заросшую пыльной травой придорожную канаву. И впрямь привычка — великое дело, ведь деньги и золотые монеты был зашиты в нательный пояс, а в «сидоре» только одежда. Как всегда, сработал безусловный рефлекс: хочешь жить — действуй быстро, соображай еще быстрее. В голове крутилась только мысль-облегчение: механическую бритву «Спутник», доставшуюся мне от деда, я зачем-то положил в карман штанов сегодня поутру. Памятная вещица, жаль было бы оставлять...

...Вовремя я стартовал! Скорее всего, колонну поджидали, а после того, как ее удалось остановить, начали обстрел. Думаю, что со стороны холмов вдоль грунтовки, по которой мы двигались, так удобнее всего. Потом по остановившимся машинам стали грамотно постреливать одиночными, стараясь выбить водил и охранников. Хотя те особо не рвались в бой и, словно тараканы, шустро разбегались кто куда, что, несомненно, ускорило их и без того предсказуемую гибель. Двоих положил снайпер, конвойную пару с головной машины посеколо осколками брошенной нападавшими «эфки»,⁴ и теперь они могли только ползать и орать благим матом. Нападавшие не стали подрывать головную машину, или, что скорее всего, что-то не сработало в закладке — грузовик остановили шквальным огнем из всего, что было у передовой засадной группы. Водила умер сразу, сопровождающий, сидевший в

¹ Что это за война в самом сердце природы?
Почему природа бьется сама с собой...
Зачем суша воюет с морем?..
Заложена ли в природе сила мщения?..
Джеймс Джонс. Тонкая красная линия

² «Шарабан» — жаргонизм; крытый грузовик с кунгом.

³ *Фугас* — здесь: самодельное взрывное устройство, закладываемое в грунт на небольшой глубине, взрываемое внезапно для нанесения урона живой силе противника, транспортным средствам и легкобронированной технике.

⁴ «Эфка» — советская ручная граната Ф-1, более известная в широких читательских кругах как «лимонка», относится к противопехотным осколочным ручным гранатам дистанционного действия оборонительного типа.

кабине рядом, успел открыть дверь со своей стороны, но тоже был убит. Охранников в тентованном кузове достало осколками гранаты. Что случилось с пассажирами, мне уже некогда было выяснять.

Еще одному конвойщику удалось уйти довольно далеко — мужик почти добежал до опушки леса, но там его встретили сразу две длинные автоматные очереди. После такого приема долго не живут, и у этого охранника тоже не вышло: он рухнул навзничь, раскинув руки в стороны, и даже не дергался, смерть была мгновенной. Помповое ружье, бывшее у него в качестве служебного «ствола», он бросил еще в начале своего отчаянного забега, видно, чуял, что не поможет.

Колонна встала, ее стопорнули аккуратно между двух холмов, и бежать было просто некуда. Но что-то пошло не совсем правильно: наша и шедшая следом машины в проход меж холмов втянуться не успели. Значит, шанс был. Пока везло только мне, больше в лес никто не ломился.

Мой наниматель-компаньон подался было следом за мной и почти добежал до опушки. Пуля догнала его, ударив в спину. «Броника» наниматель не носил, но думаю, что и это бы не спасло Ник-Ника — самого выстрела я не слышал, но выходное отверстие в груди было величиной с чайное блюдце. Кровавые капли попали на лицо и немного на куртку. Покойника бросило на меня, что в конечном итоге и спасло мне жизнь: в нашем направлении больше никто не стрелял.

Думаю, его приложили из чего-то импортного: звуков изделий родной советско-российской оборонки я не слышал с самого начала. Но я понимал, что это ненадолго: сейчас нападавшие подавят последних упорствующих защитников конвоя, а следующим актом в этой маленькой пьесе станет глава под названием «зачистка и контроль». Команда нападавших выйдет к месту разгрома колонны, соберет трофеи, попутно достреливая раненых, и по возможности заметет следы. В такие моменты поблизости лучше не находиться — не поймут.

Я стал быстро обыскивать труп Ник-Ника, то и дело оглядываясь по сторонам, как бы никто не вышел из подлеска. Но пока в нашем секторе было тихо, в голове колонны еще стреляли, а на нас никто не обращал внимания. Шарить по трупу было непросто: как только человек становится мертвым куском мяса, ворочать его становится значительно тяжелее. К трупам я давно уже имел привычку, поэтому без особых терзаний прибирал все полезное для себя, рассовывая по карманам. Прости, приятель, тебе уже вряд ли что пригодится, а я еще, может, и поживу и, если карта ляжет удачно, спрошу с тех, кто устроил нам с тобой этот аттракцион. Так, что мы имеем: ТТ⁵ в наплечной кобуре, явно «родной», не китайский «самопал»; пара снаряженных магазинов к нему и две дюжины патронов россыпью; пояс нательный вроде моего; КПК вроде действующий, с ним разберусь потом. Документы... А вот это кстати: пропуск за вторую линию блокпостов, то есть прямо в Зону. Нож у меня был свой, поэтому нательный пояс Ник-Ника я просто срезал. Компаньон охотником никогда не был и собственным ножиком не обзавелся. Единственное, за что гран мерси, так это за «ствол» в наплечной кобуре. Желтой кожи оперативная «босоножка» была универсальной, но и ее я срезал на всякий случай — будет похоже, что труп уже обшмонали более шустрые «коллеги» нападавших. Те, кто будут обыскивать трупы, наверняка обратят внимание, что «сбруя» вроде как есть, а кобуры уже и нет... Я бы точно обратил. «Сидор» напарника я просто поволок с собой, отползая в сторону леса, благо с тыла меня прикрывал чадящий грузовик, так неудачно ставший под фугасную закладку.

Но радоваться долго не пришлось: впереди, метрах в двух, землю прошила автоматная очередь. Пять пуль со злобным гудением выбили фонтанчики пыли. Я резко свернул и

⁵ ТТ — пистолет ТТ (Тульский Токарев). Пуля, выпущенная из ТТ, с пятнадцати метров пробивает современные средства индивидуальной бронезащиты класса ПА, иногда даже навывает. Кроме того, неприхотливый и простой в использовании, данный пистолет выдерживает настрел до 50 000 выстрелов без замены основных узлов (часто меняют только пружину).

побежал направо. Видимо, кто-то меня заметил и отпускать с миром не хотел. Дальнейший ход событий был предельно ясен: либо попытаются пристрелить с позиций, занимаемых нападавшими, либо кто-то из них пойдет за мной. Ну, на случай, если пулю пожалеют или я так уж сильно им нужен совершенно точно «двухсотым».⁶ Значит, пробежимся...

Вопреки бытующему среди малоопытных людей мнению, бег зигзагом от пули не спасает. Если у охотника автоматическое оружие, пуля в корпус или конечность на сорокаметровой дистанции — ну прямо как у меня сейчас!.. — практически неизбежна. Везение и небольшое расстояние до лесной спасительной «зеленки»⁷ — вот что может спасти попавшего в пиковую ситуацию беглеца. Мне повезло, но внимание своим забегом я все же привлек: нападающие явно собирались догнать меня и шлепнуть. Оглянувшись, я понял, что за мной бегут двое в добротной амеровской «сбруе» и натовском же «лесном» пиксельном камуфляже. Вооружены оба были армейскими американскими карабинами М4. У того, что шел последним, — со штатным подствольным гранатометом. Шедший впереди и шаривший стволом по сторонам предпочитал не загружать «ружьишко» и довольствовался четырехкратным закрытым прицелом да лазерной подсветкой, чья характерная прямоугольная блямба различалась на стволе карабина сверху. Но самое интересное было не это: граждане были в шапочках-масках и куда-то торопились. Этим надо воспользоваться...

Если бы кто глянул сейчас на мою физиономию, то нехорошая, прямо скажем, пакостная ухмылка отбила бы у него желание за мной бегать и, скорее всего, я финишировал бы нафаршированный свинцовыми гостинцами калибра 5,56 мм. Но никто меня не заметил, что опять же сыграло в мою пользу. Преследователи ждали паники, и я не стал их разочаровывать: побежал напролом, намеренно оставляя за собой следы в виде сломанных веток, обрывков одежды и примятой травы. В ушах все еще гудело, кровь бурлила от прилива адреналина, приходилось следить за дыханием. Черт, как же давно я не бегал по утрам, форму чутка подрастерял, расслабился. Сбавив шаг, остановился у края неглубокого овражка, подходившего для придуманной на бегу ловушки как нельзя лучше. «Стометровка», однако!..

Теперь нужно действовать очень быстро: эти нехорошие граждане хоть и не торопятся, но уже скоро разберутся, что к чему, и встанут на след. Снимаю куртку и, вытряхнув белье, пару обуви, вторые штаны, начинаю рукодельничать. Быстро соорудив «куклу», укладываю ее таким образом, чтобы преследователи, шедшие по четкому следу, увидели спину споткнувшегося и лежащего ничком человека. Сам же, обежав место засады, делаю крюк от проложенного мной следа и выхожу преследователям в тыл. Когда надо, можно двигаться почти бесшумно, не оставляя следов. Поэтому сначала, жутко треща кустарником, чтобы привлечь внимание преследователей, протоптал стежку к «кукле». Потом резко прыгнул влево и тихо ушел метров на десять от ловушки.

Вскоре я услышал преследовавших меня людей: парни торопились, но шли грамотно, не выпуская друг друга из поля зрения, — один шел по следу, а другой, тот самый любитель точной стрельбы с соответствующим обвесом на автомате, его страховал. Поравнявшись с зарослями колючего кустарника, где я затаился, «маски» двинулись дальше, как раз туда, где уже все было приготовлено для встречи. Я их отпустил чуть подальше и, тихо ступая, двинулся следом. Держа ТТ наготове, наметил первую цель, но стрелять было рано. Но вот и настал прекрасный «момент истины»: гражданин с подствольником на карабине заметил куклу и навскидку выпустил в нее очередь, второй стрелок поддержал коллегу. Куртке моей пришел писец. Любитель точной стрельбы вынул из гнезда в разгрузке рацию. Черная коробка курлыкнула сигналом вызова, и некто на чистом русском языке осведомился:

⁶ «Двухсотый» — кодовое обозначение безвозвратных потерь среди личного состава («Груз 200»).

⁷ «Зеленка» — жаргонное название лесистой местности; растительность и лиственный покров деревьев и кустарника в значительной степени затрудняют ведение преследования и боевые действия.

— Что у вас, «восьмерка»? Прием.

— Курьера успокоили, установим личность и назад. Прием, — с явным южнорусским акцентом, в полный голос, совершенно не таясь, ответил «снайпер», как я прозвал про себя этого стрелка.

— Заберите контейнер из рюкзака, остальное на хер — вояки скоро будут здесь. Конец.

— Понял, «первый»: забираем контейнер и сразу идем на место сбора. Отбой. — Недовольство слышалось в голосе «снайпера», однако он подчинился.

Выступив из-за ствола дерева, я двумя выстрелами кладу бандита, который уже подходил к моему чучелу. Не промазал: продырявил навывлет в грудь первым выстрелом и снес полчерепа второй пулей. «Снайпер» стал оборачиваться, но слишком медленно — ему тоже досталось в грудь и в голову, только, в отличие от приятеля, его можно будет опознать: фас остался цел. Но затылок выбило наружу вместе с приличным кусочком мозгов. Выстрелы на таком расстоянии от дороги можно было и не слышать. Но на это особого расчета и не было, сейчас все решит скорость. Следует быстро собрать вещи, которые можно взять с собой, и уносить ноги в сторону места, которое Ник-Ник называл «Кордон».

Место боя я, насколько позволяло время, прибрал. Обыскал трупы, разложил трофейное оружие и все найденное в карманах разгрузок тремя разными кучками, на растеленной куртке одного из покойных бандюков. Рюкзаков у них не было, что, впрочем, неудивительно, ведь они собирались только догнать перепуганного туриста и пристрелить его, отобрав неведомый контейнер. Появилась здравая мысль, что, видимо, зря я никниковский «сидор» прихватил. Теперь предвиделись проблемы большие и малые, а также много-много мелких пакостей. Собрал свои вещички, куртку надевать не стал: летом, несомненно, вентиляция будет неплохая — спина изрешечена пулями, а вот осенью толку с такого секонд-хенда никакого, одно расстройство. Радиостанцию «Моторола» оставил включенной, воткнув ее в развилку дерева. На случай, если неведомый «первый» запросит, где это «восьмые» шарятся, я об этом хочу услышать сразу. Спасибо «снайперу», рация осталась включенной в положение «прием». Я вас услышу, любители контейнеров, это как день ясно...

Ник-Ник оставил мне в наследство две пары белья, пару штанов, бритву «Филипс» в футляре... Ага, вот и пресловутый «контейнер» — тубус длиной двадцать пять сантиметров, из матово-черного полимера. Не тяжелый, граммов двести навскидку. Возьму на память, вдруг пригодится, раз его у меня ищут, пусть так и будет. Его шмотки мне не нужны, а вот курточка (зеленая, тоже натовская) мне почти впору — возьму. Теперь все, что не утащить, сложим в «сидор» покойного компаньона-нанимателя и прикопаем аккуратно, но не тут, не на месте разборок с бандитами.

Трупы сбросил в овраг, закидал палой листвой и прочим лесным мусором. Найдут, конечно, но не сразу. Главное ведь в чем? Чтобы разбирались подольше, что к чему, — время для меня сейчас самый ценный ресурс. Теперь займемся трофейным оружием — его не много: две американские «беретты» армейского образца, пара запасных магазинов на каждый ствол — пистолетики неплохие, но слишком нежные на грязь, как и все американское; три наступательные гранаты, тоже импортные, круглые и зеленые, словно неспелые яблоки, — так себе вещицы. Ну да нам пока выбирать особо не из чего... Еще два американских коротких автомата М4, причем совершенно разного разбора, словно небо и земля. У «снайпера» был дорогой фирменный «Бушмастер» ХМ15Е2, оружие штатовских спецвойск, так просто его не достать — хорошо упакованы нынче украинские бандиты!.. А вот приятель этого подозрительно богатого парня щеголял обычной армейской штамповкой заводов «Кольт», поставляемой всем подряд.

С виду оба карабина очень похожи, но тут, как всегда, дьявол кроется в деталях. «Бушмастер» — легкое и сравнительно надежное оружие, где за счет использования композитов и авиационного алюминиевого сплава повышена общая надежность, плюс есть возможность стрелять короткими очередями по три патрона с отсечкой. Последнее обстоятельство очень важно в бою, когда патроны жжешь как сумасшедший. Паля во все,

что видишь, часто забываешь, что магазин-то всего на тридцать патронов. И вот может случиться, что в нужный момент их не окажется. Сухой щелчок и дырка во лбу — подарок от более удачливого соперника. А если стоит ограничитель, такого может и не произойти, полезное изобретение, как ни крути.

«Кольт» же более тяжел и быстро выходит из строя, если выпустить из него подряд два-три магазина либо попробовать стрелять очередями, используя более мощные боеприпасы. Дешевый металл вкупе с не всегда качественным исполнением приводит к плачевному результату. Такой автомат гораздо быстрее собрата, поскольку производитель сэкономил на антикоррозийном покрытии. Ох не завидую я амерам — кисло приходится бравым парням с этими погремушками в бою. Повертев уродца в руках, откладывая в сторону и принимаюсь за «бушмастер», благо у его хозяина хватило ума прихватить с собой армейский набор для чистки оружия — незаменимая штука, когда имеешь дело с капризным штатовским военпромом. Осмотрев автомат, откладывая его так, чтобы в случае чего быстро подхватить и выстрелить.

Нужно закончить сортировку трофеев, времени мало... Что там дальше? Так, пошел металлолом: пара штык-ножей американских... Не, на фиг это «богатство», пусть тут ржавеют. Ага — два КПК!.. И чегой-то их потянуло на сложные электронные предметы роскоши в такой-то глуши?.. Но возьмем, может, позже узнаю чего полезного. Последний штрих — камнем разбиваю обе вражеские рации, «музыка» теперь совершенно ни к чему — и так погоню услышу. Вроде все.

Глянул на рожу «снайпера» напоследок, чтобы запомнить и описать в случае чего, и быстро забросал трупы листьями и валежником, чтобы не облегчать поисковой группе их обнаружение.

Поднявшись, надел разгрузочный жилет, снятый с умершего «снайпера», — тяжелая пуля калибра 7,62 мм каким-то образом не прошла навылет, вся снаряга осталась почти чистой, только пара капель на нагрудном кармане. Отрегулировать разгрузочный жилет по себе и распределить по кармашкам и подсумкам нужные вещи не составило труда. Попрыгал на месте и, сориентировавшись по встроенному в КПК компасу, взял курс на загадочный «Кордон», идя параллельно грунтовой дороге.

Все, что можно сделать для выигрыша времени, уже сделано. Пора было выдвигаться к деревне, именуемой аборигенами «Кордон». Ник-Ник обещал, что нас там встретят, и вряд ли он имел в виду случившийся только что инцидент. Скорее всего, у КПП фильтрационного пункта нас должен был ждать или прикормленный им вояка, или такой же военный, только в компании знакомых Ник-Ника, дабы так или иначе без помех провести нас с компаньоном-напарником через игольное ушко досмотра на предмет ввоза-вывоза недозволенных в карантинной зоне отчуждения вещей.

...Прогулкой мой уход с места событий уже назвать нельзя, хоть шел я «волчьим шагом», выписывая петли, меняя направление, даже иногда возвращался. Поберечься все одно не помешает. Примерно через два часа в отдалении бумкнул взрыв. Растяжку⁸ я оставил, но не заминировал трупы, а примотал гранату к дереву с таким расчетом, чтобы сработала она, если пойдут по оставленному мной следу. В кино и книжках минируют именно трупы, но этот трюк знают все, кому положено, поэтому человек бывалый просто оттащит приманку с помощью шнура, сидя в укрытии, или сапер мину снимет — это тоже несложно. Поэтому я применил другую хитрость, тоже проверенную не раз и не два. Если у них есть нормальный следопыт, он сразу разгадает мой трюк с куклой, поэтому поступим хитрее. Зная, что по торной и явной дороге преследователи за мной больше не пойдут, я оставил «осторожный след»: якобы я ухожу сторожась, а вы, проклятушие, меня, такого умного, по этой еле заметной метке не найдете ни в жисть. Кроме того, гранат, хоть и не

⁸ *Растяжка* — тип самодельного взрывного устройства ждущего типа, с натяжным датчиком дели. Состоит, как правило, из мотка проволоки, ручной гранаты и подручного крепежа (например деревянных колышков).

особо хороших, каковыми я считаю американские М-67, было всего три. Жалко на «сигналку» оставлять даже одну, но что тут поделаешь, люблю делать людям приятное: поставил на уровне пояса,⁹ заложил мхом и корой, чуть притер землицей — авось не заметят. Видимо, так оно и вышло: взрыв послышался очень издалека. Судя по всему, я имею около пяти кэмэ форы и что-то около двух-пяти часов времени. Мало, но как говорится, чем богаты.

Петляя по лесу, выбрался в лощину, заросшую кустарником и утыканную скелетами засохших деревьев. Маскироваться особо не нужно, так как ни с тропинки, ни откуда-нибудь еще меня заметить не получится. Набрал в рот воды из фляжки, которую наполнил еще в Бреднянске, и, не проглатывая живительной влаги, стал разбираться с трофейным оружием. Сейчас я вроде бы оторвался, а преследователи идут осторожней, внимательно шаря вокруг в поисках других сюрпризов. Ну-ну, ребятки, ищите, может, чего и найдете. Разложив на снятой куртке магазины к автомату и сам ствол, я улыбнулся обретенным железкам самой доброй из своих улыбок. Начнем, пожалуй...

Минут тридцать я потратил на осмотр, неполную разборку и чистку карабина. Предыдущий владелец, на мое счастье, был парень опрятный. Мысленно пожелав «снайперу», чтоб ему мягко лежалось, я отсоединил ствол автомата и глянул внутрь. Личное оружие на то и личное, чтобы все делать самому. Продул, почистил от нагара, снова смазал, собрал. Отлично получилось, хоть и имел дело с импортом не так часто — всего раз десять за прошедшие восемь лет. Может, это как с велосипедом?.. Обвес я полностью снял, оставив только оптику. Оно, конечно, штука спорная, но за неимением простого открытого коллиматора пусть будет. Да и пристреливать вроде не надо — хозяин бывший уже постарался... Второй М4, который кондовый, — разобрал, а части рассеял по округе. Ствол согнул буквой «Г», убрал его в развилку березы — не мое, значит, ничье. Из всех приبلуд оставил себе только подствольник, сунул его в «сидор» — может, и пригодится еще. Хотя выстрелов к гранатомету и не было, пусть будет под рукой.

Теперь самое главное — патроны. Их я вылушил из пяти магазинов все до единого и уложил в «шапку-душегубку»,¹⁰ предусмотрительно взятую из рюкзака Ник-Ника. Обычный человек скажет: мол, чего их осматривать — патроны как патроны, ничего хитрого в них нету. Отчасти это верно, но лишь только до тех пор, пока бракованный патрон не перекосит внутри автомата во время боя либо вместо точного выстрела вы не получите плевков метров на десять и рваный дульный срез. Поэтому я тщательно осмотрел все желтые тушки: не сбит ли ободок, не слез ли защитный лак, и только потом заново набил магазины, просто откинув те, что показались подозрительными. Мало ли что — лучше не рисковать. Пристегнул к поясу кобуру с ТТ, благо «босоножка» оказалась двойного назначения: хочешь — носи под мышкой, а позволяет обстановка — носи на поясе. Своего главного спасителя я тоже смазал и снова снарядил полный магазин. Подхватив автомат, поднялся и несколько раз вскинул карабин к плечу, проверяя ухватистость трофея, — вроде нормально. По привычке легонько попрыгал на месте, глянув на встроенный в ник-никовский КПК маршрутизатор, выбрался из оврага. Потом сменил направление и пошел к цели.

Неожиданно завибрировал КПК Ник-Ника, который я положил в левый карман штанов. Люблю, когда карманов много и чтоб, как в горшочек Винни-Пуха, в них можно положить все, что хочешь. Остановился, укрылся в кустарнике, вынув на свет вибрирующую коробочку наладонника, прикрыл экран — стало смеркаться, и лишний свет мне был ни к

⁹ Граната наступательная имеет малую поражающую силу по площади. Для того чтобы такая растяжка не только стала сигнальной хлопущей, но и могла нанести наибольший урон противнику, граната размещается на уровне пояса, а натяжной датчик цели идет там, где и обычно, — на уровне не менее 10 см от уровня грунта.

¹⁰ «Шапка-душегубка» — жаргонизм; здесь: матерчатая или шерстяная шапка-маска, используемая в качестве головного убора и как подшлемник, также в качестве маскирующего приспособления (например, изделие М-21).

чему. Функция голосовой связи у этой штуки отсутствовала, можно было только печатать.

Сообщение гласило: «Ник-Ник, отзовись. Что с конвоем?» Автором данного письма был пассажир под именем Попович. Надо ответить гражданину. «Ник-Ник мертв, я шел с ним. Ухожу от погони группы, напавшей на конвой».

Некоторое время экран наладонника был темен. Новое сообщение пришло лишь минуту спустя: «Ты — Антон?».

Хе! Меня, оказывается, знают по имени.

«Да».

На сей раз ответа пришлось дожидаться чуть дольше.

«Ник-Ник с тобой ничего перед смертью не передавал? Там должна была посылочка быть для меня».

Это интересно, но вот стоит ли этому гражданину так все выкладывать? С другой стороны, есть ли у меня выбор? Нужно подстраховаться. Нехорошая улыбка снова помимо воли тронула губы.

«Контейнер у меня. Я его прикопал, сам иду налегке».

Ответ пришлось ждать минут пять. Видимо, я расстроил приятеля Ник-Ника своей предусмотрительностью. КПК опять пискнул, пришло новое послание: «ГДЕ?»

Хе-хе! Действует, однако.

«Я помню где, при случае даже показать смогу. Но мне нужно за периметр, и желательно не по старой схеме. Вас с Ник-Ником кто-то просчитал. Если это не ты, конечно, подянку подстроил. Я скоро с тобой свяжусь. Отбой».

Так, вариантов дальнейшего развития событий несколько, и все не очень для меня хорошие: грохнут в любом случае, только, может, быстро, может, помучают. Если этот футляр Поповичу так необходим, меня могут принять уже за периметром и узнают, где я его прячу, так или иначе. Рифмочка, однако... Это не к добру. Самому не раз и не два приходилось допрашивать пленных, знаю, как это бывает. Нужно быть реалистом: шансов выдержать форсированный допрос нет.

Единственно возможное сейчас — потребовать личной встречи. Бесконтактно обменяться координатами, назначить встречу на нейтральной территории и устроить обмен. Сведения и контейнер махнуть на снаряжение, которое мне обещал Ник-Ник. В любом случае грохнут, пусть и не сразу — я им ни с какого боку не нужен. Назад податься?.. Можно. И повоевать напоследок — тоже вариант неплохой, только стоило ли тогда в такую даль забираться?..

Ожил КПК, снова послание, но на этот раз какое-то странное: «Погиб Толик Арбацкий, „спираль“, Темная долина».

Кто этот Арбацкий, почему мне скинули — непонятно. КПК снова принял сообщение, на этот раз от Поповича: «Антон, я тебя понимаю, верить мне не прошу. Отдай контейнер, получишь все, что тебе обещал Ник-Ник, и я сверху добавлю. Слово честного торговца».

И не проси, мужик, все равно не поверю. Как вам это понравится? «Честный торговец»! Это что-то с чем-то, как людоед, перекрестившийся в вегетарианцы. Диковинка, одним словом.

— ...А я бы не спешил с выводами, — голос раздался слева, метрах в десяти. — Бывают и чес...

Договорить я подкравшемуся человеку не дал: вцепил очередь в пять патронов на голос и, бросив КПК, откатился вправо, за ствол дерева. М4 не подвел — машинка не захлебнулась, затвор не заело. И, по идее, я даже попал, но...

— Честные торговцы, говорю, тоже бывают... особенно у нас, в Зоне, — продолжил голос как ни в чем не бывало. — Ты хорошо стреляешь, в Зоне это сильно поможет... В большинстве случаев. Не пали больше. Выйди, поговорим.

Обладатель голоса наконец показался. Среднего роста парень в комбинезоне, чем-то напоминающем армейские БЗК. Но это только на первый взгляд: черная, некамуфлированная ткань отчетливо выделялась на фоне лесной зелени. Не очень практично, если ходить днем

— видно издалека. Современного разгрузочного жилета нет, вместо него — древний по нынешним временам, еще афганских времен «лифчик», какие, по рассказам, шили из рюкзаков и парашютных ранцев тогдашние солдаты. В принципе ничего особенного, может быть, парень просто любитель старины. Поверх самопальной разгрузки на грудь незнакомца свешивались гофрированные брезентовые шланги, увенчанные обкусанным резиновым загубником. Это знакомо, такие есть у аппарата дыхания замкнутого цикла, их используют пожарные, учитывая специфику Зоны, где вполне можно надыхаться всякой дрянью.

Образ опытного бродяги дополнял надвинутый на глаза капюшон, тоже самопалом пришитый к костюму не просто для красоты: говорят, тут часто идут радиоактивные дожди, потому без панамки на улицу не выйдешь. Линялый островерхий клобук надвинут на самые глаза, виден был только острый нос и безбородое лицо. Из того, что удалось разглядеть, выходило, что парень явно молодой. Щетины не видать, кожа бледная, хотя темно уже...

Автомат незнакомец подчеркнуто держал на ремне так, что оружие свешивалось до земли. Мимоходом я отметил, что это потертый укороченный «калаш», АКСУ, если точнее. Такие сейчас выдают патрульным ментам да гайшникам. Так себе машинка, но кто я такой, чтобы осуждать чужой выбор? В голове мечутся всякие нехорошие мысли, но ничего дельного придумать вот так, с ходу, не получается... Это вполне может быть ловушкой. Кой черт — положение и так пиковое, не время осторожничать! Ладно, цыганочка с выходом: аккуратно, так, чтобы видно не было, зажимаю в руке кругляш гранаты — если пули тебя не берут, то уж подорву-то верняк... Или нет?!

Я закинул карабин на плечо и вышел к незнакомцу.

— Хорошо, парень. Давай попробуем поговорить. Ты кто?

«Парню» явно не понравился мой резкий провоцирующий тон, но он справился с собой. Ой как нужен им, видимо, этот чертов контейнер! Похоже, я налез на какую-то местную шишку и, будь его воля, парень бы меня просто спалил взглядом. Хотя скорее уж заморозил: трава в том месте, где он стоял, покрылась инеем, а ведь август месяц. Хоть лето и не ахти какое теплое.

— Мне ваш контейнер не нужен, я шел в Зону, Ник-Ник обещал провести. Показать, что и как, а дальше я уж как-нибудь сам. Я уже взрослый, короче, разберусь.

— Боишься? — Парень тоже решил поддеть меня.

— Только дурак ничего и никого не боится. Разумный человек всегда опасается. Кредо у меня такое.

Обороты нужно бы сбавить, но злой кураж, подстегиваемый переизбытком адреналина в крови, не давал мне остановиться. Отвечал я резко, показывая, что в случае чего выступлю максимально жестко. Незнакомец это почувствовал, поэтому сдал назад, показывая, что не хочет обострения.

— Верно мыслишь. — Тон у него стал мягче, но не намного. — Отдай торговцу футляр и скажи ему или тому, кто придет на встречу, что Рэд Шахов подтверждает обещание Ник-Ника. Даю слово: ты попадешь в Зону, получишь, что причитается, по договору, а остальное будет зависеть от того, зачем ты к нам пришел и что ты с собой принес. Прощай... Или, скорее, до встречи. Что-то говорит мне, что мы еще увидимся, земляк...

И пропал. Просто взял и пропал, как не бывало этого самого Рэда. Я нашел на земле брошенный в начале стычки КПК и отступал: «Попович, готовь точку перехода. Я согласен. Контейнер принесу с собой, сверх обещанного Ник-Ником ничего не надо. Тут был парень, просил передать тебе, что Рэд Шахов подтверждает гарантии Ник-Ника».

Посредник ответил почти сразу, словно ждал наготове: «Сам приходил? За периметр?! Хорошо. Координаты я сейчас тебе скину — встречать будет человек, кличут Серый. До встречи».

Пискнул КПК, на карте появилась метка координат перехода, и я отправился на встречу с Серым. Не знаю почему, но я поверил этому странному парню, которого не берут пули, читающему мысли и умеющему растворяться в воздухе.

1.2

Преследовавшие меня граждане скорее всего мой настоящий след уже не нашли и, учитывая наступившие сумерки, понесли потери. В самом деле, ну не зря же я старался, «сюрприз» к дереву прикручивал и все такое? Они могли вообще оставить это сомнительное удовольствие, каким является ночная погоня за одним человеком по пересеченной местности, и заночевать, так сказать, на пленэре. Песни у костра, страшные байки на ночь. Опять же, если от моего сюрприза образовались пострадавшие, им нужно оказать помощь. Наступательная граната, которую я использовал в качестве начинки для растяжки, имеет небольшой радиус поражения, и летальный исход от такой игрушки маловероятен, а вот всякие неприятные увечия и раны — это всегда пожалуйста. Но наверняка бандиты решили вопрос с нетранспортабельными ранеными радикально. Они могли их просто добить, прикопать в сторонке и побежать дальше. Раз уж этот контейнер им так жизненно нужен, рядовых исполнителей щадить не станут. Но, похоже, в содержимом тубуса очень нуждается и странная компания честных торговцев и пулеустойчивых телепатов, под чьи гарантии можно получить любой кредит. Общество, в котором мне предстоит вращаться, пока выглядит весьма колоритно.

Будь у меня время, я обязательно заглянул бы к парням на огонек и малость поуменьшил их популяцию. Заодно и выяснилось бы, сколько народу за мной идет. Будет весело, но в данный момент контрпродуктивно: во-первых, их может оказаться слишком много, а я не настолько сильно доверяю своему нынешнему оружию, чтобы с ходу ввязываться в долговременный и серьезный бой. К подобным операциям нужно серьезно готовиться, а самодеятельность не мой профиль. К тому же меня ждут через два часа в условленном месте, а прогулка по ночному лесу и без того серьезно замедляет темп продвижения. Нет, повеселиться, я так понял, возможность еще представится, а вот обещанные сроки следует держать — это закон, который я уважаю с детства. Пойду к Серому, благо уже не так далеко.

Вот и опушка леса: дальше вниз крутой откос, поросший короткой травкой, напоминающей газон в парке. Потом, метров через тридцать, — забор сетчатого ограждения, увитый поверху спиралью Бруно. Проволока и ячейки сетки изрядно проржавели, на них бусинками скопилась влага, похоже, недавно тут шел дождь. Почему же лес в двух десятках метров позади меня стоит сухой как минимум недели две? Начинаются странности, а ведь говорили мне, что место это с причудами... Ага, приметный столбик, метрах в двадцати от забора, а на нем надписи на украинском и английском языках, предупреждающие, что дальше запретная зона радиоактивного заражения и вокруг-де все заминировано. Эх, блин, докатились: «моятвоя не понимай», самостийность!.. Минное поле — это не шибко страшно, дело обычное. Минзаг скорее всего советский еще, а что-то посерьезнее и более современное уже бы меня обнаружило и рвануло. Тут опять работает заблуждение чисто киношного плана: мины ставят не только за предупреждающим знаком, а иногда и далеко перед ним. Не так интенсивно и не так много, но ставят, поэтому из леса я и не вышел — столбик с объявой был виден издалека. В моем бинокле с просветленной оптикой и встроенным дальномером он был как на ладони. Оптику я прихватил на память о прошлой жизни, вместе с механической бритвой «Спутник». Слава человеку, придумавшему глубокие карманы.

Потянув носом воздух и еще раз осмотревшись, я вынул наладонник, отряхнул экран от карманного мусора и включил. КПК пискнул, экран осветился белым. Одним пальцем левой руки давлю на кнопки: «Я возле места встречи, напротив меня в сорока метрах ограда, ориентир — столб с объявой о минном поле. Нахожусь с ним на одной линии. Ведите».

Ответ пришел сразу: «Здесь Серый. Здорово, Антон. Я от Поповича. Схема такая: на твоём ПДА высветится точный маршрут — сплошная белая линия, иди по ней до забора. Не бойся отклониться: как только отступишь, линия раздвоится и отклонение покажется красным цветом. А там... ну, думаю, понятно, что будет. В конце маршрута, в заборе,

увидишь отогнутый кусок сетки — и добро пожаловать к нам, в Зону».

ПДА? Что такое ПДА? А-а, понятно: это, видимо, местное название наладонника, который я по незнанию зову, как обычно, КПК. Отстучал Серому, что понял, и тут же на карте появился маршрут. Чуть левее того места, где я укрылся.

Мин не встретилось, маршрут оказался надежным, спокойно пройти получилось метров пятнадцать, когда от леса послышались звуки перестрелки. Звук шел сзади и справа: преследователи каким-то образом встали на верный след и, по моим прикидкам, примерно через полчаса должны были появиться у точки прохода в Зону. Это очень хреново. Тот, кто их «мотает», долго не продержится, расклад не в его пользу, да и кто бы это мог быть? Останавливаться нельзя, ускоряться тоже нежелательно, тут шаг в неверном направлении — и привет. Знакомая ситуевина: в лучшем случае убьет сразу, в худшем покалечит, и тогда дело однозначно — труба.

Серый, когда мы с ним встретились, забеспокоился, потянулся к рации в петле разгрузки. Я его остановил:

— Не надо, брат. У них широкополосные сканеры — скажешь что-нибудь, даже на закодированной частоте, и бандосы однозначно возьмут пеленг. Давай без выступлений в эфире обойдемся. Ты просто там постой, лады?

Старатель резон в моих словах уловил и рацию тревожить не стал. Я снова двинулся, осторожно ступая по опасной земле. Ясное дело: если меня заметят на открытом месте, просто расстреляют издали, как в тире. Но выхода нет, путь пройден до половины.

Вдруг до меня дошло: бой идет какой-то странный, с одной стороны я слышу семь натовских стволов, а отвечает им только один, наш, родной АКСУ. Вот замолк один иностранец, второй поперхнулся, может, заклинило машинку. Следом бумкнула граната — похоже по звуку, наступательная. По мне, в лесу они — как взрывпакет, толку немного, шуму больше... Снова заговорил АКСУ, и еще пара «натовцев» замолкла на полуслове. Очереди резко оборвались, даже почудилось, что кто-то вскрикнул. В любом случае этих стрелков явно приложили насовсем, на технический захлеб не похоже.

Неожиданно все стихло: не иначе, оставшиеся преследователи повернули назад или просто перегруппировываются, пытаюсь обойти стрелка с АКСУ по флангам. Но я уже был у сетчатого забора, отогнул надрезанный край и, чуть присев, оказался по другую сторону. Добрался...

Что-то в поведении Серого меня удивило: он с явным благоговением смотрел на опушку леса за моей спиной. Я тоже оглянулся, стараясь угадать направление его взгляда. Там, на самом краю зарослей кустарника, стоял тот самый парень, от которого я получил повторные гарантии. Он, видимо, ждал, когда я тоже посмотрю в его сторону, и отсалютовал мне своим автоматом, подняв ствол в вытянутой руке над головой. Потом фигура в черном комбинезоне снова растворилась в сумерках, как и в прошлый раз. Меня прикрыли.

Теплое чувство, почти забытое, снова было со мной: неожиданно для себя я понял, что не зря шел в Зону отчуждения. Мое место точно здесь. Я спросил своего проводника:

— Кто этот парень?

Такой вопрос Серому задавали, видимо, не в первый раз, но увиденное настолько его потрясло, что я удостоился развернутого ответа:

— Это Рэд Шахов, один из первых старателей. Пропал много лет назад в центре Зоны. Живым его никто уже лет двадцать не видел. Только вот... так. Потом он стал появляться, предупреждать о ловушках, выводить заблудившихся старателей из опасных мест. Наказывать мародеров, тех, кто дал слово и нарушил обещание и вообще паскудничал сверх всяких пределов. Это призрак Зоны, все зовут его Черный Старатель. Ну, как Черный Альпинист у скалолазов, только тот точно сказка, а наш вот он. Шахов редко вмешивается в наши человеческие дела, еще реже говорит с кем-то. А тебя он ПРИКРЫЛ. — В голосе Серого сквозило неподдельное удивление. — Это вообще случай небывалый: Шахов не выходит за периметр, и вообще — странно все... Короче, не понимаю я того, что вижу... Пошли к барыге, Поп уже, наверно, себе все ногти на ногах от нетерпения обгрыз.

Сказанное меня не удивило, я своими глазами видел, что парень способен таять в воздухе и его не берут пули. Кроме того, ТАК угадывать мысли не мог даже Равиль по прозвищу Шило, мой знакомый мелкий уголовник, живший в моем подъезде этажом ниже и державший подпольный ломбард. Этот жулик угадывал цену, которую можно дать за тот или иной залог и при этом не попасть под статью о скупке краденого...

Пройдя метров сто, мы вышли на окраину заброшенной деревни. Небольшое селение, в семь дворов; целых домов практически не осталось, стекол в окнах нет, крыши просели, стены местами обвалились. Серый остановился.

— Ну, — с явным облегчения проговорил он, — мне налево, свою работу я выполнил. А тебе прямо и направо: в склоне холма увидишь дверь, спускайся вниз. Там владения Поповича и наш местный «отель». — Старатель улыбнулся. — Иди. Барыга ждет. Потом, как устроишься, приходи в лагерь, найти просто: увидишь огонь в бочке, между двух средних хат, услышишь, как местные «барды» мучают гитару, и иди на голос, не промахнешься. Бывай.

И он пошел, закинув автомат на плечо, стволом вниз, чуть ссутулившись. Такое состояние мне знакомо, хоть в мирной сытой жизни уже стало покрываться пылью забвения. Вот так, бывало, ждешь боя, но по какой-то прихоти богов войны кровь врагу пустил кто-то другой, а тебе так и не удалось испытать свою судьбу. Адреналин все еще ходит в крови, руки мелко подрагивают. Бывало... Наконец-то все снова возвращается на круги своя — и форма, и содержание. Ник-Ник, доброй охоты тебе в полях, богатых дичью, двуличный ты сукин сын, спасибо за все!

Я кивнул, показывая, что понял, и побрел на встречу с местным олигархом, благо тут все было рядом.

Вход в резиденцию Поповича никто не охранял, и это действительно оказалась дверь прямо в склоне холма. Больше всего помещение напоминало вход в канализационный коллектор: железная двустворчатая сварная дверь, распахнутая настежь, и скупо освещенный коридор. Вниз вели два пролета ступеней, заканчивающиеся тесным тамбуром и явно сташенной с какого-то судна массивной овальной дверью с высоким комингсом. В правом верхнем углу предбанника висела видеокамера, ее сервомоторчик зажужжал, давая понять, что меня изучают. Какое-то время ничего не происходило. Потом механизм двери зажужжал неожиданно мягко для такой махины, и она открылась мне навстречу. Вполне возможно, что эту дверь стащили из оружейного погреба какого-то крейсера, никак не меньше.

Внутри небольшого квадратного помещения все было предельно функционально: лампа в забранном решеткой «стакане», тоже корабельного происхождения, под потолком. Свод висит низко над головой, чуть подпрыгнуть — и соскребешь макушкой бурую облезающую краску. Справа от входа еще одна дверь, похожая на входной люк, по-другому это не опишешь, скорее всего ведущая во внутренние владения торговца. По левую руку от меня — пять металлических шкафчиков с кодовыми замками, видимо, это камера хранения. Прямо впереди — забранный толстой решеткой прилавок и по совместительству стол, и вот за этим столом, словно заключенный в камере, восседал, положив локти на столешницу, крепкий лысоватый мужик.

Более всего он походил на боцмана пиратского корабля, а не на торговца, то есть никаких бегающих глазок и вкрадчивых манер, якобы свойственных представителям этой профессии. Голос боцмана оказался под стать внешности — грубый, пропито-прокуранный баритон, чем-то напоминающий голос Владимира Высоцкого. Но актер есть актер, не хватало Владимиру Семеновичу той жесткости, что чувствовалась как в голосе, так и в каждом движении барыги. Круглые, а-ля Джон Леннон, очки не давали повода заподозрить Поповича в принадлежности к интеллигентскому сословию, а скорее говорили, что этот человек носит очки лишь по необходимости и в случае какого-то форс-мажора со стрельбой или кулачной дракой они ему не сильно мешают.

«Боцман» поприветствовал меня, кивнув головой, но руки не подал.

— Товар с тобой? — сразу перейдя к делу, осведомился он. Голос его прозвучал гулко,

в помещении стояла тишина, нарушаемая лишь негромким шуршанием, которое издавал ноутбук на столе.

— Да, прошу.

Я подошел к узкому окошку и просунул туда тубус, предварительно вынув его из рюкзака. Попович бережно принял футляр и ушел в смежное с конторкой помещение, там что-то звякнуло, послышалось ругательство, чуть ли не семиэтажного уровня, имевшее, однако, радостный характер: похоже, я притащил то, что от меня ожидали. Потом что-то снова звякнуло и я услышал стук компьютерной клавиатуры. Может быть, торговец сообщил кому надо о доставке контейнера. Вернувшись, пиратский квартирмейстер снова уселся передо мной. На его дубленом буром лице читалось удовлетворение.

— Молодец, хороший товар. Ну, теперь слушай: то, о чем вы с Ник-Ником договорились, и так было бы в силе; своего слова я НИКОГДА, — это слово было особо выделено чуть угрожающим тоном, — не нарушаю. Не то место, знаешь ли... Вот тебе «чистый» ПДА, можешь «залить» в него то, что снял с бандитов, трофеев есть трофеев. Но вот наладонник Ник-Ника отдай: там информация, которую он нес мне, тебя там ничего не касается...

Я мысленно усмехнулся: «боцман» меня недооценивал. Просчитался купчина: я успел скопировать данные с ПДА моего покойного друга-компаньона на флеш-карту. Однако, не подав вида, я кивнул. Собеседник продолжал говорить, попутно выкладывая на прилавок какие-то вещи и просовывая их в узкое окошко лотка:

— ...Вот набор старателя: защитный костюм с системой жизнеобеспечения и набором антидотов, там автоинъектор встроенный, вколет что надо. Есть кевларовая проложка по классу II — от пуль, осколков, зверье опять же у нас кусачее... Однако сильно на рожон не лезь: защита от всего не шибко большая и кевларом только торс прикрыт, так что особо не зевай. В ПДА защита памятка по местным... хе, достопримечательностям: аномалии, артефакты, зверье, кланы старательские. Настоятельно рекомендую изучить, прежде чем соваться куда-либо. Вот детектор аномалий — в радиусе пяти метров запищит. Если встретишь «горячее» радиоактивное пятно, защелкает, как обычный счетчик Гейгера. Хабар, ну, там, рухлядь всякую, вообще необычное что-нибудь можешь сдавать мне. Только оружие и взрывчатку сюда не таскай — вояки за них шибко зверствуют, риск велик, а навар смешной. Хорошей цены не дам. А вот артефакты, — на лице барыги мелькнуло мечтательное выражение, — это моя специальность. За них цену дам и сам иногда чего закажу. При расчете не обижу: смогу даже чего-то на заказ из мира привезти, могу даже оружие и снарягу, но это сложно. Вот вроде и все... Да! Совсем забыл про постой рассказать. — Барыга подался вперед и указал узловатым пальцем на боковую дверь в стене: — Тут у меня типа хранилища и гостиницы. Нумера для житья. Не «Хилтон-палас», конечно, но все есть: душ, сортир, койка. Душевая в конце коридора, общая, конечно, но народу сейчас почти нет, потому без очереди помыться можно. Вода только холодная, горячую даю по специальной предоплате. Жратву никто не готовит, это через дорогу, во второй от края хате. Там Парфен Морилка тошнилровку держит, есть можно. Пить не советую: самогон местный — штука загадочная. И еще: валюта у нас в Зоне своя, но вроде как и советская ищо. Кто-то вагон советских денег нашел, еврики и доллары у нас не в ходу, вот и пользуемся. Даже банк свой в наличии — дагестанец Джебраил Бухгалтер его держит. Это от Кордона далековато, но могу и я обменять: курс тот же, один к десяти. Ты чего не лыбишься, как все новички до тебя, которым я это говорил?

— А чего тут непонятного? — Мне нужно было что-то говорить, но прерывать в общем-то толковую речь торговца не хотелось. — Деньги всегда деньги; мне все равно, как они выглядят. Даже если вы тут вместо них лотерейные билеты введете. Главное, чтобы на эти бумажки можно было приобрести все, что мне нужно.

Попович понимающе кивнул и продолжил:

— Законов у нас особых нет, кроме самоочевидных: места общего сбора — бары, бордели, магазины — это нейтральная территория. Нельзя убивать, нельзя выяснять

отношения. Если до смерти надо подраться или выпустить друг другу кишки — есть «Толковище»... или топайте на «Промзону». Если у нас на Кордоне, то ступайте за околицу и резвитесь вволю...

— А морду набить? — Это был важный вопрос, и я не мог его не задать.

— Это пожалуйста, только не до смерти, и ежели смертельный исход получился — будет правед. Однако это зависит от того, кто территорию держит, может и проканать за самооборону. — Барыга оскалил в ухмылке рот, полный желтого металла. — Но только если без оружия и не намеренно... Случай все решает. Короче, будь человеком, и к тебе отнесутся по-людски.

— Ясно. Правил нет. Это нормально, — подытожил я.

— Верно. — Торговец вновь продемонстрировал мне свою фиксатую пасть.

— Тогда я пока придавлю на массу, примерно часов пять. Мне еще о чем-нибудь знать надо? — Уходя, я обернулся на пороге двери, ведущей в «номера».

— Про оплату помнишь? — сразу подобрался барыга.

— Само собой. Давай разочтемся за неделю вперед. Вот есть у меня десять штук бледно-зеленых мертвых президентов, сколько это будет в рублях? — Я выложил предусмотрительно переложенную в карман разгрузки из нательного пояса Ник-Ника толику амеровских дензнаков. — Поменяй, вычти за семь дней, и я пойду: день выдался напряженный.

Барыга, ухмыльнувшись и проворчал:

— За форс-мажор и мою доброту... Скину тебе по двести рублей за аренду помещения. Но только на эти семь дней и только один раз. Итого: получай свои четыре тысячи четыреста рублей сдачи и вали, я тоже устал. Твоя комната в конце коридора, возле душа номер одиннадцать, но цифр там нету, одни трафареты остались.

— Благодарю, скидка — это всегда приятно.

Перешагнув порог, я вступил в длинный темноватый коридор. Словно свет в конце тоннеля, масляно-желтым светился проем душевой. Дверь моя оказалась по правой стороне коридора, и цифирь действительно с нее куда-то испарилась. Ключ резво повернулся в простеньком замке два раза, и я шагнул внутрь. День и вправду получился непростым, хоть и интересным. Да и с данными с трофейных ПДА нужно разобраться. Вещи сложил у порога и, сев на табурет, стал раздеваться, попутно осматриваясь.

Комната напоминала пенал. Поскольку резиденция торговца находилась под землей, окон, естественно, не было. Обстановка самая простая: слева от входа — панцирная кровать со скатанным в ногах матрасом, посередине стол и два табурета, давно не крашенные, но чистые и крепко сколоченные. Справа в углу двустворчатый шкаф в полкомнаты. Я подумал, что это предусмотрительно. Его, видимо, дорабатывали вручную: половина была забрана листовым металлом. В дверце замок, довольно простой — цилиндрический, что правильно. В гостиницах не имеет смысла оставлять что-либо ценное, да и у хозяина наверняка есть мастер-ключ от всех дверей. А так — формальности соблюдены, видимая приватность присутствует. В самом углу, у двери, прикрученная к стене эмалированная раковина с бронзовым краном, имеющим только один массивный вентиль. Пол покрыт коричневым потертым линолеумом.

Как и ожидалось, все в комнате имело подержанный, «общественный» вид, как в любой гостинице, даже «многозвездного» уровня. Сам я на одной из временных работ охранял некоего банкира, и по роду службы осматривал апартаменты, где ему приходилось проживать, и знаю: лоск только снаружи. Богатеи под кровати и матрасы не заглядывают, придираясь к сервису, но по сути живут как на вокзале. Везде одно и то же — кругом типовая нищета и растиражированная, но не менее унылая роскошь, только цены разные. Так что я, недолго думая, раскатал матрас, застелил белье, как всегда сырое, но чистое, затем коричнево-зеленое покрывало и положил тощую подушку. Но на боковую еще рано, сначала следовало разобраться с трофеями, чтобы в случае чего можно было сразу подхватить вещички и рвануть с места.

Прежде всего занялся оружием, более внимательно осмотрел все собранное во время стычки в лесу. Разложив «беретты» на столе, выщелкнул магазины. Оба полные, не стрелянные, это хорошо... Разрядил, разобрал, почистил и снова собрал. Патроны завернул в тряпицу и сложил отдельно в карман штанов с молнией. После одного случая я с предубеждением относился к американскому военному. Было это аккурат году в девяносто седьмом. Я тогда находился в одной воинской части Приморья как наблюдатель на время совместных учений. Тогда было модно приглашать американцев и, чуть реже, англичан с прибывающих в порт Владивостока военных кораблей. Мне посчастливилось попасть на американских морпехов с какого-то эсминца или крейсера, сейчас уже не помню.

Программа была стандартная: десятикилометровый марш-бросок, усложненная полоса препятствий, стрельба по мишеням и спарринг для рукопашников. Наши проявили предупредительность и предоставили гостям право первого прохода, так сказать. Все ожидали, что сборище американских «рэмбо» в два-три раза перекроет наши армейские нормативы и придется попотеть. Но вышло все немного иначе, и лично я некоторое время пребывал в легком ступоре, из-за чего мы потом с бойцами приняли на грудь довольно солидную дозу «обезболивающего».

Сильно углубляться в позор элиты американских войск не стану. По итогам получилось, что во время марш-броска упало в обморок пятеро иностранцев и их пришлось уносить на командный пункт. Потом еще один утопил в неглубоком ручье автомат и чуть не потонул сам, зацепившись ремнем разгрузки за подводную корягу.

Но веселуха на этом не закончилась — следующим номером выступили американские стрелки. Нужно сказать, что стреляли они действительно неплохо, но их подвели оружие и общая усталость. Дело в том, что для форсирования водных преград в комплект каждого автомата входит специальная пластиковая пробка, затыкающая канал ствола со стороны дульного среза. Так вот, у некоторых бойцов эти затычки были надеты неплотно, один вообще забыл ее надеть.

Короче, на стрельбах были сплошные осечки и один ствол разорвался. Пытались стрелять из пистолетов, но там тоже было все кисло-нахлебавшиеся грязи штатные «беретты» либо осекались, либо заедали после первого выстрела. Хорошо показал себя только какой-то сержант с шестизарядным блестящим револьвером, но он сам говорил потом, что это его личный ствол, купленный на гражданке.

От спарринга американцы вообще отказались, посмотрев показательные выступления наших морпехов. Ихний старший офицер запретил своим бойцам выходить на бой даже после того, как наши предложили надеть защиту на руки и голову. Потом мы долго пели песни, поднимали тосты за дружбу и мир во всем мире, но я весь вечер не мог скрыть горечи по поводу того, что эти вот неумехи считают нас проигравшими «холодную войну». Ну, да не стоит о грустном, сделанного уже не воротишь...

Без сожаления откладываю оба импортных пистоля в сторону — лом, он и в Африке лом. Хотя и числятся они на вооружении всяких «марине» и «рейнджеров», но как были полицейскими пукалками, так и остались. Для бойца, собирающегося долго ползать по грязи, спать где попало и стрелять, стрелять, стрелять, этот пистолет подходит мало. Загоню завтра с утра, это окончательное решение. Может, какой любитель экзотики и купит, а мне оно не надо.

Теперь пришла очередь автомата, неожиданно хорошо показавшего себя сегодня. Я взял карабин в руки, выщелкнул магазин, убрав из патронника досланный патрон, а потом снова разобрал. «Бушмастер» был почти новым и при более тщательном осмотре никаких неприятных сюрпризов не таил. Мда, непривычная игрушка, слишком много тут всего... Слишком слабовато и затейливо это «ружьешко» для войны!..

Это не означает, что для его использования и обслуживания нужно быть семи пядей во лбу или что из него не пробить и листа бумаги. Просто при тех допусках, что у данного

изделия имеются в общей компоновке УСМ,¹¹ долговременный бой оно не выдержит. Заклинит быстро, а может и порвать ствол, если, допустим, поплаваешь в воде, а потом попробуешь стрельнуть в кого-нибудь. Ну прям как те морпехи на учениях! Броник наш точно не пробьет, если надеть, скажем, новый БЗК¹² типа «Пермячки» в компоновке III или IV... Да даже в общевойсковом аналоге обычного броника того же уровня защиты можно спокойно во весь рост стоять. Не нужно, конечно, но думаю, что не пробьет.

Все вышеперечисленное не обязательно может случиться с данным конкретным карабином, но риск в таком опасном деле, как мое, лучше не умножать. А все эта новая концепция, согласно которой лучше противника ранить, но не убивать. Собственно, поэтому я и не люблю малоимпульсные патроны калибров, начинающихся с цифры 5. Да, новичку с оружием такого рода будет вполне комфортно, может быть, даже удастся попасть куда-нибудь. Но фишка в том, что я обычно привык действовать иначе, по принципу: один выстрел — один труп. Раненый враг мне не нужен, поэтому мой выбор — это калибр 7,62 мм. Если получится, избавлюсь от этого «красавчика» и раздобуду себе десантный «калаш» с откидным прикладом, толку будет больше. А вот эта импортная байда... Все-таки есть у этого чуда враждебной техники одно достоинство, совершенно неодолимое, с моей точки зрения. Стоит такая игрушка кучу денег: М4 от данного производителя — вещь очень дорогая и местами даже престижная. Решено: продам и его, благо есть почти полный набор прикрасов. Главный вопрос: кому и как? Попович честно предупредил, что оружие для него товар побочный и реальной цены за него он не даст. Наверняка, даже положи перед ним действующий бластер из какой-нибудь фантастической реальности, больше чем по три рубля за пучок он его не купит. Что, в общем-то, разумно: зачем связываться с тем, что приносит кучу сложностей и минимальную прибыль? Каждый должен заниматься своим делом. Выход, однако, есть, но об этом утром.

Заново снарядить пять магазинов и разложить по подсумкам разгрузки четыре из них, а пятый загнать в приемник карабина и дослать патрон — дело десяти минут. Обычно не рекомендуется обращаться с оружием именно таким образом. Пружину в магазине следует разгружать, если бой в ближайшее время не предвидится. Но за долгое время, проведенное там, где именно такая привычка — залог долгой и относительно безопасной жизни... Просто нужно тщательнее осматривать и обжимать подающую пружину, а это нетрудно.

Поместив карабин на табурет таким образом, чтобы его можно было легко взять на изготовку, я положил разгрузку на стол и пошел в душ. Здесь все было как в казарме: двадцать «леек», кафельный пол и стены зеленого цвета. Правда, кафель не советский, а с претензией на евростандарт: черные и зеленые плитки «под камень». «Лейки» хромированные, вода течет нормальная, чего еще желать после трудного дня? Кто-то жить не может без бани, я никогда этого ритуала особо не понимал и целебного воздействия душа не признаю. Главное — быть чистым, а остальное дело вкуса и настроения.

Вернувшись, завалился на кровать и заснул. Надо сказать, что это только так называется «заснул», я никогда по-настоящему не отключаюсь. Очень давно меня обучили в армии методике чуткого сна: вроде как проснешься отдохнувшим, но во время этого отдыха все слышишь и ощущаешь. Застать врасплох меня можно только выстрелом метров с трехсот, да и то если плохо замаскировался. Полезный для здоровья навык, короче.

Сплю я не долго: часов трех-пяти хватает с лихвой. Приведя себя в порядок, перекусил армейским рационом армии США, позаимствованным у покойного «снайпера», и запил чаем. Мой рецепт прост: кипятильник и эмалированная кружка плюс вода, отстоявшаяся за

¹¹ УСМ — ударно-спусковой механизм (неотъемлемая часть любого огнестрельного оружия).

¹² БЗК — боевой защитный комплект (в него входят: шлем, бронежилет, комбинезон либо комплект, состоящий из куртки, штанов и ботинок). Современные БЗК обеспечивают практически полную (до 80 %) защиту пехотинца от осколков гранат, мин, pistolетных и автоматных пуль.

ночь. Чифиристый чашек!

Покончив с приятным, я принялся облачаться в комбез, полученный вчера. Все оказалось просто, только осталось пять незаполненных кармашков на поясном ремне: в один, как влитой, лег детектор аномалий, а вот остальные... Опа! Дошло: сюда, видимо, помещаются артефакты.

Из памятки я узнал, что их носят с собой из-за полезных свойств. Будто бы одни отклоняют пули, другие нейтрализуют вредные излучения, третьи делают более выносливым... Правда, у всех есть неприятные побочные свойства, но, как говорится, за все надо платить. По-новому отрегулировал разгрузку, надел, поворочался — не мешает, все под руками. Выщелкнул магазин из карабина, передернул затвор, подобрал вылетевший патрон, вставил обратно в магазин, снова вставил его в горловину приемника. Повесил на плечо стволом вниз, чтобы удобнее было перехватывать для стрельбы навскидку. Вроде как здесь ходить со стволами нормально. Ну, на худой конец отмахаюсь руками или ножиком, до стрельбы в таком людном месте, скорее всего, не дойдет. И вышел, миновав коридор, к конторке Поповича. Несмотря на ранний час — было 5:47 утра — труженик прилавка уже находился на рабочем месте и что-то увлеченно набивал на клавиатуре ноута. Фон был таким же, как и накануне: нарушаемая лишь щелчками клавиш ноутбука тишина. Я поздоровался первым:

— Доброе утро. Как погодка снаружи?

Попович поднял на меня белесые, почти бесцветные глаза и ответил:

— Добрее видали, выйди да сам глянь. Надо чего?

Вот нюх, однако.

— Надо. Есть у меня одна насущная потребность. Для начала скажи, есть ли у тебя что-нибудь из оружия? Знаю, не занимаешься, но может...

Торговец испустил глубокий вздох и изрек:

— Шас, погоди. Сам не балуюсь, но... Выйдешь из бункера, пойдешь к костру, где бродяги наши тусуются, найдешь Цвирню. Это человек такой, он тебе, может, чего продаст и у тебя чего-нибудь купит. Нужда это, я понимаю. Удачи. — И снова защелкал по клавишам ноутбука, уже исключив меня из круга своего внимания.

— Благодарю.

— В карман не положишь, — донеслось в ответ невеселое замечание. — Сочтемся.

Поднявшись на поверхность, я огляделся: густой туман причудливо вился во впадинах меж холмами, обволакивал деревья... Наступила осень! Только вчера, пересекая полосу минного поля, я находился в августе, и вдруг нате вам: поздняя осень. Это было необъяснимо странно, но не пугало. Все мои чувства говорили о том, что опасности нет, что явление это хоть и необычное, но безвредное.

Несмотря на ранний час где-то в центре поселения старателей тренькала гитара, откуда-то доносился характерный запах костра, а над вторым и самым ухоженным на вид домом в четыре окна висела нарисованная от руки, но правильными, так называемыми трафаретными, буквами вывеска: «Столовая». Мелкими буквами ниже значилось: «Куры-гриль, шаурма, вино-водочные изделия в ассортименте». Этого нам пока не надо, может, позже.

Выйдя на главную улицу, увидел разномастную компанию из пяти человек, сидевших у металлической бочки, в которой весело и, видимо, постоянно горел огонь. Чуть в стороне стоял Серый, который, заметив меня, кивнул, показывая, что узнал. Я кивнул в ответ и, подойдя ближе, присмотрелся к компании у костра.

Похоже, моя экипировка выглядела элитарно: все пятеро были в штормовках разной степени поношенности. С чехлами у пояса или за спиной, из которых торчали обрезы охотничьих ружей. По виду двенадцатый калибр, куркового типа, скорее всего ИЖ. У двоих — помповые «моссберги» со спиленными прикладами и укороченными стволами. Двое точно прятали в карманах нечто короткоствольное. Скорее всего, ПМ или его украинский аналог — «Форт».

Разговаривали вполголоса, в основном про то, кто где был, а еще про какого-то парня, который попал в аномалию «прыг-скок» и стал летчиком, исполнилась его детская мечта. Так травят бородатые байки, содержание которых все давно знают, но все равно слушают, поскольку это вроде как ритуал. Я плохо понимаю шутки вообще да и сам шутить не умею, поэтому на треп у костра внимание не обратил. Видно было сразу, что люди устали и разговор ведется скорее по инерции, нежели из интереса.

Я подошел к Серому и после обмена дежурными любезностями спросил о человеке, обратиться к которому мне посоветовал Попович. Серый молча кивнул на дверь, выставшую прямо из земли. Скорее всего стоянка старателей располагалась в несуществующем ныне огороде и дыра в земле являлась входом в бывший погреб. Напоследок местный шериф посоветовал мне торговаться до последнего, ибо оружейник большой фанат именно этой части сделок. Из памятки я знал, что Серый вроде как глава местной самообороны. В Зону уже давно не ходит, предпочитая пестовать новичков. Здешние люди своего статуса особо не скрывали, держались свободно. Мне это напомнило старые фильмы о Гражданской войне и рассказы прадеда о знаменитом бандитском государстве Нестора Махно. Очень похоже получалось, даже жутко становилось от аналогий.

...Снова спустившись под землю, я оказался в прямоугольном помещении, разделенном на две неравные половины широкой доской, идущей на уровне пояса. Это был прилавок, потому что с моей стороны в углу на старом офисном стуле сидел охранник обычного шкафообразного вида, какие призваны скорее пугать, нежели защищать настоящему. Для защиты от недовольных и более сообразительных экспроприаторов, скорее всего, имелось нечто посложнее и явно более действенное. Дальняя стена, отгороженная от меня прилавком, была увешана предметами снаряжения и... охотничьими ружьями. Негромко наигрывал бумбокс в глубине торгового зала, отделенного от меня перекладной прилавка. Звучала композиция «The Crystal Ship» группы «The Doors». Я не большой любитель музыки, но Джим и его ребята играли хорошо...

Сюрприз с ассортиментом, однако, но, может, особое предложение действует только для постоянных клиентов с надежными рекомендациями? Охранник скорее всего как-то дал знать своему хозяину, что пришел посетитель. Дверь в стене за прилавком отворилась, и в комнату вошел маленького роста человек, весь такой округлый, что наводило на мысль о малоподвижном образе жизни. Бросались в глаза смуглый цвет кожи и борода-эспаньолка. У него было старомодное пенсне на шнурке, и мне, как человеку, выросшему во времена социализма, он очень сильно напомнил Якова Михайловича Свердлова, с той только разницей, что кожанки торговец не носил и имел точные и неожиданно для его комплекции плавные движения. Местный «оружейный барон» радушно приветствовал меня, будто знал всю жизнь:

— Доброе утро, молодой человек! Чем могу помочь?

— Здравствуйте. Хозяин гостиницы Попович сказал, что...

Тут же торговец меня перебил:

— А-а! Так это вы вчера прибыли в наши края? И сразу ко мне. Рад. — Цвирня внимательно посмотрел на меня, но руки не подал.

— То, что я вижу на витрине, лишь частично необходимо мне. Хотел кое-что продать и кое-что приобрести.

— Говорите конкретнее, не стесняйтесь. — Цвирня сделал приглашающий жест. — Если это есть у меня, вы его получите... Ну, за разумную цену, само собой.

Торговец изобразил на лице легкую гримасу сожаления типа «Отдал бы даром, но что поделать, если деньги еще никто не отменил».

— Я хочу продать вот этот карабин с комплектом аксессуаров и два пистолета «беретта» М-92. А взамен получить нечто более привычное и желательно отечественное. Я имею в виду российское или советское.

Глаза Цвирни превратились в два сканера, и сам он как-то подобрался, весь

превратившись в одно большое ухо. Сразу видно, мужчина свое дело любит трепетно. Я тем временем продолжал говорить, поигрывая ремнем импортной винтовки, — давал торгашу возможность ее как следует рассмотреть.

— Мне нужно нормальное оружие, лучше армейское, не охотничье. Ковровский автомат АЕК-973 будет самое оно, если нет его, можно АК, что-нибудь из «сотой» серии, но не натовские адаптации. Подойдет карабин АК-104 с коллиматорным прицелом. Можно «Кобру» в армейском варианте, можно что-то импортное, но не слишком дорогое. К оружию мне нужен двойной бэка,¹³ ну чтобы два раза не ходить. Пистолет еще хотел бы, тоже российского производства, лучше СПС.¹⁴ Можно и АПБ,¹⁵ со «стечкиным» у меня связаны сентиментальные воспоминания, ностальгия, одним словом.

Все это я выложил не торопясь, попутно рассматривая снаряжение на стенах. Но на лице торговца не дрогнул ни один мускул. Выдержав небольшую паузу и тщательно подбирая слова, он сделал контрпредложение:

— Прицел, патроны и э... предмет юношеской ностальгии — все это не проблема. Но вот АЕК... это сложно, молодой человек. И весьма недешево.

Он снял пенсне и сосредоточенно начал протирать его бархоткой, вынутой из кармана парка, являвшейся самой примечательной частью его в общем-то обычного прикида. Коричневый свитер под горло, камуфляжные штаны, армейские ботинки. Такие берцы поставлялись в ограниченном количестве и только подразделениям «пустынных крыс» английских спецвойск, легкая и очень удобная обувь. Оружейный магнат, почуявший запах чистогана, — это захватывающее зрелище.

— Понимаю. — Я дал понять, что цена меня не пугает.

Торговец продолжил:

— Хорошо, могу заказать, но только по предоплате.

— Сколько?

— Э... думаю, тысяч десять рублей. И это будет не скоро, недели через две.

Так, в общем-то, я и думал. Что же, повременим с роскошью. Поищем альтернативы. Я с явным сожалением посмотрел на торговца:

— Пока это не для меня. Сейчас я слегка стеснен в средствах. Но имейте меня в виду, думаю, скоро мы с вами вернемся к этому разговору. А что у вас есть пока в наличии?

Цвирня начал перечислять:

— В ассортименте вся линейка АК-74, а из «сотой» серии АК есть пара 102 и один «укорот» — 104. Импортного немного: есть американский карабин LR300, правда, только «гражданская», полуавтоматическая версия...

Остальное я пропустил мимо ушей, поскольку либо не устраивала марка оружия, либо цена была слишком велика. Прервав торговца как можно более деликатным образом, я озвучил свои конкретные нужды:

— Михаил Анатольевич, спасибо, что просветили, но я уже определился. Прямо сейчас возьму «укорот» из сотой серии, к нему восемь пустых магазинов, две коробки трассеров,¹⁶

¹³ Б/к — боекомплект. Как правило, имеется в виду так называемый «носимый б/к» (четыре автоматных магазина, шесть ручных гранат, четыре магазина к пистолету) пехотинца.

¹⁴ СПС — самозарядный пистолет Сердюкова, он же СР-1, он же «Вектор», он же «Гюрза». Емкость магазина 18 патронов. Мощное и надежное оружие, однако имеет неудобный спуск и спорную систему двойного предохранителя.

¹⁵ АПБ — автоматический бесшумный пистолет, он же 6П13. Емкость магазина 20 патронов.

¹⁶ Трассеры — трассирующие патроны предназначены для создания видимого следа траектории полета пули. От обыкновенных патронов они отличаются тем, что сердечник пули укорочен, а позади него вставляется стаканчик, содержащий трассирующий (светящийся, дымовой) состав, воспламеняющийся при выстреле и сгорающий на полете пули; сзади стаканчик прикрывается колечком с отверстием, размеры которого влияют на

триста штук унитарных и сто пятьдесят штук подкалиберных патронов.¹⁷ Также желательно получить камуфляжную ленту для обмотки оружия...

Про себя отметил, что прогресс и сервис наконец-то добрались до нас, простых смертных. Раньше наматывали тряпки и ленты изрезанного на куски маскхалата, сейчас стали выпускать маскирующие оружие полосы ткани, их удобно наматывать и снимать — полезная штука, хоть и мелочь:

— ...Из оптики «Кобру», естественно, «стечкина» с тактической кобурой и «тихарь».

Воздев руку в жесте римских патрициев и алчно блестя глазами за стеклами пенсне, торговец перебил меня:

— К «стечкину» есть новый глушитель, допускает стрельбу очередями и бронебойные патроны переносит нормально, на сто выстрелов.

Обычно глушитель к данному стволу — штука крайне ненадежная, плохо переносит длительную пальбу, но другого-то не придумали. А тут такая приятная неожиданность: глушитель с заманчивыми характеристиками! Наверняка что-то местного пошива.

— Возьму. — Мысленно я вздохнул с облегчением. — Сколько с меня в итоге, с учетом бартера?

Цвирня тихо выпустил воздух из легких, его тоже начал отпускать азарт при виде оптового покупателя. Но вот что значит старая закалка — он почти не задумался с ответом:

— Мы в расчете, молодой человек. Ваши э... трофеи все покрывают; и я прямо отсюда вижу, что карабин в хорошем состоянии. Приятно было иметь с вами дело. Если нужен ремонт или консультация... Хотя кому я это говорю, вам таки нужно стоять на моем месте, а мне внимательно слушать.

— Я бы взял еще модульную разгрузку... лучше типовую, ALICE¹⁸ с подсумками под российские магазины, и РД,¹⁹ рейдовую трехдневку, германский, если есть. Все расцветки «украинская золотая осень».

Мы оба улыбнулись, напряжение окончательно ушло, даже вновь стала слышна музыка. Цвирня заглянул в какую-то тетрадь и снова меня обрадовал:

— Все это есть в наличии, к РД бесплатно прилагается натовская «медуза»,²⁰ ее можно подогнать под ваш БЗК. — Торговец с уважением посмотрел на меня. — Стоить все вместе будет две тысячи рублей...

— Тысяча пятьсот, — парировал я.

— Тысяча девятсот двадцать, — не сдался оружейный барон.

— Тысяча шестьсот, больше не дам, — подыграл я.

— Тысяча восемьсот, и только для такого ценителя, как вы, — отбил подачу торговец.

— Тысяча шестьсот пятьдесят, и закончим на этом, мне еще ствол пристреливать, —

скорость сгорания состава.

¹⁷ *Подкалиберные патроны* — так называют боеприпас, имеющий повышенную пробивную способность и диаметр пули меньше диаметра канала ствола оружия, например бронебойный. Ошибочно считается, что термин применим только к артиллерийским боеприпасам, то есть снарядам и реактивным гранатам.

¹⁸ ALICE — ALL-PURPOSE LIGHTWEIGHT INDIVIDUAL CARRYING EQUIPMENT или M1974. Система равномерного распределения носимого б/к с обеспечением быстрого доступа к нему. Разработана и принята на вооружение USMC (корпус морской пехоты США) в 1974–1976 гг. Разгрузочный жилет с регулируемым количеством подсумков, в обиходе именуемый «разгрузка» или «лифчик» (ранние варианты таких жилетов действительно отдаленно напоминают эту деталь женского белья).

¹⁹ РД — рюкзак десантника (существует несколько разновидностей).

²⁰ «Медуза» — индивидуальная фляга из спецматериала. Не имеет твердого каркаса, напоминает обычную медицинскую грелку и, как правило, интегрирована в разгрузку или БЗК; имеет разный объем и размеры.

подал я «крученого».

— Тысяча семьсот, и мы в расчете. Вы меня почти ограбили, — сдался торговец.

— По рукам, Михаил Анатольевич. Давайте произведем транзакцию.

Улыбка поневоле напознала на мою физиономию. Оружейник тоже повеселел. Видимо, процесс торга — это нечто вроде спорта, правда, я не сильно в нем силен, но все же приятно, когда доброе дело тебе ничего не стоит.

«Калаш» оказался новым, со складным, а не пластиковым рамочным прикладом. Что самое приятное, в комплекте был съемный резиновый затыльник на приклад. В придачу полагался фирменный подсумок с набором сезонных смазок и полевым набором для чистки.

Установка коллиматора и пристрелка автомата и «стечкина» заняли еще около двух часов. Минут сорок отняла подгонка снаряжения.

В заключение я поинтересовался о насущном — запасных источниках питания для прицела и ПДА, и узнал об еще одном чуде Зоны.

— О, молодой человек, электричество вообще и батарейки в частности — сушая чепуховина, — просветил меня Михаил Анатольевич. — У нас это не проблема: никто не знает, как это происходит, но элементы питания не разряжаются надолго. Выключаются, конечно, когда должен заряд кончиться. Но проходит минуты три и — оп! Они таки снова как новенькие. И вообще... поменьше удивляйтесь и будьте осторожны: здесь все иначе, чем за тем смешным забором, из-за которого вы прибыли... Если все будет так, как я думаю, то заборы никому не помогут и уж точно не остановят того, что находится там, — оружейник кивнул неопределенно куда-то мне за спину, — в глубине Зоны. И полуразумные твари, и аномалии — не самое опасное, что может там поджидать.

— А что? — я задал глупый вопрос, но иногда от них трудно удержаться.

Оружейник ответил неожиданно серьезно:

— То, что каждый приносит с собой, но... Зона понимает человека так, как сама захочет. Или просто смотрит в нас глубже, чем мы отваживаемся заглянуть... Впрочем, сами поймете, если проживете достаточно долго для этого. До встречи, молодой человек, надеюсь, что она состоится.

Я уже собрался уходить, когда оружейник снова подал голос.

— Вот еще что! — Он хлопнул себя по лбу в притворном жесте забывчивости. — Вам же нужен сканер радиочастот? Ну, чтобы избежать неприятных встреч или, напротив, пообщаться с друзьями... Так, чтобы вас никто посторонний не слышал?

Цвирня выжидательно посмотрел мне в глаза. Торговец говорил дело, сканер — вещь полезная. Поинтересоваться, что он мне предложит, что ли?

— Что вы можете предложить?

Михаил Анатольевич хитро прищурился:

— Это наша местная разработка; чип встраивается в ПДА, наушник почти незаметен, можно синхронизировать его с детектором аномалий. Тангента имеет четыре положения: «прием», «передача», «сканирование радиодиапазона», «сканирование агрессивных сред». Свои переговоры идут в диапазоне УКВ, сообщите код тем, кому доверяете, а остальные слышать не будут.

— Хорошо, беру. И извините: торговаться мне уже некогда. Сколько?

Торговец не был разочарован и, как человек, привыкший ценить свое и чужое время, кругами ходить не стал:

— Три сотни за чип, семьдесят за калибровку. На установку и подгонку понадобится двадцать минут.

— Согласен. И повторяю: с вами приятно вести дела, Михаил Анатольевич.

...Я вышел из бункера в несколько смятенных чувствах, но о принятом решении поехать на Украину не жалел. Совсем лишним ощущал я себя в том мире, что остался за «смешным забором», как выразился Михаил Анатольевич. «Мирная» жизнь каждый день была меня наотмашь своими реалиями, с которыми трудно, почти невозможно смириться

человеку, воевавшему то там, то сям без малого десять лет...

Я вдохнул сырой, совсем уже осенний воздух, прислушался: определенно я был там, где надо. Меня окружали знакомые и такие родные запахи костра, оружейной смазки, пропитки обмундирования. В отдалении слышался знакомый стрекот коротких очередей «калаша», оттеняемый звуками тренькающей гитары и негромкими голосами старателей. Впервые за последние полгода пришло ощущение твердой почвы под ногами: тут я знал многое и, если выживу, узнаю еще больше. Видимо, правы те, кто говорит, что у каждого человека есть свое место в жизни... может, для меня это оно и есть. Попробуем. Как в пословице: коль не убьет, то сделает сильнее.

Подошел Серый, завязался разговор:

— Вижу, Антон, старик тебя уже приодел. Долго торговался?

— Так, для проформы. Я не любитель торговли. Что-то случилось?

— Группа моих новичков попала в засаду на старом АТП, двоих кончили сразу, одного держат в заложниках. Скорее всего завтра перетащат через железнодорожную насыпь и перепродадут Кабану — это главарь местных бандюков.

— Рабы? Здесь-то они зачем? Дома тут никто не строит, огороды не вскапывает...

Вожак новичков перебил:

— Тут своя специфика, людей используют как гайки в начале освоения Зоны: некоторые аномалии срабатывают только на человека, гайки больше не помогают, как в былые годы. Зона умнеет. Таких людей зовут «бычками». «Пустить бычка» — самый ходовой способ у наемников и бандитов артефакты добывать и маршруты пробивать после Выброса.

— А как остальные? — Вопрос требовал пояснения, и лучше, чтобы его дал человек, который внушал мне меньше недоверия, чем остальные. — Ну там «Вільна Січ», «Альфа», вольные бродяги?

— А ты откуда слова такие знаешь?.. О том, что они используют «бычков», не слышал. Рискуют, как и все, а сектантов из «Братства Обелиска» вообще, похоже, аномалии не трогают. Ходят слухи, что они умеют ими управлять. Хотя точно никто не скажет. Ну так как: возьмешься моего парня вытащить?

Серый, видимо, сделал на меня серьезную ставку, и я его прекрасно понимал: его зеленые новички с бандитами, среди которых наверняка есть и опытные бойцы, вряд ли справятся. Хотя вообще-то блатные, как правило, трусливы и, соблюдая закон стаи, без вожака теряются, норовят рассыпаться и уйти поодиночке. Вот и первое дело, довольно непростое. Спорным аспектом являлся только заложник: неизвестно, где его держат и насколько велика ценность его жизни; паренька могут просто грохнуть, если дело повернется круто или у кого-нибудь из бандитов сдадут нервы. Обычно такие мероприятия готовятся суток трое, но тут... Ладно, шансы все же есть. Неожиданно для себя я согласился:

— Хорошо, я помогу тебе.

Серый нетерпеливо махнул рукой, значит, время действительно поджимало:

— Я выслал группу к АТП, они будут ждать тебя за холмом, это на северо-запад от мостика, через сухой ручей.

Тут настала моя очередь перебивать:

— Я помогу тебе при условии, что твои ребята будут беспрекословно меня слушаться, иначе я умываю руки, это первое. Второе: все трофеи делятся семьдесят на тридцать, и лучшее я забираю себе, это касается оружия и артефактов. И последнее: НИ ОДНА ЖИВАЯ ДУША не должна знать о моем участии. Я как бы не при делах, и если первые два пункта по обстоятельствам, то последний не обсуждается в принципе.

Серый энергично замахал руками, видимо, мой шкурный интерес его не волновал:

— Договорились. Только давай выдвигайся уже — время не ждет.

— Лады. Скинь данные о месте, где сидят твои хлопцы.

Я поудобнее перехватил автомат и зашагал по дороге к месту встречи. Идти было

около сорока минут, примерный план за это время вырисовывался довольно отчетливо. Вроде должно гладко пройти.

Снова налетел холодный ветер, посыпался мелкий дождик. Неожиданно запищал детектор — «прыг-скок», это гравитационная простая аномалия издала характерный гудящий звук. Я обошел опасное место по широкой дуге: зацепись хоть краем — втянет внутрь, поднимет метра на три и разорвет в центробежном потоке воздуха.

Вот и мостик. Схожу с дороги, осматриваюсь, «щупаю» местность оптикой. Ребят Серого заметил сразу: новички столпились возле дерева и что-то тихо обсуждали, чертя какие-то схемы на земле ножами.

Взглянем на АТП: так, от ворот проходной к шоссе ведет грунтовка. Само строение сделано в форме арки, с кубами закрытых помещений по обеим сторонам. Проход с высоким съездом, крытый. В правой относительно меня комнате, проходной, с единственным выбитым окном, маячит фигура часового. У него вроде германская трещотка,²¹ но моим новичкам с обрезам хватит за глаза. Слева, в глубине, двухэтажное здание конторы, второй этаж с балконом, там тоже часовой с АКСУ. Это не сильно страшно, но опять же: с такой позиции моих соратников он положит еще издали. Справа, за частично разрушенным забором, два смежных технических бокса для машин. Левый закрыт, а крайний правый бокс со снятой с петель правой же створкой ворот, облюбовали под стоянку еще трое бандосов. Эти ничем особо не выделялись: у двоих обрезы двустволок, один с пистолетом, судя по оттопырившемуся карману куртки. Урки сидят возле костра, разведенного в бочке, и поют блатные песни, про старушку-мать, которой не следует ждать возвращения любимого родного сына. Судя по расположению постов и расслабленному поведению бандитов, парень еще жив. Заложника держат, скорее всего, в одном из дальних боксов, расположенных слева, в глубине комплекса, или в помещении конторы.

Осторожно миновав три слабенькие аномалии: два «прыг-скока» и одну «спираль», я начал обходить комплекс по левому флангу. Стараясь не попадать в сектора наблюдения часовых, иду в полуприседе, часто замирая и вслушиваясь. Но характерных для стоящего в карауле человека шумов не улавливалось. Все вышло, как я и предполагал: с тыла постов бандиты не выставляли, а в помещении дальних левых боксов ошивался только один часовой. Видимо, выходил отлить, а сейчас шел в мою сторону, ничуть не скрываясь. Мне опять везет, и этим надо пользоваться.

Пропустив урку вперед, я оглушил его и, связав его же собственным ремнем, потащил в сторону заброшенного ж/д тоннеля, чтобы допросить. Чтобы не сучил ногами и не шумел, пришлось переть его на себе, взвалив на плечо. Недалеко от входа остановился перевести дух. Вроде тихо кругом. Но вот из глубины трубы послышался еле слышный звериный рык. Бросив ношу на землю, еле успел выхватить АПБ и всадить три пули в обдавшего меня кислым песчим запахом псевдособа. Все случилось так быстро, что рассмотреть зверя получилось лишь тогда, когда он, тихо взвизгнув, зарылся носом в кусты. Метр в холке, черная клочковатая шерсть и несильные ментальные способности. Как говорит местный путеводитель, вот и все, что отличает этот экземпляр от «простых» слепых собак. Проконтролировал его выстрелом в холку, поскольку у этих тварей мозг именно там, и занялся очнувшимся бандитом:

— Сколько вас, как твое имя, где заложник, взятый вами сегодня утром?

Времени, пока его хватятся, было не так много. Отрезав кусок ткани от его же рубахи, смастерил кляп и вставил в рот пленника. Затем стянул с него кроссовки и носки, чтобы освободить фронт работ. Бандит энергично мычал, но уже на полтона тише — страх прошел, и он ругался. Пришлось повторить вопрос, но уже сопроводив его действием. Одним движением я отсек мизинец на левой ноге так, чтобы урка это видел. Удостоверившись, что

²¹ Heckler&Koch MP5 — пистолет-пулемет. Конструктивно является уменьшенной под пистолетный патрон копией немецкой же винтовки Heckler&Koch G3.

он не потерял сознания и мычит уже от страха и боли, продолжил спрашивать:

— Будешь орать — себя не спасешь, сразу тебя убивать не стану. Сначала приморю всех, кто придет на крик, а потом обстоятельно займусь тобой, и тогда, это уж точно, быстрой смерти не жди. Повторить вопросы?

Уголовник, находясь еще в шоке, задыхаясь и клацая зубами, забормотал:

— Ладно... ладно, начальник!.. Нас восемь, пахан Виталя Стеклорез и Чудра — в конторе, Валек и Владик Чистодел — на стреме. Остальные у костра тусуются, ну и я еще. «Бычок» с паханом в конторе на первом этаже, там тоже костер, пахан чего-то выпросить у «бычка» хотел... Ну и я еще...

Больше он был не нужен, даже если где соврал, частично это подтверждалось наблюдением, частично уже не имело значения, да и время истекало. Через двадцать минут этого козла станут искать. Пора прощаться, интервью затянулось.

— Спасибо, ты мне очень помог.

Я ударил бандита ножом сначала в горло, потом, для верности, в печень, повернув клинок в ране. Работать нужно тихо, пока остальные бандиты живы. Во время проведения подобного удара жертва не может кричать. Если удар поставлен правильно и имеется некоторая практика работы с ножом вроде моего НР-2,²² то смерть наступает через тридцать секунд.

Оттащил труп в глубину тоннеля, прикрыл его листом ржавого кровельного железа и забросал мусором: палая листва и ветки скроют труп не полностью, но сразу его и не найдут. А может, и некому будет.

Я снова, тем же путем, тихо вернулся к дренажной трубе под мостом. Потом, нарочито шумя, направился к новичкам Серого. Увидев, что я приближаюсь, один длинный и худощавый парень поднял рацию, которую я тут же выбил у него из рук:

— Тихо, не надо песен в эфире. Значит, выяснил я все: бандитов там семь душ. Ваш парень в здании конторы слева, на первом этаже. Ставлю задачу: рассредоточиться по правому флангу так, чтобы держать крайний бокс гаража в секторах обстрела. Вперед не лезьте, просто стреляйте в сторону костра. Сигналом к открытию огня будет мой первый одиночный выстрел. Интервал получится небольшой, услышите второй выстрел — продвигайтесь к боксу. Потом валите бандосов, их там трое, закрепитесь в здании и дальше не лезьте. Тебя как зовут? — обратился я к парню, у которого выбил рацию и который, похоже, был главным у этих энтузиастов.

— Витя Заруба. А ты чего раскома...

Я не сильно ткнул его в печень сложенными клювом пальцами правой руки, и он упал на колени, разевая рот, словно выброшенная на берег рыба. Чуть сильнее, чем нужно, но ладно — организм крепкий, хоть и дурной. Перетерпит.

— Я выражусь яснее: если не хотите слушать моих приказов, просто сидите тут, но в драку не лезьте, иначе пристрелю вместе с бандитами. Времени нет. Так как оно будет, бойцы? Ну что, пойдете со мной или как?

Ребята согласно закивали, даже Витя кивнул, когда поднялся с колен.

— Ну, тогда даю вам на занятие позиции пять минут.

Сам я занял позицию в кустарнике на пригорке, где грунтовка круто забирала в гору. Кусты скрывали меня от взглядов часового, сидевшего на деревянном тарном ящике, возле невысокого бортика плоского участка крыши здания конторы. Другой бандит, что стоял у окна в проходной, смотрел в сторону шоссе, там небольшая стая слепых собак гнала кабана. Тут главное не торопиться: выбрав момент, я перенес прицел еще на одного часового, которого приметил на втором этаже конторы. Так, промежуток секунды три, стрельбу услышит охранник, который сейчас вместе с паханом, и пойдет к тем, что у костра...

²² НР-2 — нож разведчика-2. Подвид семейства НРС (нож разведчика стреляющий), его нестреляющая модификация.

Нормально, работаем.

Голова часового в будке дернулась, на противоположной стене появился мазок красного цвета, как будто кто-то выплеснул краску из ведерка. Бандит упал. Одновременно мои новички начали дружно палить в сторону крайнего гаражного бокса, оттуда пока слышался только мат: бандиты, скорее всего, были пьяны и плохо соображали, что происходит. Второй часовой на крыше, заметив, откуда ведется огонь, вскинул к плечу АКСУ. Я положил его двумя выстрелами в грудь и в голову, чтобы исключить даже минимальный риск промаха. Парень был явно опытнее своего коллеги с проходной, он не стоял на месте и автомат держал уверенно и грамотно. Но он не видел меня, поэтому стал покойником, не успев ни разу выстрелить. Мои помощники пошли в наступление. Бандиты наконец открыли ответный огонь, но без особого эффекта. Я перевел автомат в режим АВ²³ и перебежками двинулся по старому пути к пролому в заборе, обходя по левому флангу точку последнего огневого контакта, все, как учили. В конторе оказалась нехватка угловой стены, и комната первого этажа была вся на виду. Я замер: кто-то бегом ломится к месту боя и, судя по темпу шагов, скоро появится у меня в секторе...

Мелькнуло тело в штормовке, тренировочных стеганых штанах, кроссовках и вязаной «душегубке» на бритой шишковатой голове. Это был охранник по кличке Чудра. В руках он держал штурмовой дробовик SPAS-12 со сложенным рамочным прикладом. Если бы не я, ребятам пришлось бы туго: один этот бугай положил бы их всех, совершенно не напрягаясь. Но не сегодня, не сегодня, граждане бандиты...

Чудра, стоя ко мне спиной, кого-то выцеливал и поэтому не заметил моей нехорошей улыбки, иначе, наверное, передумал бы стрелять в почти безоружных пацанов и занялся мной. Но не судьба. «Сто четвертый» рывкнул короткой, в три патрона, очередью, и бандит с импортным ружьем рухнул, так и не сделав ни одного выстрела. Мои помощники уже были внутри бокса, и оттуда доносилась азартная пальба и матерщина. Стреляли все трое, им отвечали два «макаровских» ствола. Заткнулся сначала один пистолет, потом второй. Бандиты или убежали, или были не в состоянии стрелять.

Я зажмурил глаза и рывком метнулся под укрытие комнатной стены первого этажа конторы. Внутри было темновато, и я не хотел оказаться слепым на то время, пока буду бежать в укрытие. У дальней стены просторной комнаты виднелась бочка с полыхающим в ней огнем. В дальнем правом углу кто-то шебуршится, обождем. Слева от меня деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Что сделает бандит: убежит или нападет?.. Из угла метнулась тень с чем-то продолговатым в руках, стараясь побыстрее взбежать на второй этаж. Я срезал ее короткой очередью, бандита бросило на стену, потом он повалился назад и, выронив оружие, с глухим стуком упал на пол. Все бандиты закончились, но где же пленник?.. Вопрос решился сам собой, из дальнего угла раздался голос:

— Серый, это ты? Это я, Тарас...

Голос слабый, молодой, но кто его разберет в темноте-то? Нужно было удостовериться, я присел и сказал:

— Спокойно, парень. Серого тут нет, сейчас я за него. Зовут меня Антон. Идти можешь?..

Послышался стон, а потом парень, прихрамывая, вышел на середину комнаты. Пройдя пару шагов, он упал — видимо, сильно били. Руки у него были связаны. Я быстро его обыскал: оружия нет, только крошки табака в карманах. Парень напрягся:

— Ты чего? Я же...

— Случай бывает всякий, случай бывает кусачий. Я тебя вижу в первый раз, поэтому заткнись и лежи пока. Позже поговорим, — перебил я его и стал шмонать труп главаря.

Что тут у нас есть? Почти новый семьдесят четвертый «калаш» и три магазина к нему.

²³ Режим АВ — режим ведения непрерывного автоматического огня. Имеется только в конструкциях так называемого автоматического оружия.

Контейнер для артефактов, причем явно не пустой... ПДА, денег местных целая «котлета», перетянутая резинкой. На поясе несколько кармашков на липучке, тоже с артефактами. С застежкой возиться некогда, резанул ножом и сунул в РД. Автомат повесил на плечо. Занялся трупом Чудры, но тут без сюрпризов. Забрал дробовик, пояс с артефактами, деньги и ПДА.

Поднялся на второй этаж, обыскал труп часового, артефактов у него не оказалось. Патронов два магазина, две пачки «L&M» да разбитый пулей ПДА. Немного подумав и прикинув вес хабара, все же забрал оружие и компьютер. Остальное решил оставить молодым, вроде справились они неплохо, но нужно было торопиться: вояки с блокпоста под виадуком, всего в полукилометре, наверняка слышали стрельбу. Патруль может быть здесь очень скоро. А может, и не успеют вояки, но не стоит полагаться на случай. Поторопимся.

Спустился вниз, развязал страдальца. Спросил:

— Идти сам можешь?

Парень был сильно избит, но держался молодцом:

— Могу. Но только не быстро: ногу прострелили, еще когда схватили меня...

Это хреново. Надо бы осмотреть, но сначала молодняк.

— Эй! — крикнул я своим помощникам. — Сюда идите все. Жив ваш товарищ. Быстро сюда гребите. Ранен он.

Парни примчались рысью, видимо, шарили по трупам. Вижу, и до MP5 добрались. Я отметил: пистолет-пулемет уже висел у предводителя самозванных «коммандос» на груди.

— Всех положили?

— Всех, они даже опомниться не успели, а мы...

Я оборвал Виктора на полуслове:

— Молодцы, а теперь так же быстро соберите все трупы и сбросьте их в «прыг-скок» за околицей. Вояки наверняка слышали выстрелы и могут зайти на огонек. Мы же не хотим, чтобы трупы нашли, да? А я займусь вашим приятелем, его подстрелили. В темпе работайте, надо уходить.

Парни помялись, но под взглядом Вити шустро принялись за работу, а я занялся раной Тараса. Пистолетная пуля прошла навывлет, сквозь ляжку, и рана слегка воспалилась. Вколол раненому обезболивающее, прочистил рану, наложил повязку. Спросил:

— Как теперь? Идти сможешь?

— Вроде. Только спать охота, — неуверенно ответил он.

С околицы раздавались хлопки аномалии, потом появился Витя и спросил:

— Как тут Шустрила?

Ох, и ответил бы я тебе, но сдержался:

— Никак. Раненый он, придется подвезти. Понесем на руках. Двое твоих бойцов несут, мы с тобой в охране. Концы зачистили?

Говорил я для всех, но восторжен был только этот тощий оглоед с трофейной «немкой». Витя без запинки, помня уроки прошлого, ответил:

— Да, все чисто. Можем идти.

— Тогда выдвигаемся. Идем быстро, но осторожно: делим маршрут на сектора. Я пойду замыкающим, ты поведешь. Зря не пали, только если нам кто-то угрожает, в серьезную драку не лезем, нам еще часа полтора идти.

...Двигаться по пересеченной местности с раненым, понимая, что скоро ожидается прибытие сильного и во много раз превосходящего тебя по численности, вооружению и выучке противника, — удовольствие ниже среднего. Нарвись мы с новичками на простой патруль военных... Я-то, скорее всего, уйду, а вот молодняк поляжет весь. Нет, лучше не будем о грустном.

Мы шли, круто забирая на юго-восток, обходя по широкой дуге мост и маршруты военных патрулей. Я слушал эфир, но, кроме обычной болтовни на общем канале, ничего слышно не было. Закодированное бормотание, характерное для вояк, не выходило за рамки обычного в таких случаях дежурного радиообмена. Похоже, либо стрельбу на АТП просто не

восприняли как нечто серьезное, либо командир района медленно соображает. Так часто случается — наблюдатель или командир блокпоста, обнаружив изменение обстановки, доложит по команде, но запрос и ответ долго гуляют по цепочке «командир — подчиненный». Ну а потом время уже упущено. Многое зависит от личной инициативы, в нашем случае патруль никто не выслал.

И все же острых моментов избежать не удалось. Витя, шедший впереди, вдруг поднял руку вверх, давая знак к остановке. Ребята, что несли Тараса, чуть ли не рухнули на пожухлую траву, так их вымотало сегодняшнее приключение. Я подошел к «предводителю команчей» и увидел: на поляне шел бой — стая из пяти слепых собак нападала на кабана. Свин был хорош — огромная туша с двумя парами пятнадцатисантиметровых клыков и ростом в холке примерно метр. Витя вскинул МР5, я осторожно, не делая резких движений, положил руку на ствол и с силой пригнул его к земле:

— Пусть дерутся, обойдем. Им сейчас не до нас.

Молокосос с жаром перебил:

— Копыта кабана и клыки — это ж ходовой товар! Сотни по три можно срубить...

— Оставь.

Витек окрысился, даже попытался вырвать у меня из рук свое оружие, но я держал ствол крепко.

— Тебе хорошо говорить: хапнул себе почти весь хабар с бандюков, — зашипел он.

Похоже, с Виктором следует потолковать с глазу на глаз. Но это потом, а сейчас нам надо спешить, поэтому пришлось убеждать:

— Собаки, услышав стрельбу, убегут. Секач бросится на нас. Твой паршивый девятый миллиметр его не остановит, кабан явно тут не один, может прибежать его подруга. Или вояки, что как раз сейчас идут по мосту метрах в трехстах от нас. И ведь они крошат вас. Заметь, Витя: я говорю «вас», потому что я возьму раненого и уйду. Ты и твои лягушата — не моя забота в принципе. Решай, как оно будет: кабанов тут немерено. А жизнь у тебя только одна.

Не люблю я таких вот «живчиков»: они сначала сделают, потом задумаются: «Что же я натворил?» Но это если башка на плечах еще не оторвана, конечно.

Ослабив давление на Витин ствол, я убрал руку, незаметно поставив ее в положение, из которого можно ударить ножом в висок. Фейерверк мне не нужен, да и скакать по рошицам и кустам с раненым Тарасом, отстреливаясь от вояк и монстров, — не наш выбор. К тому же с наступлением сумерек не известно, кто прорвался к Кордону: вполне можно поручаться с кровохлебом или с кем похуже.

Но дуракам, вроде этого любителя охоты и рыбалки, сегодня везло: Витя послушался, и мы пошли дальше, обойдя место схватки. Я оказался прав: кабаньи следы говорили, что тут еще и свинья имеется, и несколько поросят.

Когда стало смеркаться, мы вышли на околицу деревни новичков. Путь занял два с половиной часа. Вышло на час дольше, чем я планировал, но так получилось безопаснее. С солнцем тут творились странные вещи: низкие тучи почти не пропускали солнечного света, иногда даже днем становилось темновато. И этот полумрак плавно перетекал в темень, которая наступала часов в восемь вечера. Так было не всегда, иногда солнышко все же выглядывало и день был как день: с нормальным закатом и светлым днем... Некоторые считают пасмурную погоду депрессивной, давящей. Не знаю, мне нравится именно такая. Может, это оттого, что еще со службы у меня закрепился своего рода условный рефлекс: если погода дрянь, значит, преимущество на моей стороне. А может быть, я просто не люблю яркий солнечный свет и теплую погоду. Трудно отделить привычку от правила, привитого работой, когда и то и другое сосуществуют в тебе уже много лет.

Вот вроде и добрались. В окнах «тошниловки» горел свет, приглушенно выли какой-то блатной шансонье в записи (что-то про журавлей и черного ворона). У костра же тихо тренькала гитара, усталые бродяги обменивались новостями, накопившимися за день. Две пары старателей патрулировали улицу, еще троих часовых я заметил по периметру деревни,

причем одного в самой высокой точке — на крыше какой-то развалины в деревушке. Грамотно. Мы остановились, и я стал инструктировать Витю и его друзей:

— Значит, так, воины, вот версия для баек у костра: ты, Витя, совместно со своими друзьями, ВТРОЕМ, освободили Тараса из лап бандитской шайки. Скажете, что бандиты перепились и вообще круче вас только горы. — Я повернулся к раненому: — Тарас, ты все понял?

— Да, Антон, я...

Пришлось напомнить:

— Меня с вами НЕ БЫЛО, парень: тебя вытащил Витя и его хлопцы. Понял?

Тарас кивнул, но как-то упрямо на меня глянул:

— Но я добро помню, Антон.

Ух и упрямый пацан! Помнит он...

— Да сколько угодно помни. Не трепись только. — Я повернулся к остальным: — Витя, как придешь, подойди к Серому, скажи: Антон ждет его у входа в нору Поповича. Дальше сами, ребята. Позаботьтесь о раненом. Общий привет.

Парни подняли раненого и понесли его к «тошниловке». Там в ресторации был завсегдатаем некий врачеватель, то ли бывший хирург, то ли зубной врач, который все же больше лечил людей, чем гробил, почему, кстати, до сих пор и был жив. Оглоед Витя гордо выступал во главе колонны вернувшихся.

Я же обошел деревню вдоль забора справа и оказался у входа в «отель» Поповича. Снизу струился желтый и какой-то родной свет электрической стоваттной лампочки. Усталости я почти не чувствовал: привычная работа способствует улучшению настроения. Подошел Серый, мы пожали друг другу руки. Всегда могу определить характер человека по силе рукопожатия: если оно вялое — человек так себе; если давящее — скорее всего напористый и хамоватый задира; а если твердое, но вместе с тем осторожно-деликатное, как у Серого, — с таким мужиком можно идти в разведку. Лидер местных старателей кивнул на развалины еще одной хаты, стоявшей на отшибе. Крыши у дома не было, но в окнах даже сохранились стекла.

Мы прошли в смежную с бывшей кухней комнатку, чье единственное окно выходило на местное кладбище, где в три кривых ряда тянулись старательские могилы. Я насчитал сорок один холмик, сорок одну оборвавшуюся жизнь искавших счастья и удачи людей. Присев на алюминиевый тарный ящик, я выжидательно посмотрел на Серого, который присаживаться не спешил, топтался в дверях. Наконец, собравшись с духом, вожак новичков начал меня благодарить:

— Антон, спасибо тебе, выручил. Угнали бы пацана на Свалку, а «бычки» долго не живут.

Я поинтересовался:

— «Бычки», значит, это вроде рабов и отмычек. Я все правильно понимаю?

— Да. — Видно было, что эта тема не на шутку волновала Серого. — Бандосы ловят неопытных одиночек, иногда целые группы. Кроме того, тут у нас бродят стрингеры. Журналисты, которые лезут в запретную зону, далеко от мест, подконтрольных вменяемым группировкам и военным. Просто дураки — «экстремалы» чуть ли не со всего мира. Думают нервы себе пощекотать, вот и отлавливают их бандиты и перепродают как скот. За не шибко побитого или свежего пленника дают до пяти тысяч рублей...

Серый со злостью сплюнул. Информация была более чем исчерпывающая, и я резюмировал:

— Ясно. Прибыльный бизнес, одним словом.

Серый вскинулся:

— Прибыльный?! Да это же ЛЮДИ...

Я успокаивающе поднял руку раскрытой ладонью вверх:

— Я же не сказал, что одобряю бандосов. Извини, брат, просто голос у меня такой... невыразительный, что ли. Ты вот о чем подумай: зачем бандитам отлавливать «бычка» на

Кордоне? Ведь скорее всего у них карточки беженцев и они мирно прошли через блокпост под виадуком. «Бычок» перетащил им оружие через радиоактивную насыпь и на обратный заход у них имелся еще один такой же носильщик. Я не переоцениваю ум уголовников, но по опыту общения с ними там, в мире, знаю, что народ это по-своему изобретательный. Они пришли сюда за чем-то или за кем-то еще. А Тараса взяли от жадности или по форс-мажору. Им незачем светиться с оружием. Незачем шуметь. Да еще и под носом у военных. Подумай об этом на досуге и дай знать тем, кому это интересно. Думаю, тот контейнер и его содержимое подобны камню, брошенному в воду... От него уже идут круги, и хорошо, если они не превратятся в цунами.

Серый задумался, потом кивнул, соглашаясь то ли со мной, то ли с какими-то своими соображениями:

— Лады. Я скажу... Да! — Он почти уже повернулся, чтобы уйти, но полез в карман. — Вот возьми, это артефакт «фига», вроде как от пуль бережет, только фонит чуток. Это не оплата, просто в знак признательности. Еще раз спасибо тебе за Тараса, он брат моей жены, родня как-никак.

Вложив мне в руку небольшую коробочку с латунно поблескивающим артефактом, слабо просвечивающим сквозь матовую крышку контейнера, он попрощался и вышел. В узкое оконце с грязным стеклом мне было видно, что шагал он в сторону стоянки новичков и в сторону кладбища не смотрел, нарочито опустив голову, будто искал что-то в карманах штанов.

...Я спустился в бункер, кивнул Поповичу. Прошел к себе в комнату, рассортировал трофеи по трем ящичкам в шкафу. Потом занялся оружием. Уход за личным оружием — моя слабость, вроде медитации для буддистов, реально помогает в жизни.

Сначала пистолет, и осмотр глушителя удивил — износ нулевой. С автоматом вышло без сюрпризов, все штатно. Заново снарядил магазин к пистолету, вогнал в рукоять, дослал патрон, поставил на предохранитель и убрал в кобуру. Затем занялся автоматом: отсоединил и снарядил заново тот магазин, что был в нем, передернул затвор, выбросив патрон; разобрал и смазал ствол. Не торопясь, собрал автомат, присоединил магазин; дослал патрон и поставил на предохранитель.

Пока занимался оружием, поспел чаек. Листья уже опустились на дно кружки, и по комнате поплыл аромат безопасности, как я его себе понимаю: запах оружейной смазки смешивался с запахами чая, брезента и кожи. Смакуя каждый глоток, распечатал еще один армейский рацион, с расстановкой поел. Мыслей в голове не было никаких, только чувство удовлетворения оттого, что все прошло так, как задумывалось, и эта охота не последняя.

Меня удивляли окружающие люди. Они видели опасность где угодно: в аномалиях, мутировавших животных, очагах радиоактивности — и напрочь не замечали самой главной угрозы для своей жизни. Угрозы, исходящей от себе подобных. В самом деле, аномалию можно обойти, зверя можно убить или перехитрить, радиоактивное пятно тоже не причинит вреда, если о нем знаешь. Но вот люди... Эти дадут фору любой аномалии или кровохлебу, поскольку смертоноснее первых и умнее вторых. Зверь, даже самый хитрый и коварный, это всего лишь зверь: изучи его повадки, и вот он тебе уже не опасен. Так же, думаю, обстоит дело и с аномалиями: обходи их стороной, изучи особенности, и они сами на тебя не полезут. С человеком все гораздо хуже: этот нападет без причины, а если захочешь его обойти, примет за слабость и тогда еще вернее нападет. Зная это и внимательно относясь к окружающим, только так тут можно жить.

Подкрепившись, занялся трофейными КПК, перенес к себе в память рабочие контакты покойных, координаты тайников и схронов, занес в память сканера рабочие частоты и позывные. Если имя или позывной всплывет, сканер автоматически эту частоту подхватит, и я буду в курсе разговора. В некоторых случаях даже пеленг возьму. Сами устройства я уничтожил, а флеш-карты положил в пустой контейнер для артефактов. На подобный случай я накопил их много, кроме того, они экранируют любой из известных видов излучения, мало ли что. Прибрал добычу в дальний угол верхнего отделения шкафа, заложив их коробками с

патронами, глянул на часы: 19:26. Ладно, пора пойти на воздух. Посижу у костра, пообщаюсь с людьми, да и трофейные стволы надо пристроить. Само собой, современное итальянское ружье или АКС, и уж тем более «макарка»²⁴ мне были ни к чему. Пистоль, может быть, и пригодился бы, но я предпочитаю «стечкин», а вот «калаш» АКС, который в народе зовется не иначе как «весло», продам, даже не задумываясь.

У бочки с вечно горящим костром внутри полукругом сидели пять человек, еще трое бесцельно слонялись вокруг. Серый снова стоял чуть в стороне, у стены самой высокой хаты в деревне. Я знакомой дорогой направился к оружейнику. Несмотря на поздний час Михаил Анатольевич встретил меня самолично. Оружейный барон чистил ствол моего бывшего карабина М4. Занятие это его настолько увлекло, что мне невольно открылся кусочек истинной сущности этого человека: такая любовь сквозила во всех его движениях и выражении лица, что было ясно, что является для Цwirни радостью всей жизни. Он любил оружие, и страсть эта перевешивала в нем торговца, что не редкость среди увлекающихся чем-либо очень серьезно людей. Мне это было на руку: можно не опасаться некондиционного ствола или ненадежных боеприпасов. Теперь я практически был уверен: Цwirня может содрать три шкуры, но траченый или негодный товар он не продает. Играли по-прежнему «The Doors», только на этот раз я попал на композицию «Touch me». Цwirня поднял на меня взгляд, внимательно присмотревшись, поприветствовал и отсалютовал ершиком:

— А-а! Доброго вечера, молодой человек! Таки я очень рад видеть вас невредимым и, я вижу, не пустым. — Мельком глянув на мои трофеи, добавил: — Сразу говорю: больше я ограбить себя не дам, я уже прямо отсюда вижу, что АКС этот сильно траченый, а вот ружьишко... Ну давайте поглядим...

Он буквально выхватил у меня из рук SPAS, моментально собрал свой карабин и убрал его в недра под прилавком, и уже через пять секунд трофейное ружье было разобрано на составляющие. Оружейник бормотал нечто невразумительное и понятное ему одному. Потом небрежно осмотрел АКС:

— Все в порядке, молодой человек, этот поц, что пользовался «калашом», просто не ценит... не ценил свою жизнь. Что ему стоило смазать машинку хотя бы раз в квартал!.. — И бросил на меня вопросительный взгляд: — За все дам три тысячи и ни копейки сверх того.

Это уже была наглость.

— Четыре, и я добавлю вот это. — Я выложил на стол ПМ.

Но торговец и глазом не моргнул. А «макарку» просто проигнорировал.

— Три двести. Вы же меня опять грабите, когда подсовываете мне этот булыжник! — Он ткнул пальцем в ПМ. — Имейте совесть, молодой человек, этот шпалер даже кинуть удачно не получится, не то что выстрелить из него и, не приведи боже, кого-нибудь напугать звуком. Вот у меня больное сердце, но я даже не моргну, когда услышу. Какой-то уркаган колот им орехи, а вы требуете цену!..

Со стариком стоило торговаться, чтобы только послушать его непередаваемый одесский говор.

— Три восемьсот, и это только потому, что такой мастер, как вы, сможет даже этот пугач довести до кондиции.

Видно было, что оружейнику понравилась моя вполне искренняя оценка его способностей, но старик стоял насмерть:

— Три триста пятьдесят, и вы таки не будете иметь сегодня спокойного сна, если у вас есть капля совести. Грабить и обманывать старого Цwirню в его же собственном доме?! Да

²⁴ ПМ — пистолет Макарова. Пистолет системы Макарова был создан в ответ на требование Советской Армии разработать новый пистолет для самообороны офицерского состава, более компактный и безопасный в обращении, чем пистолет Токарева (ТТ), но при этом обладающий большим останавливающим действием пули (пуля из ТТ делает «дырку», но обладает слабыми останавливающими свойствами, что для армейского пистолета избыточно).

меня засмеют мальчишки за тем смешным забором: я не смогу составить им конкуренцию в продаже краденых колпаков с машин!..

Ладно, старый лис. Время позднее и развлечений на сегодня, по-моему, достаточно.

— Три с полтиной, и остановимся на этом. И не забывайте: я же эти железки не на дороге нашел...

Старик явно остался доволен сделкой и, как бы нехотя, согласился:

— Да слышал я уже, слышал. Нет сомнений, вы, молодой человек, поступили правильно, оставшись, так сказать, за скобками. Но когда я вижу профессионала, таки я могу узнать его по поступкам: эти шлемазлы, что поют о геройствах там, у костра, могли так же спокойно уже прогуливаться в желудках у слепых собак. Я имел дело с биндюжниками, так и я вам вот что скажу на это: те трое мальчиков наверху даже не напугали бы серьезных людей вроде Витали Стеклореза и отморозка вроде Чудры. Может быть, их бы тихо разоружили и переправили на Свалку. Осторожнее, молодой человек, вы познакомились с серьезными проблемами, а басни новичков не убедят того, кто сделал заказ бригаде Стеклореза, что случилось чудо. У нас хоть и заповедные места, но некоторые чудеса не случаются даже здесь.

— Благодарю за предупреждение, Михаил Анатольевич. Я учту ваши замечания во время э... следующих мероприятий. В связи с изменившимся материальным положением хотелось бы продолжить разговор о ковровском автомате. И еще мне нужен армейский БЗК вроде СКАП,²⁵ желательно «десятки». Сколько это мне будет стоить?

Оружейник возвел очи горе и, произведя какие-то вычисления, выдал:

— Того, что вы сняли с биндюжников, не хватит: СКАП довольно редкая штука. Но, учитывая намечающуюся перспективу, предлагаю сделку. Я достаю вам все, что вы запросили, а взамен принесете мне «гаусс». Причем сначала я достаю вам «машинку» и костюм, а вы вносите мою э... оплату после получения заказанного снаряжения. Вот флешка, здесь примерные данные по характеристикам винтовки, примерный состав и оснащение разведгрупп военных, у которых этот ствол может быть, а также пакет настроек на служебные радиочастоты здешней группировки военных. Запустите инсталлятор, и настройки пропишутся в сканпрограмму ПДА...

Рисковый мужик! Я же могу просто не вернуться сюда. То, что Цвирня назвал «гаусс», — это прототип оружия нового поколения. До меня о нем только слухи долетали, в Интернете было крайне мало информации. Это электромагнитная винтовка, по слухам, ее создали для военных-старателей как снайперку. Это чудо хохлятского военпрома бьет на пять километров, причем практически по прямой. Специальные боеприпасы прошивают навывлет с заявленной дистанции любую бронезащиту пехотинца, а также легкую бортовую броню БТР. По отрывочным данным, выуженным из общей старательской сети, я выяснил, что обретается данный девайс только в глубине Зоны. Добыть «гаусс» можно в Темной долине и на Радаре, и если первое место спорно по времени обнаружения группы вояк-старателей, то к Радару вообще лучше не соваться: там заправляет группировка под названием «Братство Обелиска». Эти странные ребята поклоняются некоему одноименному артефакту, а всем, кто приближается на расстояние выстрела из того же «гаусса», выписывают свинцовую пилюлю. Получается, что заказ оружейника выполнить будет непросто. С одной стороны, Темная долина, где бродить в поисках подходящей добычи можно годами, а с другой — Радар, туда вообще лучше взять с собой только лопату. А чего: отрыл могилку, встал на край и жди появления сектантского патруля. Но, кажется, я знаю,

²⁵ БЗК СКАП — разновидность боевого защитного комплекта (БЗК). Обеспечивает защиту как от пуль и осколков, так и от воздействия аномалий и радиоактивного излучения. Разработан для разведгрупп военных скаутов, предназначен для длительного автономного пребывания в Зоне отчуждения. В целом по компоновке костюма можно сказать, что это некий компромисс между костюмом химзащиты и реальными БЗК. В действительности пока не удастся достичь приемлемой компоновки комплекта, достаточно хорошо защищающего как от пуль и осколков, так и от вредных излучений и отравляющих газов.

как мне добыть эту винтовку, нужно только все обдумать.

— Согласен, Михаил Анатольевич. Когда можно будет получить оружие и снаряжение?

Оружейный барон несколько не удивился, видимо, он уже давно просчитал мою реакцию и возможные риски:

— К сожалению, только через семь дней. Но ни вы, ни я ведь не сильно торопимся, верно? У нас довольно интересные места: гуляйте, знакомьтесь, а через неделю и приступим.

Звучит разумно. Кроме того, чтобы осуществить мой план, нужно так и так понюхать местный воздух. Подождем...

— Согласен. Думаю, оставшееся время мы оба проведем с пользой. Доброй ночи, Михаил Анатольевич.

Старый оружейник энергично кивнул:

— А вам доброй охоты!

Мы обменялись крепкими рукопожатиями, и я вышел на поверхность. Присел у костра на старое сиденье от УАЗа, служившее скамейкой, чтобы не застудить чего-нибудь. Сидеть на земле — последнее дело, если в этом нет необходимости. Мне надо было спокойно все обдумать. А глядя в пламя костра в бочке, это делать гораздо комфортнее.

План в общих чертах у меня уже был готов, но требовалось насыщение каркаса конкретной информацией, а ее нужно собирать весьма осторожно: второго шанса не будет, это к гадалке не ходи. Но возможность непременно найдется. Вариант пойти рейдом во владения «Братьев» отпадал сразу: территория не изучена, толком осмотреться мне там не дадут, вычислят и загонят, как дурную дичь. Наиболее приемлемым было бы отбить искомое у военных скаутов, они ходят как группами до взвода,²⁶ так и тройками, если дело касается разведки каких-то особо мутных мест Зоны отчуждения. Подловить такую малочисленную группу, если взяться умеючи, вполне реально. Другое дело, что нужно хотя бы примерно владеть информацией о маршрутах и зонах ответственности таких подразделений. Иначе можно годами бродить и не встретиться, расходясь друг у друга под носом. Но и успех гарантирован, если точно знать, куда, когда и по какому маршруту пойдут такие специальные ребята. Встречный бой наобум закончится не в мою пользу, если я не приготовлю воякам пару сюрпризов или если не найду себе напарника. Нет, напарник среди этих любителей авторской песни и «запахов тайги» для такого скользкого предприятия вряд ли сыщется. Придется рассчитывать на свои силы.

А план мой был таков: нужно заставить вояк выслать в определенное место Зоны одну или несколько небольших разведгрупп. Я подлавливаю одну из них и, прихватив «гаусс», возвращаюсь с победой. Если сработать не «в лоб», а «по лбу», особо не подставляясь, — точно выгорит. Само собой, за мной они не пойдут: нужна приманка. Что-нибудь важное... или кто-нибудь именитый. Вот, например, от местных я знаю, что каждое воскресенье некий УАЗ возит майора из штаба группировки на «блок» под виадуком. Старатели, те, что выходят в поиск и не скидывают артефакты перекупщикам еще там, в отдаленных районах, часто про этого деятеля говорят. Скорее всего, майор собирает дань с прапорщика Дичка, легендарно известного на Кордоне своими паранормальными способностями при личном досмотре беженцев и старателей, следующих как в глубь Зоны, так и за ее пределы. Взимает налог с прибылей прапора наверняка майор. И делает он это не по живости характера. В таком деле посредники — лишний повод для беспокойства. Этим надо воспользоваться: майор — лицо в штабе группировки не последнее. На нем, как стало ясно из обрывков разговоров местных старожилов, сходятся все нити по переброске конфиската за пределы Зоны по линии вояк, что составляет конкуренцию местным барыгам вроде Поповича и Цвирни. Конечно, устранение майора ничего не даст, так как на его место придет кто-нибудь другой и время и деньги, затраченные на устранение коррупционера, пропадут зря. Но вот

²⁶ *Взвод* — боевое армейское подразделение численностью до 30 человек (имеется в виду пехотный взвод).

искать такого человека, да еще и с собранным урожаем, непременно станут.

Таким образом, вырисовывался следующий план операции. Во-первых, захватить майора во время его инспекции на блокпост. Тут все просто: узик с майором прибывает на «блок» ближе к вечеру. В Зоне практически всегда сумерки, так что задача упрощается. Я навожу шухер в гарнизоне блокпоста. Это от пяти до восьми человек, пятеро из которых будут дрыхнуть в вагончике. Затем в прикиде часового встречаю машину с майором, устраняю охранника, исполняющего смежные функции водителя, беру майора в плен и ухожу с ним в отрыв. Идем сначала на Свалку, а там и до Темной долины недалеко. Во-вторых, прячусь и оборудую ловушку: даю майору возможность бежать и подать сигнал бедствия. Сыграем в блеющего козленка на веревочке. Человек — это не безмозглая животина, придется разыграть все так, будто я понял, кто он такой, испугался и отпустил. Само собой, за ним пришлют вертушку, но сначала дадут знать командам вояк-скаутов, находящихся где-нибудь поблизости. Я засекаю тех, кто откликнется, и жду. Далее — по обстановке, но думаю, что, сколько бы групп там ни бродило, близко окажется только одна или две. Кроме винтовки, мне ничего не надо, поэтому шанс уйти с добычей появится, и довольно нехилый. Рискованно, конечно, но когда было иначе?.. Нужно обзавестись парой полезных вещей, чтобы удивить вояк-поисковиков, но сначала обязательно понаблюдать за процессом «сбора средств», чтобы выяснить примерную хронологию событий. Соберу все в рабочую оперативную комбинацию — и можно работать.

Пока я размышлял, к костру подошли мои недавние напарники по «миссии спасения». Вид у хлопцев был залихватский, все трое изрядно поднабрались и громко, перебивая друг друга, что-то говорили. Однако их предводитель Витя был не сильно пьян, вернее, не так сильно, как его приятели. И у меня появилось желание показательно начистить ему его нахальное табло. Но от нервного поведения меня избавили двенадцать лет службы в разных не слишком безопасных для жизни местах, и я решил посмотреть, куда ведет этот след, как говорила пантера Багира из кипплинговской сказки.

Витя подошел ко мне, сделав страшно секретное лицо, предложил «пойти обсудить одно дело с глазу на глаз». Отчего же не пойти, тем более что нечто подобное я ожидал, и лучше уж это произойдет сейчас. Мы отошли от костра, перешли дорогу и спустились в подвал «тошниловки».

Восемь столиков без скатертей, но с набором «солонка-перечница» на грязноватых салфетках. Пять ламп в жестяных абажурах давали приемлемое освещение. Справа от входа бар с батареей бутылок и ловким кавказцем за стойкой, две подавальщицы-официантки неопределенного возраста разносили заказы двум десяткам людей, объединенным в две устойчивые застольные компании. Было как-то надрывно весело. Ребята пропивали и проедали вырученные за хабар рублики и делали это с душой. Я их понимаю: завтра может наступить не для всех, поэтому пусть все случится сегодня и будет это «все» как можно ярче и громче, пусть даже потом, с похмелья, многое и забудется навсегда. А позже выжившие после очередного рейда в Зону будут по крупицам восстанавливать события сегодняшнего вечера, поминая глотком-другим того, кто больше за стол с ними уже не сядет никогда.

Крайний столик у стены, возле стойки, был свободен, и мы с Витей присели на табуреты, выполненные в народном стиле — с резными узорами, изображавшими жар-птиц. К нам подошла подавальщица, женщина лет сорока, с усталым, осунувшимся лицом, в мелких чертах которого сквозило одно лишь желание: «Как сменюсь — сразу спать». Поинтересовалась с вполне естественным тут малороссийским говорком, что нам подать.

Есть не хотелось, чай повсеместно на Украине напиток непопулярный, поэтому я попросил бутылку темного пива и соленых сухариков, а вот мой собеседник, напротив, заказал триста граммов водки и кучу всякого на закусь. Я не заметил у него трофейного МР, а с бандосов они много взять не могли, поэтому вывод был очевиден: ствол Витя загнал и теперь пропивает дивиденды.

Я приготовился слушать, и предводитель молодняка меня не разочаровал. Повел он свой сказ издавека, изложив для начала свою краткую биографию. Затем объяснил причину,

по которой оказался в Зоне отчуждения, и с гордостью поведал аж о трех рейдах на Свалку и в Темную долину, «скромно» упомянув о дюжине заваленных бандитов и одном самолично убитом крохотке. Врал парень вдохновенно. Местами приходилось прикладывать довольно серьезные усилия, чтобы не рассмеяться. В конце монолога Виктор высказал деловое предложение. Я слушал, в таких случаях лучше не перебивать — пусть человек выговорится и, не наблюдая твоей реакции, пойдет на второй-третий заход. Такой прием серьезно снижает уверенность оппонента, человек не знает, чего ожидать.

— С-слуш-шай, Антон, я — опытный бродяга. Ты, я эт-т-то понял сразу, мужик э...

— Тоже опытный, — подсказал я, и Витя радостно закивал головой:

— Верно. Так я к чему веду: ты да я... да друзья мои составим команду и п-п... пойдем Зону потрошить. А потом свой клан создадим. — Он ошалело выпучил мутные зеленые глаза, видимо, поразившись открывающимся перспективам. — Ну, как тебе предложение?

— Нет. — Я поднял ладонь, дабы пресечь возражения пьяного новичка. — Более того, ни в трезвом, ни тем паче в пьяном виде больше ко мне не подходи. У нас разные дороги, Витя. Я сам по себе, и напарники мне не нужны. Ты кушай, кушай — вся беда с вами, «потрошителями», именно оттого, что не закусываете...

Я одним долгим глотком допил пиво, поднялся из-за стола, оставил под солонкой деньги за выпитое и чаевые для усталой подавальщицы и собрался идти в гостиницу. Еще о многом нужно было подумать, а этот балбес меня с самого начала раздражал. Надо завязывать с беседами.

— ...А мне пора, дел много еще. Бывай здоров. На прощанье прими совет: не ходи ты «Зону потрошить», она сделает это с тобой много раньше. А если все-таки пойдешь, не бери пацанов зеленых с собой. Не отягощай карму.

Вариантов действий у Вити было немного. Он мог бы попытаться затеять со мной драку прямо здесь, пьяного куража у него должно было на это хватить. Закончилось бы все довольно быстро, но привлекло бы ко мне ненужное внимание. Второй вариант — он выходит вслед за мной, договаривается с друзьями, и они пытаются замочить меня уже коллективно. Последний вариант был предпочтительнее, но Витиных друзей валить мне не хотелось: я всегда испытывал некое подобие сочувствия к слабым, подпадающим под чужое влияние людям. Но управлять ходом событий мне надоело, при любом раскладе им ничего не светило: ни вместе, ни по отдельности. Витя не напал сразу, значит, вариант номер два. Подождем. Пора и на боковую, пока есть возможность спать в нормальной кровати...

...Сон был тем видом жизнедеятельности, который я не люблю более всего: бесцельное времяпрепровождение, когда можно заняться чем-то полезным и нужным. Но без него — никак. С течением жизни я стал замечать, что сон дается каждому человеку для разных целей: кто-то просто отдыхает, кто-то прячется от действительности и всяческих жизненных перипетий, кто-то с помощью толкований сновидений пытается приоткрыть, так сказать, «покрова грядущего» и т. д. Мне сон нужен для того, чтобы запущенный во время бодрствования механизм жизни провернулся без моего участия. Таким образом судьба дает человеку понять, что существуют моменты, когда он либо не нужен, либо нежелателен ей в активном состоянии. Возможно, именно поэтому я никогда не запоминаю снов или просто их не вижу. А когда применяешь методику «волчьего» сна, то грезы исключены в принципе. Заблуждаются те, кто видит сон человека моей профессии как некую череду кошмаров с вереницами трупов врагов, тянущих ко мне трясущиеся конечности и грозящих своему погубителю вечными карами, или павших друзей, говорящих о смысле жизни и всяком таком задушевном. Нет, конечно: были у меня и враги, которых я отправил в страну вечной охоты, и друзья, проскочившие за грань небытия раньше меня. Но духи врагов, видимо, не желали со мной повторной встречи, а друзья на то и друзья, чтобы не мешать близкому человеку отдыхать. Думаю, что, когда придет мой черед и я к ним присоединюсь, мы без суеты займемся чем-нибудь тамошним, потусторонним. А до тех пор они, скорее всего, ждут, что со своими заморочками я разберусь самостоятельно. Что у меня обычно неплохо и

получается.

Утро было полно сюрпризов. В лагере новичков было непривычно оживленно для 5:30. Были слышны крики и беготня, да и ПДА пару раз завибрировал. Я не спешил подниматься наверх и, пожелав Поповичу доброго утра, начал претворять первую часть моего плана в жизнь.

— Попович, а скажи мне, сколько стоит у тебя некий артефакт «крикун»?

Торговец поднял на меня безразличное лицо опытного игрока в покер:

— Двадцать тысяч рублей, и я тебе не Мишка Одессит, я не торгуюсь.

Это-то как раз и есть твое слабое место, барыга, про себя ухмыльнулся я и продолжил:

— Хорошо, это даже кстати. Мне нужен «крикун» и трансмут «Лукерьины бусы». Сколько за все?

Торговец задумался. Конечно, он понимал, что денег у меня таких может и не быть, но страсть к наживе притупила его бдительность:

— Сорок пять тысяч за все.

Он выжидательно глянул на меня исподлобья. Попался, голуба: теперь ты мой!

— Значит, за «крикуна» ты просишь двадцать пять, а за «бусы» двадцать тысяч... — намеренно оговорился я, на что барыга быстро отреагировал, уточняя:

— Наоборот, за «крикуна» двадцать «косых», а за «бусы» двадцать пять — от пуль бережет как-никак. А «вопилка» эта твоя вообще штука специфическая, ею только радиопередачи глушить да электронику портить...

— Тогда предлагаю бартер: ты мне «крикуна», а я тебе — трансмут «Лукерьины бусы». И разойдемся, довольные друг другом.

Вы когда-нибудь слышали выражение «подковерная схватка»? Так вот, лицо Поповича некоторое время бугрилось и пыжилось, меняя форму и цвет в диапазоне от красно-лилового до бурого, отражая сильнейшую бурю эмоций, подавляемых хозяином «отеля». Наконец опыт взял свое и торговец ответил:

— Ну, ты и жучила, старатель... Давно меня так никто не накалывал.

Это был перебор, нужно было вернуть часть самоуважения, дабы не расстраивать хорошего человека.

— Нет, просто неопытный, в ваших артефактах слабо разбираюсь. Я вдруг вспомнил, что снял один трансмут, но точно его свойства не знал. А ты напомнил про пулестойкость, вот я и...

Торговец оценил мой жест доброй воли и кивнул:

— По рукам. Как пользоваться «крикуном», знаешь?

— Да, читал памятку, благодарю.

Ничто так не помогает укреплению партнерских взаимоотношений в торговле, как надувательство. Попович оценил то, как я вывернулся с обменом, и вряд ли затаил зло. Просто впредь он будет со мной настороже, что тоже имеет свои преимущества: он поостережется с чрезмерной накруткой на хабар, и вообще, подобные ситуации способствуют взаимному уважению. Надеюсь, что так оно и будет.

Что касается «крикуна», то артефакт этот хоть и редкий, но по своим свойствам не шибко востребован. Он испускает поток радиоимпульсов во всех диапазонах, сильно напоминая крик разъяренной домохозяйки. Этот импульс забивает все радиочастоты, но самое опасное: «крикун» вопит ровно пару секунд, после чего вся электроника, находящаяся в активном состоянии или просто со вставленными элементами питания, выходит из строя. Впрочем, судя по той информации, что мне удалось собрать, защититься от импульса «крикуна» можно. Если на поясе иметь другой артефакт — «булыжник». С виду обычный серый камень, но на самом деле это нечто вроде заготовки. «Булыжник» впитывает в себя энергию и эманации других артефактов и аномалий, но с совершенно непредсказуемым результатом. Неизвестно, какой трансмут получится в результате ассимиляции, процесс этот не изучен, и тут уж кому как повезет. Я снял его с покойного Чудры вместе с остальным

барахлом. «Булыжник» во время импульса лучше положить рядом с собой. Если верить памятке, таким образом он лучше поглотит избыток излучения «крикуна».

Я поднялся наверх и пошел к оружейнику. Нужно было продолжить закупку «подарков» для вояк. У входа меня поджидал Серый с парой своих хлопцев из числа более-менее опытных, уже пообтершихся и сходивших в пару рейдов в глубь Зоны. Вид у всех троих был решительный. Начал Серый:

— Здоров, Антон.

— И тебе того же. Что-нибудь случилось?

Вожак новичков явно тяготился возможными последствиями предстоящей беседы. Он примерно видел расклад, и понимание того, что в нашем случае это даже не паритет, ему не нравилось. Но им двигала необходимость. Поэтому он и шел, даже несмотря на отсутствие преимущества.

— Антон, ты вчера с Зарубой водку пил?

Ах вот оно что: оперативно подсуетилось «общество любителей контейнера». Нас ждут поминки.

— Нет, водку не пил. Пару пива, это да, не отрекаюсь, а дальше Витя продолжил уже без меня. Больше я его не видел.

Допрос продолжился по пути к стоянке, а ребята Серого ненавязчиво шли слева и справа от меня, держа автоматы стволами вниз, чтобы в случае чего я далеко не убежал. Если бы я был одним из них, то, может, мне бы и не удалось, а так... Ну да не будем о грустном.

Серый продолжил:

— Заруба вчера крепко загулял. А около двух часов ночи прибежал один из его парней и сказал, что ты грохнул Витю, а тело уволок с собой. Мы стали искать, обшарили всю округу. Но следов ночью не нашли, сейчас соберу людей и отправимся.

— Зря сходите. Трупам вам не найти, собачки поели. Это если он сам по пьяни за околицу поперся. А если это то, что я думаю, то вообще ничего не найдем. Тело скинули в «прыг-скок», и вся недолга. Давай так поступим: у вас тут есть типа КПЗ что-то?

Серый недоуменно посмотрел на меня:

— Нет, мы сдаем убийц воякам, а те отправляют дальше. У нас только подпол вон в том крайнем доме, на случай, если вояки не приезжают до вечера. А что?

— Скажи всем, что я отпираюсь, но ты сам разбираться не будешь и отдашь меня воякам. А пока посади меня в ваш подпол. Разоружи, можешь связать. Те, кто Витю брал, скорее всего, расспросили его перед смертью. Теперь им известно, кто перестрелял их друзей на АТП. Они за мной придут. Воякам сообщи, что поймали уголовного, но ничего больше не уточняй, пусть забирают к вечеру. Все должно быть убедительно. Оружие мое Михаилу Анатольевичу отнеси, скажи — пусть до вечера полежит. И тогда же я представлю тебе душегуба, рубь за сто, это будет тот же человек, что Витю сработал. Парню, что охранять меня будет, скажи, чтобы сильно не старался; мол, куда я денусь. А то и его зацепит. Круги по воде набирают силу, я же предупреждал.

Серый задумался, кивнул. Я снял с плеча автомат, вынул пистолет, отстегнул ножны и передал все Серому. Один из парней провел меня в крайний справа дом. Руки мне связывать не стали, Серый запретил. Зря. Было бы убедительнее, а мне нетрудно от пут освободиться. Да и веревочка тоже пригодилась бы, хотя вполне допускаю, что гость принесет все с собой.

В погребке было на удивление сухо, горела лампочка, у стены стоял ящик, заменявший собой всю мебель. Я прилег и принялся ждать. Нет, гранату бросать в люк они не станут, всенепременно захотят меня допросить, но могут и пустить какой-нибудь газ. Впрочем, для этого и придуманы дыхательные маски, БЗК старателей ими оснащается обязательно. Но готовности оказать сопротивление от меня никто не ожидает. По мою душу явится кто-нибудь попроще, скорее всего — тоже уголовник. Пока что я гонял в голове план операции по «честному отъему» винтовки у вояк. Информация Одессита очень помогла: тут тебе и численность, и оснащение разведгрупп вояк, что бродят в режиме свободного поиска по самым глухим местам Зоны, дополнительные сведения по карте. Я уж молчу про такую

ценную вещь, как настройки для сканера.

...В Темной долине довольно много мест, где можно подловить разведчиков, да еще если те идут спасать одинокого штабного майора, который вопит по рации, что ему страшно. Идеально подходила низинка, напоминающая очертаниями ковшик или сковороду: с трех сторон поляна окружена холмами, а с севера идет узкая тропка. Скорее всего, зверье повадилось заходить к овражку у юго-западной оконечности поляны, где скапливается вода. Я планировал поместить майора там, в центре, оставив ему рацию, заминировать тропу и залечь на холме, чтобы видеть место закладки. Мины сработают, я заберу винтовку, а майора кончу. Побросаю трупы в аномалию и все. Ничего из ряда вон: группа разведчиков и штабной офицер пропали без вести в Зоне отчуждения. Эка невидаль! Отходить надо в сторону Ржавого леса, выждать денек-другой и с трофеями можно подаваться на Кордон.

Естественно, что самому весь арсенал мне на себе сразу не утащить: тут тебе и мины, и рационов на неделю, и боекомплект запасной, и другие полезные вещи. Набиралось на семьдесят с лишним кило. Выход один: нужно по маршруту соорудить пару схронов, а самому идти налегке. Кое-что, конечно, можно будет погрузить на пленника. Внимательно всматриваюсь в приложенные Одесситом фотки: майор разрядником по силовым видам спорта не выглядит, тяжелее портфеля да пачки карбованцев в руках давно ничего не держал. Одессит серьезно подготовился: фотки майора в фас и профиль довольно качественные. Нет, сильно нагружать приманку смысла не имеет. Но как пробраться с неразрешенным грузом через радиоактивную насыпь? «Блок» с таким багажом я точно не пройду без взятки, а денег у меня хоть и достаточно, но не вагон же. Кроме того, вояки меня скорее всего кинут: заберут деньги и груз, а меня оформят как нарушителя режима и сдадут в комендатуру района. Вариант прорыва на машине сомнителен — транспорт в Зоне вел себя непредсказуемо. Топливо непостижимым образом превращалось в серое желе, если заехать на бэтэре или простой машине дальше Свалки. Происходило это не сразу и только не выше четырех метров над уровнем грунта, но я не был уверен, что это не скачкообразный процесс и машина не заглохнет в самый неподходящий момент. Надо подумать.

Время прошло быстро, и наконец я услышал звяканье отпираемого замка, и внутрь полетел небольшой цилиндр. «Слезогонка», скорее всего. Я зажмурился и натянул маску. Громко закашлялся и встал так, чтобы тот, кто полезет в подпол, оказался ко мне спиной. Когда облако рассеялось, в подвал стали опускаться ноги. Потом показалась задница и широкая спина с чуть покатыми плечами, над которыми на коротковатой шее находилась массивная голова с неожиданно пышной, белой, кудрявой шевелюрой. Я отработанным ударом в область затылка отправил парня в аут. Затем обыскал. Точно: меня собирались связать с помощью армейских пластиковых наручников. Строго говоря, это просто петля, затягивающаяся на конечностях жертвы, ее легко разрезать ножом, но трудно снять каким-либо иным способом; дешево и практично. Видимо, потом планировалось перенести меня для дальнейшей беседы куда-то в более уединенное место. Поэтому посланник был таким внушительным по комплекции. У бандита с собой был украинский «Форт» с двумя запасными магазинами и украинский паспорт с отметкой о статусе беженца.

Осталось решить, что мне сейчас нужно: повернуться и уйти или порасспросить моего нового знакомого о сути претензий... Считается, что знание — это сила, но чаще всего оно является постоянным источником беспокойства. Я выбрал неведение: кто бы этого амбала ни отправил по мою душу, он почти наверняка никакой информацией не владеет. Пойдя по цепочке от мелкого исполнителя к контролирующим его людям, я потеряю много времени и в итоге ничего не добьюсь.

Одно я узнал точно: именно этот гражданин «работал» Витю. На руке у амбала были золотые Витины часы «Омега», которые тот при каждом удобном случае демонстрировал, рассказывая, как он получил эти «котлы» в обмен на артефакт «колючка» от какого-то киевского бизнесмена, приехавшего в Зону на сафари, но дальше Кордона не поехавшего по причине сильного запоя и последующей «белочки», крепко поселившейся у «акулки капитализма» на загровке. В результате бизнесмен свалил до дому, накупив сорных и

дешевых артефактов, а когда деньги кончились, то Витину «колючку» он обменял на часы. «Омега» была настоящей, с приметной царапиной на браслете, поэтому я без труда узнал часы покойного. Вот и выяснится все. Но без меня.

Я вылез из подпола. У двери лежал часовой. Парень был жив, бандит его только оглушил. Заперев подпол и прислонив парня к стене поудобнее, я отправился к костру, где и встретился с Серым. Вечерело, за думами и возней с уголовником я потерял почти шесть часов. Предводитель новичков не сильно удивился и поприветствовал меня взмахом руки:

— Были гости?

— Только один. — Я протянул ему вещи бандита. — Думаю, что где-то поблизости ошиваются его друзья. На руке у того, что сидит в подполе, часы Вити. Расспроси бандита, он, я думаю, не откажется рассказать, что и как. А я более не помощник тебе, своих дел полно. И так из-за этих разборок целый день потерял. Бывай, начальник.

Понимая, что от меня больше ничего не добьешься, Серый только кивнул. Знакомой дорогой я отправился к оружейнику. Тот меня опять как будто ждал: на прилавке перед ним были разложены части моего давешнего трофея — дробовика. Голос Моррисона, казалось, сроднился с этим местом, сейчас это была песня «L. A. woman»...

— А-а! Молодой человек, таки доброго вечера, и я рад вас видеть у себя в доме. Что вы намерены приобрести на этот раз?

— И вам доброго вечера, Михаил Анатольевич. На этот раз ничего особенного, но довольно много.

Внимательно оглядев меня с ног до головы, оружейник произнес:

— Возьмите кое-что уже ваше, а о том, что только вы имеете желание приобрести, мы поговорим после...

Миша Одессит, а именно так звали легендарного старателя, который одним из первых прорвался к ЧАЭС, который знал Зону отчуждения так, как немногие старожилы, выложил на прилавок мое изъятые утром оружие.

Время меняет людей, но Зона не отпускает никого. Вот и оружейник с малость наигранным акцентом и закосом под бедного еврея оказался с сюрпризом. Я проверил оружие, поблагодарил и начал перечислять нужное мне оборудование:

— Требуется противопехотные «погремушки». Шесть универсальных мин «Верба»²⁷ с устройством многоканального дистанционного подрыва, четыре МОН-90,²⁸ шесть сигнальных мин, два килограмма пластита. Если можно, лучше советского «пластилина», а чехословацкого и американского «варева» не хотелось бы.²⁹ Пять электродетонаторов дистанционного подрыва, шесть гранат Ф-1. Проволоки тонкой на растяжки метров двадцать. Вот вроде и все.

Одессит молча что-то посчитал в уме и выдал:

— Пять тысяч семьсот рублей, и я дам еще три рюкзака из прорезиненной ткани. Сегодня я не в настроении торговаться. Но это таки только потому, что вы в прошлый раз выпили всю мою кровь, безбожно сбив цену.

Честно говоря, торговаться и у меня уже не было времени, оно просто летело вскачь, оставляя слишком мало возможностей для раздумий и непозволительно многое отдавая на

²⁷ «Верба» — противотранспортная мина МЗУ-2. Помимо своего прямого назначения, может быть использована как в качестве объектной мины, мины-ловушки, детонатора или устройства неизвлекаемости для других мин, например противотанковых.

²⁸ МОН-90 — мина осколочная направленная, радиус поражения по горизонту — 90 м, по высоте — 8 м. Аналог американской противопехотной мины «клеймор».

²⁹ *Пластим* — разновидность пластиковой взрывчатки. Советский вариант (ПВВ-4) выгодно отличается, в том числе и от западных аналогов, высокой стабильностью и сохраняет свои свойства даже при небрежном хранении.

волю случая. А сюрпризов, приготовленных другими людьми, я могу и не пережить, поэтому следовало наряду с поисками лазейки в обороне блокпоста заняться поисками другого жилища, подальше от людей. Их интересы и устремления слишком активно мешали мне заниматься своими делами. Нужно наконец научиться оказывать не так много добрых услуг, ибо слишком хлопотно... слишком.

— Хорошо, Михаил Анатольевич. Вот деньги.

Видно было, что свое в плане торга Одессит возьмет в другой раз. Довольно быстро мы завершили сделку и упаковали все в два рюкзака. Там еще оставалось место для запаса еды, универсальных контейнеров-аптечек и дополнительного боекомплекта к автомату и пистолету. Не торгуясь, я добрал все это, оставив у оружейника еще семьсот рублей. Сгибаясь под тяжестью груза, вернулся в гостиницу.

Следующий день прошел в хлопотах по снаряжению «сюрпризов» и изучению всей доступной информации по объекту операции. То, что я в Зоне недавно, даже хорошо: никто толком меня не знает, личность нигде не примелькалась и, значит, подумают на новичка в последнюю очередь. Разведгруппу следует уложить на месте, в противном случае меня ожидает неравный бой с опытными и хорошо подготовленными диверсами. Правда, местные вояки натренированы прежде всего на зверье и аномалии. Нападения вроде моего они не ожидают. Нет, безусловно, их этому учили, но повседневная практика накладывает свой отпечаток. С кем они тут обычно имеют дело? С бандитами, зверьем и лишь иногда — с «кружками красноармейской самодеятельности» в лице разведывательно-поисковых групп местного клана «Альфа», где в основном бывшие россияне. Да еще с немного уступающими альфовцам аналогичными подразделениями группировки «Вільна Січ».

Тут у нас гремучий сплав из прибалтов, западно-украинских граждан, а также выходцев из стран Евросоюза, США и Канады. Есть и наемники, но это даже не смешно: как и представителей клана «Січ», наемников финансируют, скорее всего, украинские и западные разведслужбы, что видно по оснащению. В обоих случаях это оружие и снаряжение натовского образца. Тактика и методы ведения боевых операций тоже оттуда, уши так и торчат. Что-что, а почерк «заклятых друзей» узнаваем за три версты, не говоря уже про методы родной российской армии, к которым явно тяготеет противостоящий наемникам и «свободным» более-менее пророссийский клан «Альфа».

Ни одну из сторон в расчет принимать по-серьезному не стоит: разношерстная сборная солянка мало что может противопоставить специально отбираемым и тренируемым частям регулярной армии. А здесь тем более — тут нет солдат срочной службы, только контрактники, к тому же имеющие поддержку всей армейской инфраструктуры в лице средств связи и мониторинга, авиации и артиллерии.

Воякам мешают только местные условия. Артудары часто уходят непонятно куда: залп сделан, а сектор не накрыт, и неизвестно, куда улетели тонны боеприпасов. Спутниковые фотографии и мониторинг в реальном времени часто показывают такую ахинею, что толку от них не слишком много. Авиация тоже не всегда помогает: если вертушки еще худо-бедно могут доставить десант и грузы по всей Зоне отчуждения, то штурмовая и тактическая авиация просто может упасть из-за отказа любых систем. В итоге ведется только текущее положение контроля над Зоной: система блокпостов, перекрывающих основные безопасные дороги, периодическое патрулирование прилегающих к ним зон ответственности в глубину до трех километров.

Местами нет и этого — вояки заходят в глубину периметра до двухсот метров силами подразделений до взвода включительно. Это, как правило, места с низкой аномальной активностью и за пределами радиуса поражения Выброса. Хотя, судя по картам обитаемых районов, есть базы и в глубине Зоны, но там только добровольцы и ученые — народ отмороженный и мало чего боящийся. Оцепление Зоны по периметру с установками заграждений и карантинного режима помогает только от тех, кто в Зону попасть не имеет желания. Те же, кто хочет сюда попасть, обязательно пройдут.

Местная фауна за пределы Зоны не выбирается, как, впрочем, и любое зверье,

предпочитающее жить и охотиться в пределах строго ограниченной территории. Во всяком случае, не было прецедентов, чтобы, например, кровохлеб или тем паче контролер забрели в город или село за пределами Зоны отчуждения. Рейды разведгрупп в глубь Зоны и периодические войсковые операции силами более роты — скорее исключение, нежели правило. Вояки ходят небольшими, хорошо оснащенными тройками, а крупными силами работают только по наводке последних. Вертолеты вызывают только в крайнем случае и еще реже — в качестве средства огневой поддержки. Обычная их роль — высадка и эвакуация десанта. Как только они начинают задерживаться, Зона выкидывает какой-нибудь фокус, и нет вертушки. Что касается группировки «Братство Обелиска», или, короче, «Обелиск», то про них вообще мало что известно, кроме того, что народ там бывалый, а сам клан организован по принципу тоталитарной секты. Несомненно, эти представляют наибольшую опасность как для военных, так и для любознательных граждан вроде меня. Профессионализм плюс промытые мозги и неколебимая вера в нечто равняется серьезным неприятностям со здоровьем для желающих познакомиться с обелисковцами поближе.

Плюсом является только то, что сектанты обретаются у некоего сооружения, именуемого «Радиостанция». По слухам, раньше на этом объекте занимались разработками психотронного оружия, а сектантам удалось восстановить, частично или полностью, функции этого сооружения. Но внешне этот объект походил на обычный загоризонтный радар, каких в свое время я навидался по службе. Что тут правда, а что нет — судить сложно. Однако сейчас это сооружение выжигает мозги любопытным напрочь, превращая их в идиотов, бесцельно шатающихся по окрестностям Радара и, в редких случаях, на болотах и Дикой территории. За пределы его действия сектанты выходили редко, отвлекаясь только на периодические набеги на территорию клана «Січ».

Вероятно, так спецслужбы прощупывали оборону «Обелиска» — либо силами подконтрольной группировки, либо засылая своих профи под видом рейдеров-«сечевиков» и наемников. Но анализ действий «братьев» показывал, что это скорее акции возмездия, нежели диверсионные операции, имеющие целью нанести серьезный ущерб противнику. Похоже, если не углубляться во владения секты, то этих ребят можно в расчет пока не принимать.

Вопросом недели оставался способ проникновения за пределы ж/д насыпи в обход блокпоста. Контейнеры для схронов весили по семьдесят кило каждый, и их нужно было обязательно разместить в ключевых точках на маршруте операции. Это две ходки за насыпь и как минимум шесть дней на каждый выход. То, что я знал об инженерных сооружениях, подобных местному виадуку, говорило о наличии системы дренажных каналов крытого типа, по которым можно проникнуть за насыпь. Но, во-первых, что помешало бандитам проникать на Кордон подобным способом? И во-вторых: скорее всего подобные проходы заминированы, или оборудованы сигнальными устройствами, или и то и другое вместе.

Раздобыв карту, я определил две точки входа в дренаж. Вояки периодически должны осматривать минные закладки с расстоянием по левому флангу десять, а по правому два километра от блокпоста (это входит в обязанности патрулей), что мне очень поможет.

Из рассказов захмелевших старателей и осторожных расспросов у Поповича и Одессита мне удалось выяснить расписание движения патрульных групп. Сегодня и завтра надо плотно понаблюдать за маршрутами патрулей и определить точное местоположение входов в дренажную сеть. Потом по возможности определить тип закладки и наличие сигнальных устройств. Это нетрудно: сигналы поступают или прямо на блокпост, или на пульт дежурного на Кордоне. Тестовая проверка производится с помощью несложного портативного устройства, с виду похожего на средних размеров радиоприемник. На определенной частоте посылается тестовый сигнал, опрашивающий датчики на предмет работоспособности, в зависимости от состояния загораются сигнальные светодиоды, например «зеленый» — все в порядке, работают штатно, или «красный» — сбой, чините меня. Учитывая оправданную тягу военных к надежности, караул обязательно имеет при себе подобные приборы. Как только они им воспользуются, я это увижу и буду в курсе.

Обмануть такую систему может только специалист, и тогда понятно, почему бандиты тягают контрабанду через насыпь с помощью «бычков». Найти раба проще, чем париться с электроникой. Другое дело, стоит ли использовать подобные датчики вообще: можно ведь ограничиться минами как натяжными, так и нажимного действия, дешево и сердито. Или организовать «секреты» у точек входа в дренаж. Но это тоже маловероятно: украинцы переходят на западную систему охраны границ, то есть мобильными моторизованными или пешими патрулями, отказываясь от нашей советской системы, на мой взгляд, более надежной: гораздо эффективнее оставить засаду в местах наиболее вероятного нарушения периметра, нежели гоняться за нарушителем и палить из пулемета. В первом случае бойцы либо уничтожат нарушителя или задержат, на крайний случай дадут сигнал на блокпост; а во втором — шансы на успешное задержание нарушителя(ей) пятьдесят на пятьдесят, то есть нулевые или переменнo-случайные. Так, все надо тщательно разведать, тогда можно будет разработать конкретный план.

Слава всем светлым и темным богам, в этот раз мне никто на пути не попался, я спокойно миновал деревню новичков и направился в сторону блокпоста. Погода откровенно радовала: низкое облачное небо, сырой, свежий ветер и приятное отсутствие яркого солнечного света. Что еще нужно для нормальной работы?

Я успешно миновал съезд на АТП, благоразумно держась вдали от дороги, ведущей на «блок». Слева располагались две почти целых хозпостройки, одна из которых была при жизни гаражом, а другая, скорее всего, бункером для временного хранения сыпучих материалов, о чем свидетельствовало сооружение в виде огромной перевернутой воронки.

Здание было одноэтажным, с чердачной надстройкой, дающей возможность хорошо обозревать окрестности с пятнадцатиметровой высоты.

Миновав две аномалии, «прыг-скок» и «спираль», я поднялся по каркасной железной лестнице на чердак и, ступая по редким остаткам деревянного настила, согнувшись в три погибели, оказался у выломанного в шифере отверстия, смотревшего в направлении блокпоста. На полу было навалено с десятков чинариков, среди которых я различил сигареты двух марок — «L&M» и «Золотая Ява». До меня тут было довольнолюдно. Но лучшего места не сыскать, а до «блока» метров пятьсот. Слева и справа от трубы виадука, перегороженного полосатой жердью шлагбаума, тянулась жесткая поросль густого кустарника, уже по-осеннему зелено-коричневого, но еще не мертвого.

Я начал наблюдение. Сначала по секторам, потом то же самое, но с помощью оптики. Немецкий монокуляр с функцией подсветки и сопровождения целей отлично показывал, что в наряде трое бойцов плюс радист в палатке, где, судя по антенне, вынесенной наружу, была развернута радиостанция. Еще пять человек размещались в вагончике у правой стены: четверо в правой части и один в левой — скорее всего, остатки гарнизона и командир. Надо ждать. А время у меня теперь свое, а не казенное — ужасно жаль тратить его на всякие глупости, но в данном случае ожидание было сродни чувству охотника в засаде: я сижу почти неподвижно, лишь периодически поднося монокуляр к глазу. В такие моменты сливаешься с окружающей природой, слушаешь ее звуки, обоняешь запахи, становишься ее частью. Попадая в такой ритм, можно почувствовать все перемещения живности в округе, а уж тем более наряда, который, проверяя снаряжение, уже топтался у палатки связи. Прапорщика Дичка видно не было. Может, проводил ревизию «оброка», может, чего и прикапывал, с глаз долой, так сказать. Охота началась, душа ликовала: скоро будет бой, будет то, ради чего я пошел в армию и из-за отсутствия чего я из нее уволился. У жизни снова появился привкус сгорающих при выстреле пороховых газов, крови и специфический запах страха, который издает загнанный враг. Пришло время воевать, и вместе с привычными ощущениями пришла и уверенность в победе. Все встало на свои места. Нехорошая ухмылка снова появилась на моем лице, но этого опять не увидели те, кому она предназначалась.

...Наконец патрульный наряд в количестве трех бойцов двинулся в сторону тоннеля. Сразу было видно, что бойцы идут привычной и хорошо знакомой дорогой. Вот начали

поворот в сторону АТП... Снова выровнялись... Флажков и проволочных ограждений нет, значит, минное поле для гражданских не обозначено, а в маршрутизатор патруля внесено. Некоторое время солдаты двигались в направлении тоннеля и никакими приборами не пользовались. В эфире, кроме каких-то левых переговоров, ничего интересного не слышалось. Делаем вывод: сигналки³⁰ либо не поставлены, либо это нечто очень простое, вроде СМ.³¹ А может, и того не будет. Но минное поле все-таки присутствует. Это хорошо. Но расположено оно слишком близко к «блоку», так что подождем, пока пойдут обратно. Рискованного ничего нет, заметить меня практически нереально. Главное — не шевелиться.

Медленно, но верно патруль направился в сторону моего НП.³² Один из солдат, видимо, старший наряда, вынул из гнезда в разгрузке радиостанцию. Последовал доклад на «блок», который я слышал громко и отчетливо:

— Обход закончили, все штатно, нарушений периметра нет. Прием.

Сканер был снабжен хорошим шумоподавителем, ответ с блокпоста прозвучал незамедлительно, слышимость была хорошая:

— Понял. Наряду вернуться в расположение. Прием.

— Возвращаемся. Отбой.

После чего, так же не торопясь и, в нарушение устава, перекурив, вояки вернулись в расположение. Теперь наступало мое время. Судя по поведению патрульного наряда, ничего особо хитрого в минном поле не было. Готов поспорить на что угодно — схема минирования подходов к дренажу представляла собой обычную оборонительную «змейку». Глубина поля составляла двадцать пять — тридцать метров и состояла из трех полос: двух девяностоградусных полуокружностей с одним правильным зигзагом внутри. Возможны вариации, но, исходя из поведения патруля, так оно все и поставлено. Конечно, многое зависит от фантазии и выдумки конкретного сапера, который ставил эту закладку. Но раз нет ничего высокотехнологичного, то займемся проходом немедленно, благо инструменты я с собой предусмотрительно прихватил.

Тут надо оговориться: если «минзаг» стоит современный, то без специального набора можно будет пройти только один раз. При повторном обходе мою тропку обнаружат с большой долей вероятности. Мне же нужно было сделать как минимум четыре ходки через трубу. В идеале хотелось просто обойти «гостинцы», не вызвав подозрений у военных, но кто его знает, как будет на самом деле?..

Приближался я к первой линии ползком и очень осторожно, хотя, судя по поведению вояк, никакой электроники меня не ожидало. Скорее всего, придется иметь дело с растяжками. Для их снятия ничего особо мудреного не нужно: щуп я соорудил за десять минут, плюс «кошка» на тросике, остальное мне заменяли ножны от НР-2. С таким набором можно проделать проход в минном поле средней плотности без особого труда, но при соответствующей подготовке, конечно...

Так оно все и оказалось при ближайшем рассмотрении: военные саперы «осчастливили» меня «ведьмочками», они же противопехотные советские мины ОЗМ-72. Простая и исключительно надежная бомбочка: выпрыгивает почти на метр вверх и с визгом рвет в клочья все в радиусе тридцати метров. Недостаток у «озэмки» только один: если она установлена в грунт и дело происходит осенью, то при пятнадцатиградусном морозе вышибной заряд просто не сработает и мина не взорвется. Но в Зоне ниже минус пяти-

³⁰ Сигналки — сигнальные мины, не имеют поражающих элементов, используются для обозначения места нарушения оборонительного периметра.

³¹ СМ — сигнальная мина натяжного действия. Не снабжается устройствами самоликвидации и неизвлекаемости.

³² НП — наблюдательный пункт.

восемью градусам столбик термометра не опускается. Обойти «ведьмочку» трудновато: слишком густая сеть датчиков не позволит быстро пройти, а уж проползти тем более. Значит, придется ее снимать и потом аккуратно ставить на место уже болванки. Муторно, но возможно...

Итак, это было точечное минное поле, но построенное по всем правилам. Поле стандартной конфигурации, почти как в учебнике. Девяностоградусный изгиб линий закладки, фронтальная и тыловая линии «в цепочку», промежуточная, как и положено, построена «змейкой». До трубы я добрался лишь через три часа, весь взмокший, но довольный; теперь эти без малого тридцать метров можно тихо переползти, даже с грузом. Внутри никаких сюрпризов не было и даже присутствовала ниша непонятного мне назначения. В ней я и отдохнул пару-тройку минут, чтобы напряжение ушло.

Пахло сыростью, прелью и ржавым железом... Мне предстояло решить: снимать мины на той стороне трубы сейчас или оставить это малоприятное занятие на завтра. С той стороны правила не действуют, закладка может оказаться более пакостной. Та часть минного заграждения, которую я прогрыз, была рассчитана на дилетантов, но в закладке внешнего периметра могут стоять устройства неизвлекаемости, и тут уже без шума не обойтись.

Первую, как, впрочем, и последующие, без особых проблем сдернул «кошкой». По привычке думалось, что под «ведьмочкой» стоит мина-сюрприз. Немало народу погибло, кто понадеялся на авось и попытался снять мину руками. Мало того, часто срабатывал основной «гостинец», цепляя товарищей сапера осколками. Вопреки ожиданиям, радиоактивный фон внутри трубы сильным не был. Фоново в допустимом диапазоне. Значит, решено: можно идти дальше.

Как я и предполагал, закладки были более серьезными. Но без всякой электроники. В дополнение к противопехотным стояли еще и противотанковые мины советского образца. Что тоже по-своему хорошо: противотанковые мины удалось обойти, не трогая их, так как они реагируют только на большой вес и только на давление. Хотя сам тип «минзага» был натовский — наши вечные злейшие друзья справедливо предполагают, что советские мотострелки передвигаются преимущественно на легкобронированной технике. Видимо, украинцы перенимают тактику новых союзников. Поэтому в оборонительных минных постановках преобладает комбинация «противопехотная — противотанковая», в расчете на поражение как техники, так и живой силы. Вынимать такие связки нелегко, а если электроники нет, то просто муторно.

На «грызню» ушло около пяти часов, причем никто меня не беспокоил, что странно... Хотя и не необъяснимо: внешний периметр «блока» уже формально — зона повышенного риска. Вот вояки понапрасну и не высовываются. Мины поставлены, ни крупный зверь, ни среднестатистический «ловец удачи» через такое заграждение не пройдут. Да и с той стороны подстраховка есть, и довольно надежная.

Вдруг заняло левое плечо — мой детектор опасности (всегда оно противно так ноет, если ожидается некая пакость для его владельца). На поляне, справа от места, где я лежал, происходила битва. Уже почти стемнело, многие ночные звери повывлезали из укрытий, и я впервые увидел крокодила — гуманоида почти трехметрового роста с серовато-лиловой кожей. Шкура покрыта мелкой чешуей, слегка отливающей серебром в неровном лунном свете. Голова совершенно лысая, с гроздьем покрытых мелкими шипами щупалец у подбородка, вокруг рта и на шее. Мутант отбивался от стаи псевдособов и одного матерого секача.

Силы были не равны: собачья свора насчитывала пятнадцать голов, да и кабан был крупный, до полутора метров в холке. Собаки норовили вцепиться крокодилу в конечности, некоторые пытались в прыжке добраться до горла. Кабан же бодал гиганта Зоны в брюхо, стараясь пробить многослойную броню чешуйчатой кожи и крепчайших мышц. Это было забавно, но неправильно: кабан и псевдособы вместе не охотятся. Это отмечено всеми, кто наблюдал за повадками этих животных, покалеченных радиацией, но почти обычных. Смутное беспокойство переросло в звенящую от вброшенного в кровь адреналина догадку

— ЗВЕРЬЕ ПОД КОНТРОЛЕМ! Стаю вел «мозгоед» — самое опасное существо в Зоне отчуждения.

Собственно, про него, как и про кровохлеба, мало что известно наверняка. «Мозгоед» — это существо гуманоидного типа с непропорционально большой головой, носящее одежду и обладающее способностью брать под ментальный контроль разумных и полуразумных существ. В отличие от кровохлеба, «мозгоед» сам никогда на жертву не нападает, а просто натравливает подконтрольных ему существ. Или напускает составленную им свору на тех, кого не в силах подчинить. В данном случае кровохлеба.

Огромный, сравнимый с медведем по размерам и силе, кровохлеб не столько отбивался от наседавшей на него свиты «мозгоеда», сколько шаг за шагом продвигался в сторону кустарника, где, скорее всего, и оборудовал себе НП его главный обидчик. Но это ему не удавалось: обладая ураганной способностью к регенерации тканей и огромной силой, он проигрывал.

Это был один из тех случаев, когда поговорка «Против коллектива не попрешь» обрела слишком зловещий смысл. Псевдособы слишком яростно нападали: кровохлеб слабел и пропускал удары. Раны затягивались, но тут же появлялись новые. Еще полчаса, и все будет решено в пользу более хитрого соперника.

Что-то мешало мне спокойно уйти, хотя ясно было, что это не моя охота, не мой бой. Но я принял неожиданное для себя самого решение. Нашупав в кобуре АПБ, привычно отвел «собачку» переводчика в режим автоматического огня и дал две очереди по кустам. Целясь в том направлении, куда рвался кровохлеб, чуть повел стволом, чтобы пули шли веером. Расстояние было практически предельным для эффективной стрельбы — около восемнадцати метров. АПБ я снарядил бронебойными, поэтому шанс на поражение цели все же был. За это и цену «стечкина»: машинка своей тяжестью и длинным стволом дает железобетонную гарантию поражения даже на такой дистанции.

Из кустов донесся почти человеческий крик, и небольшой сгусток темноты покатился по склону холма и упал прямо к ногам кровохлеба. Свора замерла, осознала боль и учуяла своего противника. Теперь, когда разум, поработивший их, ослабел, звери с визгом стали разбегаться кто куда.

Кровохлеб тут же сграбастал противника в охапку, и послышались сосущие и чавкающие звуки. Вот, значит, как оно происходит...

Раны гиганта затягивались на глазах. Он отбросил моментально похудевшее тело врага, и наши взгляды встретились. Хотя расстояние было приличным, я испытал смутно знакомое чувство. Оно длилось одно долгое, очень долгое мгновение. Кровохлеб истаял в воздухе, перейдя в режим невидимости, — только два больших, глубоко посаженных золотисто-желтых глаза смотрели на меня. Исчезать вот так, просто растворяясь в воздухе, — их отличительное свойство, позволяющее незаметно подобраться к жертве или уйти, если силы не равны.

Холодная струйка пота стекла по моей спине, по телу побежали мурашки. Словно замороженный, я смотрел в желтые глаза с черным, очень напоминающим дульный срез автомата, зрачком. Моргнув и приготовившись принять бой, я лишь на секунду отвлекся, но этого оказалось достаточно, чтобы мутант пропал окончательно. Один из самых опасных обитателей Зоны просто развернулся и ушел, оставив мне жизнь, хотя мог бы и напасть. И, скорее всего, победить.

...Собрав стреляные гильзы и уничтожив следы, по которым можно было бы определить, что здесь был человек, я начал отползать в сторону трубы. В сумерках ориентируюсь я совершенно свободно, темнота тоже не мешает — яркий свет вообще не слишком люблю. Двигался я исключительно ползком, заноса в маршрутизатор линию проделанного прохода. Без приключений миновал дренажный коллектор и первое минное поле, обойдя две средненькие аномалии — «спираль» и «прыг-скок». Спустя еще сорок минут добрался до деревни новичков. Устал, конечно, зверски: последний раз нечто подобное случалось со мной пять лет назад, но тогда нас было семеро. Да и «грызней» тогда

занимался профессионал более высокого уровня. По моим прикидкам, я за сегодняшний день израсходовал жизни три, будь их у меня, как у кошки, девять штук. Сюрпризов не хотелось, но именно в этом и состоит один из немногих минусов одиночного поиска приключений: некому прикрыть спину, когда сам уже издыхаешь от напряжения или усталости. Поэтому всегда приходится находиться в состоянии, которое профессиональные телохранители называют «желтым». Проще говоря, подвоха стоит ожидать с любых направлений и в любое время. Как-то мой сослуживец присвоил мне звание «параноик в кубе», рассказывая всем, кто хотел слушать, как я в полусне пристрелил ползущего к нашим позициям «духа» и что я вроде бы храпел при этом.

Бред, конечно, но суть мою отражает верно. Подвох я ожидаю всегда и от всех. А в случае с «духом» я просто слышал его запах. От костра смотреть в темноту — дохлый номер, хотя я и не спал никогда в круге света. Если не взять подобный способ отдыха себе за правило, проще всего будет попасть на мушку снайпера или гранатометчика. И те и другие обожают открытые источники света в качестве ориентиров для стрельбы. Предпочитаю кемарить где-нибудь в стороне.

Тарашиться в темень было некогда, поэтому я закрыл глаза и дал очередь на звук и источник резкого чесночно-табачного запаха. Попал. А этот приколист сразу: «спал», «приложил, а сам храпит»...

Похоже, что в этот день приключения не желали оставлять меня в покое: как только я прошел тамбур в гостинице, кивнув вечно занятому Поповичу, плечо снова кольнуло. Дверь в мою комнату была приоткрыта. Свет незваный гость не зажигал, но, судя по еле уловимому шуму, который он издавал при дыхании, находился еще внутри. На подставу торговца это было не похоже: Попович мог спокойно обыскать комнату еще утром. Да и не стал бы он так грубо работать: не тот масштаб, слишком мелко для него. Похоже, что опять бандиты.

Входить я не торопился, выкрутил лампочку в коридоре и присел на пол. Мой неожиданный гость появился через двадцать минут и успел сделать только шаг в моем направлении. Используя рукоять НР-2 как кастет, я основанием рукояти, «тычковым» ударом встретил гостя под дых. Не сильно, только чтобы парализовать на то время, что было нужно для следующего удара в челюсть.

Вырубил. Вынул из кармана кусок нейлонового шнура и связал визитеру руки за спиной. Обыскал. Нашел «Форт» и два магазина к нему, ПДА и набор для установки прослушивающей аппаратуры. Дожил: меня решили послушать. Ладно, толковать с ним не хочется, но придется.

Поволок «секретчика» в душевую, благо и простор, и место самое отдаленное в бункере. Достал еще бухту шнура из рюкзака — никогда без такого шнура не ходите по минным полям! — и, перекинув через потолочную балку, привязал один конец веревки к рукам гостя, а другой закрепил на кольце неизвестного назначения, имевшем место быть невысоко над полом и очень крепко сидевшем в стене. Потянул.

Гость повис таким образом, что руки у него вывернулись назад и вверх, а носки еле доставали до кафельного пола. Наступил черед вопросов и ответов.

Как же вы меня достали, граждане... Все, найду какую-нибудь нору далеко в Зоне, обложу окрестности минами, пару пулеметов поставлю. Замотали со своими замороченными комбинациями.

Пленник очнулся и задрыгал ногами, словно торопился куда-то. Парень, скорее мужик, по годам ближе к сороковнику. Трехдневная рыжая щетина, короткая стрижка, прямые светлые волосы, лицо круглое, глаза серые, чуть навывкате, смотрели на меня и как бы сквозь, прямо в стену. Такое бывает после нокаута. Я почувствовал знакомый запах — «секретчик» меня боялся. Это хорошо, может, и форсированный допрос не понадобится. Хотя...

— Ну, здравствуй, гость неожиданный. Кто я, ты, конечно, знаешь, а кто ты, меня не интересует. У меня к тебе один вопрос: какого типа устройства ты установил у меня и где они, чтобы долго не искать? — Бандит только тарашился и постанывал. Пришлось взбодрить его неглубоким надрезом на груди. Субъект заорал при виде выступившей крови. Я

продолжил монолог:

— Это еще не боль. Просто знак, чтобы привлечь твое внимание. Из этого помещения тебе живым не уйти, ты все равно умрешь. Другое дело, как скоро и насколько мучительно. Вопрос повторять не буду. Итак, скажешь? — Я уже упомянул как-то, что не умею улыбаться. Обычно та гримаса, что появляется иногда на моей физиономии, напоминает волчий оскал. Это мне часто говорили знакомые особы женского пола, кроме мамы, конечно. Так вот, на противника, да еще подвешенного к потолку, улыбка подействовала сильнее, нежели бодрящий надрез. Он заговорил:

— Два микрофона поставил, маячок в каждый рюкзак. Маячки активны, микрофоны включаются только на голос. Больше ничего не делал, только сфотографировал поклажу и...

— Снимки отправил?!

— Не-е-е!..

Начал истерить «секретчик». Я легонько хлопнул его раскрытой ладонью по морде. Помогло.

— Запаролил свой ПДА?

— Нет. Сканер только...

— Код! Говори код, паскуда... быстро!

— 2, 7, 3, 5...

Я проверил названные цифры, вбив их в окошко запроса доступа служебной программы слежения, установленной в наладонник шпиона. Цифирь мигнула и пропала, открылся список доступных функций и подключенных устройств. Все работало, агент раскололся. Отключать маячки и микрофоны пока не стал.

Это вовремя же я вернулся! Протечки со стороны Одессита не было: взять меня не получилось, и некто хотел знать, что я замышляю, послушав разговоры, если они будут, и посмотрев, чего я с собой набрал. Интересно, но не сильно: скоро так и так уходить, а в Зоне им меня не достать. Переможем до ревизии и свалим. Осталось спросить еще кое-что:

— Слушай, умелец, а где твой дружок? — Вопрос был задан неожиданно и резко, субъект был напуган и поэтому сам не ожидал, как сболтнул:

— Ждет снаружи, налево от входа, метров пятьдесят, у раздвоенного ствола засохшего...

Шпик с очевидной ясностью понял, что страховки больше нет. Я кивнул в подтверждение его немого вопроса и незаметно для пленника перехватил в ладони клинок для удара.

— Благодарю, ты мне очень помог.

Зажал ему рот и ударил ножом в сердце. Глаза шпиона медленно и нехотя оставила жизнь: они перестали блестеть, потухли, а кишечник произвольно сократился. Запах, сами понимаете какой, стал распространяться по душевой. Срезал труп и привалил его в углу, так, чтобы не было заметно от входа. Шпион носил обычную ветровку. Я надел ее (маловата маленько), набросил капюшон на глаза и быстрым шагом, чуть ссутулившись, чтобы в темноте сойти за покойного, направился к выходу из бункера.

Уже практически стемнело. Постояв пару минут с закрытыми глазами, чтобы привыкнуть к темноте, направился к раздвоенному засохшему дереву. Не доходя пары метров, увидел сидящего возле ствола человека. Он не шевелился. Покойник. Кто же это его?

Приблизился, стал осматривать: напарнику моего визитера свернули шею. Причем голова была повернута практически на девяносто градусов. Тот, кто проделал этот фокус, обладал огромной физической силой: сначала голову обхватили двумя руками, от чего кости черепа вдавило внутрь, а глаза вылезли из орбит, потом повернули влево. По сути, человек был мертв уже в момент захвата, сломанная шея была посмертной травмой.

Обыскал труп. Убийца оказался существом бескорыстным и ничего не взял: деньги, документы, ПМ и коммуникатор были не тронуты.

Значит, картина вырисовывается такая: до того, как я обнаружил гостя у себя в

комнате, его напарнику кто-то ломает шею и он не успевает подать «секретчику» сигнал тревоги. Дав таким образом мне возможность захватить и допросить визитера. Мне опять кто-то помог. Я все же ошибся: у меня появился напарник. Но почему он не разобрался с тем, кто был внутри? В гостиницу шастает много народа, и лишний человек подозрений не вызовет... Этот ребус мне пока не разгадать.

Я снял ветровку, оттащил труп к ближайшей аномалии (это оказался «прыг-скок») и отправился назад к «жучкам» и покойному гостю. Дело принимало скверный оборот: люди из «общества любителей контейнера» не оставят меня в покое. До них не дошло, что я не при делах, и теперь они постоянно будут беспокоить меня своим назойливым вниманием. Все, что мне нужно, это дней пять-шесть, чтобы подготовить акцию и уйти в глухие места Зоны отчуждения, подальше от местных интриг. Но есть ли у меня эти шесть дней?..

Попович если и был возмущен, то виду не подал, просто потребовал документы обоих «гостей» и их ПДА. Затем позвал двух парней, что были у него на подхвате, и они шустро вынесли тело «секретчика». Данные я все равно скопировал себе, поэтому отдал ПДА без возражений и помог ребятам с покойником. Снял все «жучки» и оба маяка. Проверил исправность оружия, оставшегося в моей комнате, и после душа завалился спать.

Утром, собрав трофейные стволы и позавтракав, я поднялся наверх, чтобы совершить определенные действия с ненужным мне излишком огнестрельного оружия.

Было прохладно, туман стелился по равнине и меж холмов. Только на главной улице деревни новичков он нехотя таял, отступая за околицу.

Внезапно я заметил нечто новое и весьма примечательное: возле крыльца «тошниловки» стояла настоящая телега! Именно реальная телега, а не какой-нибудь дряхлый автомобиль, который городские жители могут иронически обозначить этим словом. В телегу была запряжена лошадь серой масти с удивительно красиво заплетенной в косички черной гривой. Лошадь пофыркивала и перебирала копытами. Ей у новичков не нравилось. Возле телеги суеился хозяин местной ресторации, о чем-то негромко говоривший с невысоким человеком в добротном старательском комбинезоне расцветки «поздняя осень» и вязаной шапочке.

Я кивнул хозяину корчмы и подошел к лошади. В кармане у меня всегда есть пара сухарей, наличие коих объясняется привычкой, закрепившейся еще со времен срочной службы в армии. Когда долго где-то сидишь и при этом не из курящих, лучше занятия, чем погрызть сухарь, нет.

Вынув один ноздреватый кусок с обгоревшей аппетитной корочкой, я разломил его на части и протянул на открытой ладони к лошадиной морде. Коняга радостно фыркнула, учуяв съестное, потянулась вперед, от чего повозка ворохнулась, и осторожно взяла сухарь теплыми мокрыми губами. С аппетитом сжевав, подалась ко мне за добавкой, сдвинув телегу на два шага вперед.

Хозяин телеги резко обернулся в мою сторону, и я увидел, что это скорее хозяйка. А если быть более точным — молоденькая девушка лет девятнадцати-двадцати. Загорелое лицо с высокими скулами, светло-серые, внимательные глаза, прямой аккуратный нос, правильно очерченная линия рта, губы не полные, но и тонкими их не назовешь. Лицо скорее овальное, нежели круглое. Коротко стриженные волосы, светло-русые, что можно было понять лишь по отдельной пряди, выбившейся из-под шапки. Росту в девушке было метр шестьдесят пять, но чувствовалась некая упрямая сила, какая обычно так и сквозит из невысоких людей. И голос оказался под стать внешности — звонкий и... злой:

— Эй, ты чего кобылу дразнишь?! Иди, куда шел!

При этом рука девушки упала вниз с профессиональной небрежностью, и я заметил набедренную тактическую кобуру и узнаваемые обводы рукояти германского P99.³³ Штука

³³ Walther P99 — полуавтоматический пистолет, калибр 9 мм. Считается одним из лучших полицейских пистолетов из-за простоты обслуживания и точности боя на дистанции до тридцати метров. Существенным недостатком можно считать лишь обычную для немецких пистолетов чувствительность к загрязнению.

надежная, даже красивая, пусть и не из дешевых. Скорострельность и точность боя делают этот пистолет очень опасным оружием на небольших дистанциях, а обрезиненная рукоять не скользит в руке. У незнакомки был шестнадцатизарядный вариант, под девятимиллиметровый «парабеллумовский» патрон. От мутантов и зверья это не самая лучшая защита, но я подозревал, что пистолет предназначался только для двуногой дичины. Наверняка где-нибудь под рогожей в телеге припрятан дробовик или обрез охотничьего ружья.

— Прошу прощения, просто никогда не видел живой лошади, только по телевизору. А здешних зверей с рук не покормишь.

Надо было разрядить обстановку. Поэтому я не стал улыбаться, а развел руки в стороны в знак своих сугубо мирных намерений, показывая, что ничего, кроме сухаря, не держу. Плюс постарался придать своей маловыразительной физиономии сугубо нейтральное выражение.

— Хм, и где же такое место, что живых лошадей уже не осталось?

Тон голоса девушки сменился на более спокойный, жесткие нотки из него пропали. Поняв, что я не представляю угрозы для нее и ее лошади, она передумала в меня стрелять. Женщина есть женщина, любопытство — это их основная слабость.

— Это далеко отсюда, я из Сибири. Кроме бурых медведей, у нас по городским улицам больше никакая живность не бегает. Старики говорят, что раньше в городских скверах водились соболя, но злые бородатые охотники извели все поголовье на воротники и шапки. Остались только медведи, они лучше уворачиваются от пуль.

Хотелось именно отшутиться, хотя начало разговора и получилось напряженным. Ссориться не имело смысла. Любой человек, с которым удалось расстаться мирно — это потенциальный источник информации или агент, так меня учили в школе телохранителей, и принцип этот пока всегда срабатывал. По-любому, пристрелить девчонку труда бы не составило, но лучше все же подружиться, или хотя бы свести все к словесной перепалке. Не убивать же всех подряд?

Тактика возымела успех, смысл быстро стал доходить до селянки. Лицо ее утратило суровое выражение, а рука оставила рукоять пистолета и непроизвольно метнулась ко лбу, чтобы поправить прическу. Наконец она улыбнулась, потом, загнав смешинку куда-то внутрь, милостиво разрешила:

— Ну, коли так, помоги консервы загрузить в телегу, тогда даже порулить дам, ежели до заставы проводишь...

Ну и дела! Оказывается, в глубине Зоны есть места компактного проживания людей, возможно, находящихся вне группировок. Очень занятно. И весьма обнадеживающе. Значит, и для меня место найдется. Слухи об этом до меня доходили, но всегда лучше убедиться самому, поглядеть и пощупать. Нечаянная встреча сулила много интересного, потому что было в девушке что-то такое...

Короче, придя с ней к обоюдному соглашению, я принялся грузить на телегу коробки и ящики с тушенкой, консервированными фруктами и жестяные пятидесятилитровые бочки с вином. Все это было затем надлежащим образом образом закреплено нейлоновым шнуром, какой используют альпинисты и минеры-любители вроде меня. Простой и незамысловатый физический труд — моя давняя слабость: руки делают, а голова свободна. Мысли какие-то особенно ясные приходят в голову, и вообще, жизнь кажется проще и приятнее; ведь вот он, результат приложения сил — аккуратно уложен и закреплен. Хозяйка осталась довольна и сказала, что если я все еще хочу порулить, то она отправляется через пятнадцать минут. Я попросил ее немного подождать, сославшись на необходимость собраться в дорогу, и девушка дала мне двадцать минут на сборы.

Это была удача. Я, ни у кого не вызывая подозрений, смогу довести припасы, куда мне нужно. Получилось сто пятьдесят кило в общей сложности, по семьдесят пять в каждом контейнере — совершенно неподъемная тяжесть. Если с помощью этой селянки мне удастся проехать большую часть пути до блокпоста, то я спокойно перетащу все за одну ходку.

Телега с провиантом одновременно была транспортом и снимала проблему маскировки, поскольку я заполучил совершенно легальное прикрытие. К тому же я сэкономил до двух суток времени, которые были бы потрачены на челночное курсирование.

Теперь осталось только забрать мешки, благо все было проверено и собрано еще вчера ночью. Самое ценное я всегда носил с собой, только автомат и незначительная часть трофеев остались в номере гостиницы. Попросив девушку подождать еще чуть-чуть, я поспешил к Одесситу, чтобы скинуть лишнее «железо».

На мое счастье, возле входа в его подвал никого не оказалось. Серый куда-то запропастился, у бочки с «вечным огнем» сидели только двое уставших старателей, пришедших из рейда с неплохим наваром. Впрочем, они жаловались, что им пришлось оставить два ценных артефакта («звездочка» и «огневка») в загребущих руках прапора Дичка.

Я спустился вниз и неожиданно стал свидетелем битвы двух капитанов местного бизнеса. Попович и Михаил Анатольевич сошлись в смертельном поединке за некую флеш-карту с информацией о месторождении артефактов. Торг к моему приходу уже миновал стадию блицкрига, и сейчас противники перешли к позиционным боям. Попович, призывая на голову «хитрого жида» всех черносотенцев мира и напоминая представителю племени Израилева о том, кто распял «нашего Христа», перемежая это заоблачными по своей высоте матерными тирадами, старался сбить цену. Михаил Анатольевич держался стойко, через слово сбивался на идиш в его нецензурном варианте, обрушивал все казни египетские на голову «наглого гоя», уступая с боем по миллиметру от заломленной им цены.

Победила дружба и целесообразность: припомнив нечаянно некоего Меченого, оба замолчали и, молча ударив по рукам, выпили не чокаясь перцовки, разлитой в изящные маленькие стопочки.

Попович кивнул мне и, утерев покатым загорелым лоб, вышел вон, унося в кармане предмет неслабого торга. Одессит повернулся к бумбоксу и тронул клавишу. Зазвучала композиция «Strange Days». Неизменный Джим Моррисон.

— И что вы хотели, молодой человек? — Видно, что обычная вежливость и сила привычки мешают ему закрыть заведение и остаться наедине со своими воспоминаниями.

Я положил пистолеты и магазины к ним на прилавок и назвал цену:

— Триста рублей за все, и я откланиваюсь, Михаил Анатольевич. Я немного спешу...

— Знаю я предмет вашей спешки, — усмехнулся оружейник, преодолевая крайнюю степень минорного настроения. — Имейте ввиду, Даша непростая девушка. Она с родителем живет в самом глухом углу Ржавого леса. Теперь еще только «Теремок», да и тот верст через восемьдесят... очень неприятное место, должен вам сказать. Лесникова дочка неплохо стреляет, а уж повадки местного зверья знает лучше, чем другие бабы знают мужнин кошель на предмет потратить наличные. Не советую делать больших глупостей. Хотя, когда я был в вашем возрасте, только глупости меня и интересовали...

Последовал занимательный экскурс в историю авторынки города Одессы восьмидесятых годов прошлого века и некой Софы, благосклонности которой оружейник добился, подарив ей автомобиль BMW кофейного цвета: «...я же буквально вырвал этот тарантас у какого-то шлемазла с Винницы. А какую цену он давал! Боже, какую цену!.. На эти деньги персидский шах не постеснялся бы пристроить еще одно крыло к своему дворцу. Но вы же меня знаете: я своего не упущу...».

Пока оружейник предавался воспоминаниям, я прокручивал в памяти все, что мне было известно об упомянутой области карантинной зоны. Выжимки из моих личных изысканий до приезда на Украину плюс то, что удалось узнать в разговорах с местными жителями и чатах старательской сети — все это давало весьма расплывчатую картину.

Ржавым называли этот лес потому, что листва, пораженная радиацией, приобрела здесь этот неповторимый ржаво-рыжий оттенок. Есть области к западу от Радиостанции, или как ее иногда здесь называли — Радара, где колер особенно яркий. Собственно, это и есть то место, о котором говорил оружейник. Там же находится уникальная аномалия: каким-то

образом радиоактивные осадки и периодические волны Выброса не затронули небольшую часть лесного массива. Там нет смертельных ловушек в виде уже известных аномалий и бывают просветы в постоянном хмуром небе, но житье внутри «слепого пятна» на любителя. Опасная близость Радара и невероятная плотность разного зверья на подступах к этому своеобразному оазису Зоны отчуждения накладывают свои ограничения.

Как говорилось в памятке, «Теремок» — это нечто вроде местного аналога «Мулен Руж». Этакая помесь кафешантана с дорогим борделем для избранных. На уровне слухов сообщалось, что в «Теремок» приезжают за экзотикой некие влиятельные политики из-за периметра, и не только местного разлива. Говорили о трех американских сенаторах, нескольких киноактерах первой величины, даже наши российские депутаты не брезговали. Заведение контролирует семейная пара, муж отвечает за порядок, жена за ассортимент, у них разные фамилии, я так понял, что брак гражданский. Он — бывший армейский снабженец, но мужик резкий и боевитый. Она, говорят, раньше была портнихой, держала свой швейный цех и устраивала показы моделей собственного сочинения. Видимо, что-то не срослось, раз перебрались сюда.

«Теремок» — это своего рода нейтральная территория, здесь отдыхают представители всех кланов, и даже военные и ученые с закрытых баз в глубине Зоны. Чтобы не возникало мороки с разборками, существует нечто вроде графика посещений, и все довольны, никто не пересекается друг с другом. Тихая заводь, короче. Про селянку Дашу и ее «родителя» было непонятно: то ли они живут в самом Ржавом лесу, то ли на границе этой чудесной аномалии, в центре которой стоит «Теремок».

Получив свои три сотни, я направился в гостиницу. Уложил боекомплект, повесил на плечо автомат. Осторожно прихватил за горловины оба мешка и направился к «тошниловке», где меня ждала Даша, закончившая свои расчеты с нашим корчмарем. Артефакты, прицепленные к поясу, не придавали сил, но какое-то время можно было тащить и вдвое больший груз, почти не снижая скорости, то есть быстрым шагом. Изначально я сомневался, что какие-то камни и осколки плавленого стекла могут творить чудеса. Но поклажа действительно уменьшилась в весе на треть, если не на половину от первоначального. Но спустя пару минут быстрой ходьбы с мешками в обеих руках я стал ощущать приступы тошноты и легкое покалывание по всему телу. В то же мгновение пришла мысль после оборудования первых двух схронов снять артефакты и больше никогда ими не пользоваться. Выругав себя за излишнее доверие местному справочнику по всяким экзотическим камням, я зашагал с удвоенной скоростью. Увидев меня с багажом, Даша махнула рукой, показывая на телегу: залезай, мол.

Как только мои баулы оказались среди коробок с консервами и ящиков с непонятно чем еще, под фырканье смирной и меланхоличной кобылки повозка скрипнула и тронулась с места. Помня свое обещание, Даша передала мне вожжи. Я впервые в жизни правил настоящей лошастью. Все оказалось довольно просто, как со стропами парашюта — тяни себе в нужную сторону, и все.

Пока ехали, селянка молчала. Я осторожно расспросил ее про Ржавый лес, но отвечала она неохотно, хотя и со знанием предмета.

— Жить можно, только живности не много: куры да две козы. Главное, за полосу, где ржа с нормальной травой расходится, не запускать. Аномалии, плечи радиоактивные, сфинксы иногда встречаются, а от них не отобьешься...

Интересно, значит, вот где главная причина недоступности и опасности этого леса. Сфинкс — малоизученный зверь, охотится главным образом ночью, передвигается прыжками, с огромной скоростью. Редко атакует по прямой траектории, бежит зигзагами. Внешне напоминает пантеру с габаритами бурого медведя. Полосует жертву когтями пятнадцатисантиметровой длины и рвет внушительным набором зубов, напоминающих акулы, то есть в несколько рядов. Прекрасно видит ночью и днем, но обладает слабым обонянием и слухом, как рассказывали выжившие очевидцы.

— Даша, а сектанты? Я так понимаю, вы с ними практически рядом живете. Не

беспокоят?

Девушка неопределенно пожала плечами:

— Видела их разъезды и патрули пешие, но не близко: они по равнине больше ходят. Волна своих не трогает, а может, и трогать нечего, потому что отмороженные они начисто. Леса бояться, только по краю и обходят. Он их не любит, лес-то...

Задавать глупые вопросы типа «А вас любит?» я не стал: раз живут, по словам девушки, «уж десять лет тут», значит, как-то договорились с разумным лесом. Вещь совершенно обычная для людей, выбравших природу в качестве среды обитания.

Я сам когда-то ходил в тайгу, ощущение именно такое, будто все вокруг — огромный живой организм. С нервами, ушами и глазами, а весть о приближении чужака очень быстро разносится в подобном месте между своими. Дичь прячется, охотники выходят померяться с чужаком силой. Тем, кто эту особенность знает, везет и на охоте, и в собирательстве: не ходи в тайгу как чужой, бери здесь только самое необходимое, не причинив никому вреда, тогда будет и удача. А если идешь в лес, как хозяин, обязательно уйдешь ни с чем, если вообще отпустят.

Из задумчивости меня вывела Даша:

— Сам-то надолго к нам?

— Как получится. Хотелось бы насовсем.

Честность — лучшая политика в разговоре с девушками, умеющими стрелять. Спутница, хитро прищурившись, глянула на меня через плечо:

— У нас тут не курортные места, да и на богатея, что сюда за адреналином приезжают, ты не шибко похож. Прячешься от кого? Если так, то найдут. Бандитов и тут навалом.

Разговор начал принимать непростой оборот, но скрытничать почему-то не хотелось.

— Я ищу свое место. Просто хочу жить по совести, а там, в большом мире, это привилегия не для бедных. Нету мне там жизни, задыхаюсь.

Даша, вопреки моим ожиданиям, понимающе кивнула, при этом непослушная русая прядь снова выбилась из-под шапки и скользнула по ее правой щеке. Хитрая улыбка сбежала с губ, еще по-детски припухлых. Только печальные складки в уголках рта свидетельствовали о том, что девушке, несмотря на возраст, уже довелось, может быть, даже и убить кого-то из двуногих...

— Мало кто так, как ты, скажет. Отец, вон, тоже так говорил, когда из Днепропетровска уезжали: «Не место нам тут с тобой, Дарья». Я злилась сначала, пока к тетке в Киев не выбралась. Отец отпустил, когда лет пять уже здесь прожили. Говорил: «Езжай, посмотри на людей и, ежели что, оставайся, учиться пойдешь».

Она грустно улыбнулась каким-то своим воспоминаниям. Так вспоминают о чем-то приятном, с чем пришлось расстаться по воле обстоятельств, но без особых сожалений. Стараясь поддерживать легкий тон в разговоре, я спросил нарочито небрежно:

— Дай угадаю: не понравилось в городе?

Даша кивнула, обрадованная, что собеседник ей попался понимающий с полуслова.

— Сначала нравилось, было весело. В клубы ночные ходила, подружки появились. Парень один, неплохой вроде, за мной ухаживал, все стихи эсэмэсками слал. — Даша улыбнулась. — А потом как-то пусто стало. Будто загостилась я там, вернулась к отцу и... сразу поняла: я дома. С тех пор тут вот и живу. Ты правильно сказал: у каждого человека есть свое место, повезет, если нашел его, и будешь маяться, как проклятый, если потеряешь.

Дорога, меж тем, привела нас к разрушенному складу, из которого получился у меня такой замечательный НП. Пора было прощаться.

— Спасибо, Даша. Дальше я один пойду.

Она кивнула, но все же предложила:

— Военные сегодня не зверствуют. Спрячем твои кули среди коробок, автомат я себе возьму. У меня не спросят, папка с ними договорился, и мне выписали разрешение. Ну, типа, для самообороны. Потом, как проедем, отдам. Человек ты новый, потому денег с тебя брать не будут. Вот когда назад пойдешь, — девушка лукаво улыбнулась, и я почувствовал, что

краснею, — могут устроить личный досмотр.

Предложение селянки звучало заманчиво, но что-то мне подсказывало не полагаться на случай, слишком многое было на кону. Могут ведь и сразу в оборот взять, везение не предскажешь. Лучше поостеречься покуда.

— Нет, благодарю. Нам обоим лучше не рисковать сегодня. Даст бог, свидимся. Прощай пока, хозяйка лесной избушки.

Я стащил мешки на дорогу, перекинул автомат за спину поудобней. Девушка молча кивнула, и подвода тронулась дальше.

...Перетаскивание мешков заняло около получаса, еще минут сорок я потратил на оборудование первого схрона на лесистом участке в стороне от дороги. Этот тайник я не случайно решил заложить недалеко от Кордона. Нужно иметь нечто вроде перевалочного пункта, чтобы особо ценные вещи были под рукой. Место попало удачное: на склоне холма, сухое, в глубине колючего кустарника. Натаскав досок и сколотив некое подобие двери, я аккуратно вырезал кусок дерна и пристроил его на крышку люка. Ничего, что кругом постоянная осень, сделаем по всем правилам. Внутри выложил тайник досками и поставил подпорки, от сырости постелил полиэтиленовую пленку, закрепив ее где колышками, где гвоздями, а щели залил герметиком. Оставил здесь первый рюкзак, в котором было самое необходимое: патроны, аптечка, рационы на трое суток, часть взрывчатки и мин, некоторая часть артефактов в контейнерах, часть «налички». Поставил в качестве сторожа «вербу», усиленную зарядом пластита с подшипниками. Датчик цели установил наклон — кто откроет люк, взведет мину, но не умрет сразу: веселье начнется, когда мародер попытается выдернуть мешок. Задержка в минуту не позволит поддеть мешок «кошкой», его я нарочно зацепил сзади за ремешки гвоздем. Дерни чуть сильнее, и тогда рванет так, что мало не покажется. Надеюсь, что серьезно покалечит охотников за чужим добром. Уничтожив следы своего пребывания, я растаскал землю так далеко, как мог, поправил кусты. Внес координаты в ПДА под личным кодом, чтобы посторонние, даже добравшись до моего коммуникатора, не смогли обнаружить «захоронку».

Идти стало ощутимо легче, и я направился в сторону заброшенного армейского блокпоста, откуда удобнее всего было попасть на Свалку. Шел я медленно, к чудесам местным еще не совсем привык, да и осмотреться не мешало.

Аномалии попадались гораздо чаще, небольшие своры слепых собак бродили по округе, выискивая тушканчиков — основу своего обычного меню. Еще один вывих эволюции: местная разновидность мыши-полевки, размером со среднюю крысу, с острыми зубками и неожиданно громким, басовитым рыком. Меня собачки сторонились, я не был болен, и запах оружейного масла давал им понять, что связываться со мной не стоит.

Пара кабанов рылась в корнях деревьев, но я знал, что это скорее рудиментарный рефлекс — местные дикие свиньи сменили рацион, теперь они поголовно предпочитали мясо. Жрали не все подряд, а только «псевдосвиней» — шары колыхающейся бурой плоти, с маленьким ротиком, полным острых мелких зубов, и круглыми, с чайное блюдце, рыбьими глазами. В памятке сказано, что это мутировавшие домашние свиньи. За годы, что хрюшки подьедались в Зоне, их ороговевшие копыта превратились в зазубренные хитиновые лезвия, на которых мутант передвигается очень шустро. Порой молниеносно. Но голос и повадки остались в целом свинячьи: жрет все без разбора, нападает на всех, кого сочтет слабее себя...

Неожиданно заработал сканер, оторвав меня от созерцания причуд местной фауны. На частоте, которую используют как общий канал, я услышал искаженный статикой помех, срывающийся мужской голос:

— SOS. Это Богдан Лесник... Группа бандитов напала на мою дочь, за старым армейским КПП.... Долго она не продержится... бандитов восемь душ, автоматы и дробовики. Военные в помощи отказали... Старатели, кто рядом, помогите. Не забуду. Даю координаты.

Так, приехали с орехами. Значит, все-таки не обошлось без приключений! А девочка молодец — держит бандюков уже час. Невероятно. Надо ответить папаше, раз других

желающих почистить карму поблизости нет. Выделив частоту Лесника, я отстучал ему текстом, что нахожусь недалеко и постараюсь помочь. Подписи я не оставил. Никто больше на просьбу Дашиного отца не отозвался.

Скинул РД и контейнер, замаскировал их ветками как можно тщательнее. Натянул на лицо «душегубку», чтобы все было как положено, и двинул в сторону дороги. А с шапкой — это снова рефлекс, оставшийся с войны. Много народу сгнуло именно так: противник целится в белое пятно лица, выделяющееся, как маяк, на фоне более блеклых красок местности. Мне хватило одной, расплывшейся о камень, духовской пули, чтобы больше никогда не отсвечивать босым рылом ни в городе, ни в «зеленке».

Перебросив автомат на грудь, аккуратно, чтоб не лязгнул, передергиваю затвор и рысью мчусь к КПП. Хлестко защелкали выстрелы. Два раза глухо бухнули разнокалиберные дробовики, в ответ снова щелкнул звонкий одиночный выстрел из Дашиного «вальтера». Послышался пронзительный визг и на высокой ноте оборвался. Поголовье бандюков, чувствую, сократилось. Это нормально. Это даже очень хорошо.

Миновав шлагбаум, я вбежал в караульное помещение и, пригнувшись, вышел на дорогу, ведущую на Свалку. Картина боя мне стала ясна почти сразу. Двое бандитов тормознули Дашину телегу, произошел короткий обмен мнениями, в ходе которого оба бандита получили по серии типа «грудь-голова», после чего явно привычная коняга отошла за перевернутый на бок остов КамАЗа, что лежал слева на обочине дороги. Где и стояла сейчас. Выстрелов она не боялась, только нервно прядала ушами и мотала головой. А ее боевитая хозяйка ловко перемещалась между деревьями, постреливая в пытающихся взять ей живьем семерых бандитов. Мне было видно, как трое, прячась за сваленными справа штабелями железобетонных монтажных коробов, ведут по деревьям, где укрылась Даша, беспокоящий огонь. А еще четверо связывали девушку боем, не давая уйти под прикрытие караульного помещения. Спасала Дашу только невозможность обойти ее с флангов: справа была гора радиоактивного мусора, и бандиты не могли разместить там стрелка, а попытки обойти ее слева она умело пресекла: когда бандитов было еще восемь, один попытался перебежать через дорогу и был застрелен.

Но долго так продолжаться не могло: патроны у девушки были на исходе и максимум через полчаса ее все-таки должны были взять. Но это если бы меня не было поблизости. Делу здорово помог бы «подствольник»: ³⁴ закинуть пару гранат сначала в штабель, потом по лежащим стрелкам — и дело в шляпе. Но придется работать с чем есть. Еще один минус в моем положении — сама девушка; услышав стрельбу с тыла, она может начать вести огонь и по мне, думая, что ее обошли. Работа из АПБ исключалась, расстояние до обеих групп противника — порядка семидесяти метров. Придется работать быстро.

Пользуясь тем, что левый фланг бандиты не контролируют, я по широкой дуге стал обходить место перестрелки именно с этого направления. Перебежками мне удалось обойти место боя и зайти в тыл к группе, засевшей за коробами. Это было нетрудно: все внимание бандитов было приковано к девушке, которая меня тоже пока не обнаружила.

Местность была покрыта зарослями кустарника и недалеко отстоящими друг от друга деревьями. Это малость затрудняло обзор, но направление я выдержал верно. Через пятнадцать минут стал виден край штабеля, из-за которого раздавались короткие автоматные очереди: работали наш советский АКСУ и германский MP5. Бандиты подбадривали друг друга выкриками, виртуозно матерились и держались очень уверенно. Достав из сумки гранату, я прикинул расстояние для броска, выдернул чеку и на «раз-два» кинул «гостинец». Бросок я произвел с таким расчетом, чтобы граната взорвалась, не долетев до земли совсем немного, и нанесла наибольшее поражение по площади. Меня спасло дерево, приняв на себя часть ударной волны и осколков. Взрыв получился сдвоенным: у кого-то из бандитов сдетонировала, судя по звуку, наступательная граната, и два взрыва раскидали тела как

³⁴ «Подствольник» — ГП-30 «Обувка», 40-мм подствольный гранатомет для автоматов серии АК.

тряпичные куклы.

Превозмогая звон в ушах, я рывком оказался внутри периметра. Добил только одного, маявшегoся от ранения в живот. Остальные были мертвы. Выстрелов Даши я не опасался: отсюда она меня из своего «вальтера» достать не могла. Бандиты, залегшие на пригорке метрах в сорока от меня, забеспокоились: один на полусогнутых побежал в мою сторону. Нарвавшись на короткую очередь, он со стоном завалился на бок. Не теряя времени, я открыл огонь по остальным. С такого расстояния, да с хорошо пристрелянным стволом это заняло минуты четыре.

Вышел в эфир на общей частоте:

— Даша, это Антон, твой недавний попутчик. Отзовись. Прием.

Сканер снова не подвел: ответ пришел моментально и слышимость была отменная:

— Слышу. Ты не вовремя, я немного занята.

Хе... так и знал. Обрадуем барышню:

— Я подожду. Выходи из-за дерева, садись на телегу и правь к штабелю из бетонных блоков. Думаю, теперь уже можно. — Сюрприз удался, девушка ответила не сразу, видимо, проверяла сектора в бинокль.

— Так это ты их положил? Спасибо, но я и сама справлялась. Да и военные скоро бы подошли.

Ну, кто бы сомневался! Однако пора заканчивать. Мою временную захоронку мог уже кто-нибудь прибрать к рукам. Да и радиообмен на открытой частоте — не мое любимое занятие:

— Короче, как пожелаешь. Я пойду, у меня там вещи без присмотра остались, надо забрать. Да и ты не задерживайся. Родителю привет передавай...

Обшмонав бандитов, забрал у них ПДА, деньги и контейнеры с артефактами. Когда своего добра девать некуда, брать лучше самое легкое и ценное. Оружие оставил Даше, сложив его в кучку на передке бетонного блока. Примкнул новый магазин, дослал патрон и поднялся, чтобы уйти, как вдруг услышал стук копыт по асфальту. Поверила все-таки. Я двинулся ей навстречу. Проходя мимо трех перекрученных предсмертными конвульсиями тел, проконтролировал в голову из АПБ каждого. Один дернулся, значит, не врут инструкторы и доктора, что профилактика прежде всего.

Девушка разругалась, сняла шапочку, и короткие волосы — по-моему, эта стрижка называется «каре» — теребил легкий ветерок. Когда мы встретились, она как раз загнала новый магазин в свой «вальтер» и, дослав патрон, убрала пистолет в кобуру на бедре. Легкая улыбка тронула ее губы, лицо при виде меня стало мягче.

— Здорово ты их!.. Как мимо меня-то пробрался?

Чувствовался неподдельный интерес к методике.

Просветим, пока время есть, не молчать же, надувая щеки.

— Меня этому учили знающие люди. И ты научишься, если проживешь достаточно долго. Просто в следующий раз помни: когда противников много, а ты одна, нападения могут произойти со всех сторон. Ты же сконцентрировалась только на видимой части угрозы. В таких случаях делишь пространство на две полусферы по сто восемьдесят градусов. Дробишь на сектора поменьше, разбитые на тридцатиградусные отрезки. Отводишь на каждый сектор секунд по тридцать и осматриваешься. Засаекаешь любое движение — стреляешь, затем корректируешь позицию. Где-то так... Собери оружие, и, если хочешь, можем дальше поехать вместе. До твоего жилища провожать не стану, но большую часть дороги можем проехать. Только мне надо вещички свои забрать. Я быстро обернусь, туда и мигом назад.

Девушка задумалась, чуть склонив голову набок:

— Ладно, поняла, учту. Но долго стоять тут нельзя: военные наверняка слышали стрельбу, могут и заявиться. Иди, раз вещи оставил... только быстрее там. Боязно мне.

Поразительно: стрельба и десяток уроков — это не повод для страха, а вот мифический патруль — проблема! Интересно, что эти «защитники» будут делать, если и впрямь

примчатся сюда?.. Логика странная, потому что женская. Даша слишком хорошего мнения о вояках. Хотя дело тут в другом: стрельба внутри режимной зоны — это ЧП, и военные, конечно, вышлют патруль и до отказа разберутся с нарушителями. Другое дело внешнее кольцо. Тут стреляют постоянно, и дергаться на каждый выстрел глупо. Отреагируют только на потенциальный прорыв в сторону «блока», да и то в случае, если оценят размеры угрозы как превосходящие оборонительные возможности гарнизона блокпоста. Так что появления вояк можно и не ждать.

Путь назад не занял много времени — я шел налегке. Мои пожитки никто не тронул... Но было некое чувство, будто за местом кто-то наблюдает. Ощущение пристального взгляда даже не в спину, а... будто некто смотрит на тебя со всех сторон сразу. Я перевел предохранитель АК в режим автоматического ведения огня. Осторожно подошел к рюкзаку. Все лежало так, как я оставил. Расширяя круг обзора, стал осматривать землю. И в пяти метрах от места захоронки обнаружил следы кроссовок сорок четвертого размера, бурые пятна крови, следы волочения. Нет, тот гражданин приходил не за мной. Судя по следам, он пришел с северо-запада, где были какие-то развалины. Скорее всего, просто заметил мой след, но до захоронки не дошел. И тут кто-то подкрался к обладателю спортивной обуви со спины и пустил следопыту кровь.

Ранение, скорее всего, было единственным, но смертельным: следов борьбы, стреляных гильз вокруг я не обнаружил. Затем охотник забрал добычу и растворился. Наверняка забрался на дерево и таким образом ушел с добычей. Но не очень далеко. Это его взгляд я почувствовал только так. Но нападать он не собирался. Может, был сыт, может... Да черт его знает почему. Но угрозы в его взгляде не было, это точно. Опять этот таинственный друг. Я закинул рюкзак на спину и громко сказал в пространство:

— Спасибо, брат. Доброй охоты. — Сознание царапнул ответный импульс, некто понял меня и отправил, по ощущениям, похожее пожелание. Я направился к Дашиной телеге, пора было двигаться в путь.

Девушка между тем уже собрала все оружие и теперь деловито пересчитывала деньги, изъятые у покойных «романтиков с большой дороги». Оружие аккуратно было сложено под брезент, рядом с ящиками и коробками. Увидев меня, селянка спрятала деньги в нагрудный карман разгрузки и нетерпеливо махнула рукой:

— Чего долго так? Или сперли чего?

— Попытались. — Не люблю длинных рассказов. Да и про таинственного помощника не хотелось распространяться. — Может, поехали уже, а?

— Давно пора. — Девушка взяла вожжи, я уселся рядом. Включил сканер в режим прослушивания активного радиообмена с пеленгом до пятидесяти метров. Если вблизи от нашего местоположения возникнет даже зашифрованный разговор, сканер приблизительно покажет, где он ведется.

Дорога вела на северо-восток, огибая радиоактивные холмы. Ехали молча: я следил за дорогой, Даша была погружена в какие-то вычисления. Лошадь, которую звали Фрося, сама шла по знакомой дороге. Даша оказалась деликатной особой, но женское любопытство в конце концов взяло верх:

— Антон, а ты долго служил в армии там у себя? — Любопытство поощрять не хотелось, но дорога впереди длинная, можно кое-что и рассказать. Хотя и не хотелось особенно.

— Два года срочной, десять лет по контракту.

Допрос с пристрастием продолжился:

— Воевал?

— Поучаствовал кое-где.

Ответ девушку не устроил, я понимал, что она имеет в виду. Но тема войны была мне неприятна. Не потому, что стыдился чего-то, а просто воспоминания — это вообще не мое. Разговор нужно было срочно переводить на другую тему:

— А что, часто случается... подобное? — я махнул рукой назад. Девушка

неопределенно пожала плечами:

— Раньше обходилось как-то. У нас с Боровым договор: он не трогает нас, мы не трогаем его. А это были отморозки какие-то. Некоторые дуреют оттого, что здесь, на первый взгляд, законов нет.

Верно сказал классик: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от него». Я уже давно заметил невидимые нити условностей и незыблемых правил, что опутывали местное население — даже в хаосе есть свой порядок. Все очень просто: живи и давай жить другим, иначе жить не будешь. Но из любого правила есть исключения, и нужно быть совсем уже неординарной личностью, чтобы этим исключением оказаться. Вот упокоенные нами бандиты попытались, но результат оказался плачевным. Второго шанса тут не дается никому. Этот закон мне нравится больше всего.

— Стрелять так отец научил? — Даша гордо кивнула, отчего непослушная прядь волос снова сползла до середины щеки.

— И он, и дядя Гриша. Это начальник охраны «Теремка». Там... ну, вроде клуба местного. Даже из-за периметра приезжают. Места у нас непростые: зверье, бандиты...

Я перебил, решив уточнить:

— «Обелиск» к вам точно совсем не лезет?

Даша поморщилась и снова мотнула головой:

— Нет, они сами по себе. Вояки иногда заглядывают, да только руки у них короткие. В «Теремок» высокое начальство из штаба округа захаживает, и чуть только вояки в лес к нам заступят, их сразу назад отзывают. Звери перед Выбросом шалеют, лезут к жилью напролом. Отморозки вроде этих, сегодняшних, иногда. Но их зверье раньше подьедает: сфинксы, они как территорию пометят, так все: любого загрызут. Бандиты этого не знают. Как с дороги сойдут, где не надо, и, почитай, в тот же момент...

Так, значит, вот кто настоящий хранитель аномалии! Эту информацию следует взять на заметку. Девушка с искренним интересом спросила:

— А я правда хорошо справилась сегодня?

Вообще-то вот именно из-за таких вопросов у меня не складываются длительные отношения с девушками. Мои два обычных варианта: отмолчаться или резануть правду-матку без кавычек приводили к более-менее быстрому разрыву отношений. Compliments попусту — не мой стиль. Но отмолчаться не вышло:

— Для новичка получилось очень хорошо. Но будь у бандитов больше опыта и времени, все бы закончилось в их пользу, и ты даже не успела бы выстрелить ни разу. Сегодня был твой день.

Надо же, девушка не обиделась, чудеса продолжались:

— Научишь меня, как надо правильно отбиваться? Ну когда вот так, как сегодня, получается?

— Сейчас у меня очень плотный график. Но если все пройдет удачно — зови в гости, научу. Нет проблем.

— Позову, ты не сомневайся, — Даша со значением кивнула.

— Договорились, хозяйка. — Я совершил произвольную глупость — улыбнулся. Но обычного эффекта не произвел. Девушка весело тряхнула головой в ответ и, прищелкнув вожжами, пустила Фросю рысью. Сделка была заключена. Дальше ехали молча.

Один слюнявый и губастый американский режиссер-сценарист сделал неплохие деньги на диалоге о «неловком молчании», которое якобы возникает у малознакомых мужчины и женщины при первом свидании. Мол, все слова сказаны, в койку еще рано и вообще непонятно, что нужно делать дальше, если все общие темы для разговора исчерпаны. На мой взгляд, лучшее доказательство того, что все нормально, это когда можно именно вместе помолчать и не испытывать при этом неловкости. Кроме того, в нашей ситуации пустые разговоры просто мешали. В опасных местах вроде Зоны отчуждения очень важно умение слушать. Оттенков общего фона тишины очень много, и иногда только по ним можно понять, грозит тебе что-нибудь или нет. Сам воздух разносит информацию и, кажется,

предупреждает об опасности, если нужно. В этом и отличие от мира за «колючкой»: выжить и победить здесь может только умеющий слушать. Говорун, скорее всего, пропадет.

Обстановка в эфире была более-менее спокойная. Вояки вели дежурные переговоры, слышались и кодированные переключки неизвестных групп, но далеко, от ста метров и далее. Звери близко не подходили. Пару раз пришлось объезжать аномалии, расположившиеся прямо на дороге. Скоро вдаль показались вершины мусорных гор. Даша заметила, что стоянка вольных старателей уже недалеко. И это было очень вовремя: начинало смеркаться. По кустам активнее стали шнырять стайки тушканчиков: юркие грызуны питались падалью, а то и поедали друг друга. Были бегающие тут же слепые собаки, они гонялись за тушканчиками — своей основной добычей.

Наконец показался огонек костра. Переговоры на общем канале стали более интенсивными. Мы подъехали к шлагбауму, перегораживающему неширокий въезд на площадку, где в два ряда стояли остовы разнообразной техники и даже лежали на брюхе два Ми-24, уныло свесив лопасти винтов. Слева от проезда горел костер. Но на этот раз огонь был открытый и пламя освещало с десятков старателей, примостившихся кто как сумел вокруг костра. Один раз я слышал кодированный радиообмен. Источник находился метрах в двадцати. Стоянку патрулировали. Скорее всего, парами. Разумно, потому что высокая сетчатая ограда и тройка самодельных вышек на крышах двух автобусов и одной автоцистерны, собранных из разношерстного профиля и листов жести, обеспечивали довольно слабую защиту укрывшимся на стоянке людям. Перед шлагбаумом нашу телегу остановили. Парень в сером комбезе — это означало, что он принадлежит к группировке так называемых «нейтралов» — поднял правую руку и, после того как наша коняга, фыркнув, остановилась, подошел с левой стороны. Кивнул Даше, внимательно посмотрел на меня:

— Новенький? Не видел тебя тут раньше. Кто будешь таков?

Вопросы прозвучали по-русски с сильным молдавским акцентом. Сам парень был худощав и высок, про таких еще говорят «жилистый», думаю, выносив как лось. Лицо у парня было чуть вытянутое, с массивной нижней челюстью и выпирающими скулами. Нелепо смотрелись вислые усы и щетинистая «шотландская» борода. В руках он держал MP5 с жестко встроенным пластиковым прикладом, оснащенный тактическим фонарем и короткой трубкой фирменного четырехкратного прицела H&K. Немцы специально выпускают их для «пятерок», собранных на родных германских заводах. Такой автомат — штука не дешевая, но в поле не шибко эффективная, на мой взгляд. Комплектация нареканий не вызывает, для здешних мест вполне себе ничего. На бедре, в тактической кобуре, у парня был пристегнут неизменный «Форт». Вот тут я бы не согласился, но... Кто бы меня спрашивал?

— Я Антон, еду вот с девушкой. Нам оказалось по пути. Ты прав, я тут недавно. Неприятности мне не нужны, переночуем, если пустите, а там и дальше поедем. Есть возражения?

Парень чуть смутился, но кивнул. Шлагбаум поднялся, Фрося потянула повозку к стоящему недалеко от костра остову пассажирского автобуса, видимо, знакомому ей. Даша тронула меня за рукав и зашептала:

— Это Слава Бес, говорят, бывший десантник. Натворил чего-то за периметром, вот и рванул сюда. Сколотил бригаду из таких же как сам и стал эту стоянку «держатъ». Боров его не любит, они часто воюют. То Слава на Борова пойдет, то наоборот. Но Бес нормальный, не бандит, короче. Папка с ним договорился. Я Бесу консервы и припасы кой-какие вожу, а он меня до Радара провожает.

— А чего он людей к тебе на помощь не выслал? Вроде не шибко далеко.

Девушка задумалась, потом склонилась к клавиатуре своего ПДА и что-то быстро стала писать. Я же тем временем раскатал синтетический коврик — кстати, удобная штука в походных условиях, — вынул амеровский рацион, нацедил в кружку воды из фляги и понес ее к костру. Автоматным шомполом вытолкнул из костра почти целый кирпич, поставил на него кружку. Через десять минут у меня был кипяток, а еще через полчаса я уже пил

крепкий, ароматный краснодарский чаек и ел амеровскую жаренку. Не шибко вкусно в плане того, что американский армейский рацион нашему российскому в подметки не годится, но питательно и горячо. А чаек — это всегда приобщение к цивилизации, люблю его с детства.

Попивая ароматный с дымком напиток, я прислонился к колесу телеги и вытянул ноги. Счастье было буквально в каждом сантиметре этой благословенной земли. Кайф обломала селянка. Она присела рядом, от нее пахло дымом костра и тем особенным ароматом здорового женского тела, какой не заменяют никакие дорогие духи. Дохнув на меня смесью тушенки и лука, она стала негромко излагать результаты своего расследования:

— На стоянке два часа шел бой. Боров серьезных бойцов сюда заслал, еле отбились, говорят, никак не могли людей отрядить. Бандиты стоянку в кольцо взяли. Если бы не ребята с завода, что восточнее, капец бы всем «вольнягам» пришел непременно.

— Не верю. Раненых нет, следов перестрелки не видел, крови тоже. Если бы все было так, как сказали твоему отцу, мы с тобой обязательно хоть пару стреляных гильз нашли бы. А так ничего не было. Просто отец ввязываться из-за тебя не захотел. Передай ему, пусть снарядит группу и вышлет нам навстречу. Завтра смотри в оба. Как начнется пальба — не мешкай, вали ближайшего «проводжатога». На меня не смотри, сразу ищи укрытие. Я прикрою. А сейчас спать давай: при таком количестве случайных людей разборок не будет.

Девушка притихла, но быстро нашла решение:

— Тогда давай откажемся от охраны завтра...

Вот же наивная простота. Терпеливо объясняю:

— Ни в коем разе. Тогда Бес просто даст нам отойти и организует засаду на пути. Местность они знают, а мы нет. Ну, хорошо, ты знаешь. Но поручись, что лучше Беса? — Девушка отрицательно замотала головой. — Вот видишь. Завтра отъедем подальше и снимем проводжатых, если они чего удумают. Тут по обстоятельствам, но думаю, что так больше шансов. Отцу отстучи, что группу надо высылать немедленно, к утру они должны ждать нас у «блока» «альфовцев», что у дороги на завод «Росток». Иначе не уйти нам с телегой... А сейчас отправь письмо и давай спать.

Девушка снова взялась за ПДА и сообщила:

— Отец и трое охранников из «Теремка» выйдут через два часа, к рассвету будут у блокпоста «Альфы». Просит не рисковать. — Она с тревогой посмотрела на меня. — Я боюсь, Антон.

— И я немного. Но это нормально. Бояться надо, только не слишком сильно. Даже яд иногда лекарство. Иди спать. Разберемся. И помни: веди себя естественно, тогда мы их одолеем. Все будет нормально, пока Бес не догадался, что мы в курсе его возможных планов. Чуть чего, мы будем настороже.

Я подмигнул девушке. Даша слегка улыбнулась и, кивнув, отправилась спать в телегу, где у нее был свой персональный спальный мешок. Я же еще немного повозился с «калькулятором»,³⁵ когда еще доведется почистить в спокойной обстановке. Собрал, снарядил траченный магазин заново. Неплохо получилось: с оставшимся боекомплектом можно выдержать средней интенсивности бой. Жить можно. Я спал, как обычно, без сновидений...

Утро выдалось превосходное: низкое серое небо, молочно-белый туман и легкий морозящий дождик. Бес выделил девушке в проводжатые троих бойцов. Двое из них были, судя по говору, выходцами с запада Украины, их я почти не понимал, язык больше смахивал на польский. И были они то ли братьями, то ли давними приятелями. Оба вооружены довольно прилично: у одного АК-74М, в обиходе просто «весло», у второго АКМС — «раскладушка».³⁶ Провожатые были в традиционных легких старательских комбезах, но, как

³⁵ «Калькулятор» — разговорное название личного оружия.

³⁶ АКМС — Автомат Калашникова модернизированный складной; так называемый «десантный вариант» со складным прикладом; разработан специально для ВДВ.

и я, каждый надел еще разгрузку. Звали парней просто, без привычных здесь вычурных кличек: Михась и Андрей.

Парни производили двойственное впечатление: «прикинуты» были вполне профессионально; ничего не звенело и не болталось из экипировки, оружие ухоженное, и держали они его вполне правильно, это я замечаю сразу же. Профи держат ствол очень характерно: ружейный ремень убран на минимум и зацеплен на приклад, ствол чуть выше уровня пояса на сгибах рук, дулом в землю, снят с предохранителя. Так ремень автомата теперь нельзя использовать, чтобы удушить в рукопашной, а снятое с предохранителя оружие в любой момент готово к стрельбе. С другой стороны, уж очень много и громко они говорили. Их треп было слышно метров на сто вокруг.

Третий был чеченцем. Меня не обманули ни вполне европейская внешность, ни мирный и дружелюбный тон приветствия, которым мы обменялись.

Говор его и выдал. А еще пристрастие к большим ножам. Руслан, так «чех»³⁷ представился, носил на поясе тесак с сабельной «шипастой» гардой. Бес проводил нас до окраины стоянки и отстал. Мы двинулись меж мусорных холмов в направлении «блока», прикрывающего проход на территорию заброшенного завода «Росток».

Похоже, Бес не подозревал, что его история с двухчасовым боем не прошла. Вопрос был в другом: захочет ли он убрать Дашу и меня или пропустит нас дальше? Прибыток ему, по словам девушки, от нее и Лесника, невелик. Так что шансы были примерно равны в обоих случаях.

Михась и Андрей шли слева и справа от телеги, не переставая обмениваться длинными и, судя по их довольным лицам, смешными фразами. Даша молчала или отвечала односложно то одному, то другому охраннику, видимо, понимала, о чем шел разговор. Руслан шел рядом со мной в хвосте нашего маленького каравана. У него был обычный АК-74М, но с подствольником, то есть «костерок»,³⁸ но это уже неплохо, как-никак, а своя карманная артиллерия. Он держал оружие наготове и постоянно осматривал местность по секторам или, как чаще принято говорить, «рубил фишку». Это плохо, «дух» себя врасплох застать не даст, не то воспитание. Придется с ним повозиться.

Время шло, однако ничего не происходило. По моим прикидкам, прошло уже часа четыре, а бойцы Беса не проявляли признаков вероломства. Неужели пронесет и нас отпустят с миром?

Все изменилось, когда мы отошли на приличное расстояние от здания сортировочного узла, где, по словам Даши, тоже была база независимых, вполне нормальных, не бандитствующих старателей-собирателей. Сигналом послужил короткий радиообмен на кодированной частоте, потом грохнуло подряд два взрыва, судя по всему, из РПГ³⁹ «зарядили», двумя осколочными гранатами с той стороны. И тут началась потеха.

Но «дух» сделал ошибку — попытался воспользоваться ножом. Тесак лишь на половину успел выйти из ножен. Я отшатнулся в сторону и, разорвав дистанцию, дал короткую, в четыре патрона, очередь. Руслан завалился в кусты, я же мгновенно перенес огонь на правый фланг и зацепил Андрея, тот резво крутанулся в мою сторону. Даша выстрелом в голову уложила третьего «охранника» и нырнула под телегу. Андрей попытался повернуть автомат в ее сторону, но я дал по нему еще одну очередь, и он успокоился. Уткнувшись лицом в придорожный кустарник, задергал ногами в конвульсиях, наверное,

³⁷ «Чех» — жаргонизм; прозвище чеченцев, ходящее наряду с другими среди военнослужащих РА.

³⁸ «Костерок» — имеется в виду ГП-25 «Костер», самая массовая модель 40-мм подствольного гранатомета, стоящего до сих пор на вооружении многих стран.

³⁹ РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

пули задели какой-то нервный узел. Даша сделала еще один выстрел, и его мучения прекратились.

Лошадь не испугалась выстрелов и остановилась. Запрыгнув на козлы, Даша еще пару раз со злостью нажала на спуск, как бы сбрасывая напряжение. Убедившись, что бандит мертв, она снова спрыгнула с повозки, не выпуская «Вальтер» из рук и подбежала ко мне.

— Опять ты прав оказался. Может, и не доехала бы я до дому в этот раз. Видно, у них такой договор был: как взрывы пошли, так они и навалились. Сука этот Бес... папка его за такое на куски порежет.

Раскрасневшееся лицо, выбившиеся из-под шапочки пряди волос и пистолет в руке придавали селянке очень воинственный вид. Я прислушался: на «сортировке» шел нешуточный бой. Были слышны голоса как минимум двенадцати автоматов, двух ПМ, кто-то палил из ружья, главную партию в симфонии боя играл пулемет, судя по голосу, — РПК.⁴⁰ Пулеметчик экономно бил недлинными очередями, что сказывалось на общей динамике происходящего: постепенно все стихло. Странно только, что никто не позвал на помощь, даже по экстренному каналу. Следовало поторапливаться, Руслана и его подельников скоро хватятся и организуют преследование. Тем, кто погиб на сортировочном узле, я уже ничем помочь не мог. Даша была права, нападения были согласованы: случись Бесу объясняться, свалил бы все на бандитов, пытавшихся захватить сортировочный узел, а наших проводящих убрал бы Руслан. Ему отводилась именно эта роль. «Чех» производил впечатление опытного бойца, и, случись что, справиться с двумя, а то и тремя бойцами для него проблем не составило бы. До «блока» оставалось что-то около сорока минут, если рысью. Недалеко от дороги, по левую сторону, нашлась «карусель». Мы совместными усилиями пристроили туда всех троих бандитов, сняв с них только ПДА, и двинулись дальше так быстро, как только было возможно. Вскоре справа показались какие-то развалины и две цистерны, похожие на нефтеналивные. Чуть дальше я увидел стены блокпоста, сложенные из железобетонного профиля, между которыми был оставлен трехметровый проезд, перегороженный полосатой жердью шлагбаума. По левому и правому флангам были оборудованы пулеметные точки, обложенные мешками с песком, на шестиметровой вышке сидел снайпер с СВД.⁴¹ Грамотно. Сектора обстрела перекрыты наглухо: возможны только десантирование внутри периметра или минометный обстрел, иначе штурмующие лягут еще на дальних подходах к «блоку». Но о приближении кого-либо наверняка сообщат наблюдатели в «секретах», что вынесены за пределы прямой видимости с «блока». Я раз или два ловил кодированный радиообмен. О том, что мы уже здесь было известно, в разборку разведчики не вмешались, их задача состояла не в этом. Командир «Альфы» серьезно подошел к фортификационно-инженерному обустройству позиции. Гопники Беса нам тут не страшны. Нужно только поднажать немного.

Медленно, но верно мы приближались к блокпосту. На открытой частоте последовал запрос. Нас просили назваться. Даша выполнила требования начальника караульной смены, я тоже назвал свое имя и фамилию, которая стояла в «паспорте беженца», мне его слепили на Кордоне. Последовал приказ начать движение в сторону КПП, убрав оружие и держа руки на виду. «Альфовцы» тоже слышали стрельбу, поэтому приняли меры предосторожности. Когда наша телега приблизилась на тридцать метров, шлагбаум поднялся и к нам вышли трое с АН-94.⁴²

⁴⁰ РПК — ручной пулемет Калашникова. Темп стрельбы — 600 выстрелов в минуту, практическая скорострельность — 150 выстрелов в минуту. Прицельная дальность — 1000 м, прицел открытый с механизмом боковых поправок.

⁴¹ СВД — снайперская винтовка Драгунова; оружие поддержки пехотного подразделения на уровне взвода.

⁴² АН-94 «Абакан» — автомат конструкции Г. Н. Никонова образца 1994 года, разработан для частей

Одеты бойцы были в самодельные БЗК с опознавательной эмблемой группировки «Альфа». Броники легкие, но с паховыми фартуками, значит, защита по классу «три». Костюм включал шлем типа «капсула», маску, сочетавшую в себе функции бронешитка и дыхательного аппарата. Очки массивнее, чем должно быть, значит, это «ночник», но какой-то новый, я таких не видел еще. Комбез был из армоволокна, поверх него надет бронежилет, судя по внешнему виду, та же «тройка». Имелись защитные накладки — налокотники и наколенники из прочного пластика. Еще я заметил очертания «лепестков» бронепластин, встроенных в специально сшитые кармашки на предплечьях, бедрах, голенях. Это давало фрагментарную защиту от pistolетных пуль и осколков, буде они попадут в конечность бойца. Поверх броника надета была обычная разгрузка, по шесть магазинов в подсумках — штатно для караула. Примечательной деталью была маскировочная расцветка БЗК: в Зоне довольно распространен артефакт «паутинка». Белесые нити невероятной прочности режут сталь, как масло, и попадись в такую сеть человек — хана. Порежет на мелкие куски. Клан «Алхимики», живущий где-то в глубине болот и торгующий трансмутами, вывел разновидность «паутинки», способной менять цвет в зависимости от окружающей среды, но при этом напрочь терялась способность нити резать что-либо. «Альфовцы» одними из первых стали заказывать «алхимикам» целые тюки новой ткани. В результате получился отличный адаптивный камуфляж. Вот и теперь костюмы патрульных неуловимо меняли цвет, становясь местами серовато-черными, местами грязно-коричневыми. Отличная штука.

Неожиданно из-за их спин послышался говор, к группе подошел высокий, под два метра, мужик в легком комбезе, на плече у него висел дулом вниз карабин «Сайга». Пугач так себе, но под двенадцатый калибр — для охотника в самый раз. Вся его внешность свидетельствовала, что это и есть Лесник. Внешнее сходство с Дашей не было так очевидно, но цвет глаз совпадал, и некая схожесть в чертах лица все же присутствовала. Только у дочери они были более тонкие и, несомненно, более женственные, не говоря уже о фигуре.

Лесник был как будто вырублен из цельной дубовой колоды: мощный торс, грубое лицо, наполовину скрытое густой русой бородой, пышные усы, раньше такие называли «николаевскими», по фасону стрижки последнего российского царя Николая II. Растительность тщательно подстригалась, и облик в целом производил впечатление солидности и некоего шарма, свойственного большим, сильным людям.

Он растолкал патрульных и быстро оказался у телеги. Сграбастал дочь в охапку и долгих три минуты не отпускал. Затем повернулся ко мне:

— Ты, что ли, Антон? — Я кивнул утвердительно, а сам прикидывал, как поступить: времени до темноты оставалось немного, идти пешком ходом до места, определенного под вторую закладку, еще четырнадцать часов. Сегодня пройти мне удастся примерно пять часов, и еще около сорока минут понадобится, чтобы устроиться на ночлег. Оставаться на стоянке за блокпостом не хотелось: чем меньше народу знает обо мне и видит меня с поклажей, тем безопаснее. Да и местные обитатели ничем не лучше военных. Совершенно спокойно реагируют на оружие, это плюс, но, досмотрев мой мешок, могут заинтересоваться некими предметами. Этого мне не надо. Лучше пойду-ка я отсюда. Девушку проводил, с бандитами поспорил, пора и честь знать. Бес и его команда — мутный народец, рано или поздно столкнуться с ними все равно бы пришлось. Форс-мажор, однако, в мои планы не входит: теперь они, а не я выбирают поле боя, плохо, конечно, но не смертельно.

Я высвободил из-под брезента на телеге свой баул, пристроил его на плечо и повернулся к Леснику.

— Мне уже пора. Будьте осторожнее с Бесом. В следующий раз вам так сильно не повезет. Девушку могли преспокойно угнать в рабство, и вряд ли вы смогли бы ее выкупить после. Если есть возможность, то лучше его ликвидировать, так просто это все не закончится. Ну, — я повернулся к Даше и вынул из кармана одну забавную вещь. Попался, среди прочего изъятого добра, удивительной красоты камень, напоминающий сапфир.

Глубокий, насыщенный синий цвет и странные искорки внутри. Я показывал его Поповичу, тот сказал лишь, что камень не фонит, ничего не излучает и вообще как артефакт не ценится. Камень был величиной с ноготь большого пальца взрослого человека, и даже в тусклых лучах местного солнца он заиграл разными оттенками синего и голубого цветов. — Мне пора, Даша. Возьми на память.

Девушка нерешительно взяла подарок, покатала по ладони левой руки указательным пальцем правой. Видимо, угадал я с презентом, верно гласит американская народная мудрость про дружбу девушек и бриллиантов. Даша убрала камень в один из кармашков комбеза и подошла ко мне вплотную, привстала на цыпочки и еле ощутимо коснулась губами моей щеки.

— Спасибо. И за подарок, и вообще... — Затем посмотрела мне в глаза: — Если будешь рядом, заходи в гости. Я... мы с папкой будем рады.

Видимо, эта фраза далась ей непросто, потому что, не дожидаясь ответа, она быстро пошла в сторону КПП, ведя Фросю под уздцы.

— Непременно найду. Береги себя. Ну и вообще... Гхм!..

Мне тоже стоило большого труда говорить небрежно. А предложение лесной семьи было очень даже кстати. Зона не так уж велика, а Ржавый лес — это как раз то место, где очень удобно оборудовать ППД.⁴³ Судите сами: Выброс не беспокоит, можно найти незараженный источник воды, равноудаленность от всех зон влияния местных группировок — и в тоже время они все будут на расстоянии двух дневных переходов. Место, конечно, непростое, но отрицательные стороны суть продолжение положительных. Поэтому зарубку в памяти я оставил.

Лесник тоже продублировал предложение дочери, но совершенно без подтекста. Мужик просто был до чертиков рад, что ребенок вернулся к нему целым и невредимым. Богдан крепко пожал мне руку, посмотрел в глаза:

— Благодарю за дочь. Не забуду. Заходи к нам. Вот координаты. Если что, у нас тихо. Можно что угодно пересидеть. Удачи, парень...

Махнув на прощание рукой Леснику и его дочери, я двинулся к конечному пункту моего путешествия — Темной долине. Припасов хватало как на обратный путь, так и на заначку. Благодаря Даше я оказался почти у цели, в полтора раза сократив расчетное время.

Делая небольшие остановки для отдыха и разведки местности, я довольно быстро углубился в холмистую местность, именуемую Темной долиной... Откуда пошло такое название, история умалчивает, да я особо и не интересовался. Холмистая, местами покрытая чахлыми деревцами и густым кустарником местность имела только одну достопримечательность: резиденцию местного «крестного отца» Борова. Именно по этой причине для засады я избрал Темную долину: на первоначальном этапе это должно было сбить вояк со следа, направив их ярость и охотничий пыл в русло борьбы с местной оргпреступностью. Пока они разберутся, что и как, пока начнут преследование в нужном направлении, я выйду на исходную позицию, и игра пойдет по моим правилам. Отходить я планировал в сторону Радара, сделав крюк западнее территории, подконтрольной «Обелиску». Военные сразу след не возьмут, а по тем, что оставлю, придут прямо на «секреты» сектантов, что тоже даст мне от двух до пяти часов. За это время я углублюсь в лес, затаюсь и пережду погоню. Пропущу группы преследователей вперед и тихо вернусь на Кордон. Захоронки помогут мне продержаться довольно долго. Может, недели две-три при разумной экономии. А потом можно будет забрать награду и свалить вглубь территории Зоны отчуждения.

Оборудовал еще один тайник, оставив там большую часть припасов, некоторый запас патронов, взрывчатки и медикаментов. Идти сразу стало легче, но не намного: надо было

⁴³ ППД — пункт постоянной дислокации. Военный термин, означающий место постоянного размещения воинского подразделения с подведенными коммуникациями обеспечения и снабжения.

еще «гостинцы» поставить, вот тогда двинусь обратно уже налегке. Внес данные в ПДА. Решил осмотреться. Резиденцию Борова было отлично видно через оптику. Недостроенный комплекс явно промышленного назначения. Скорее всего, имеет разветвленную сеть коммуникаций, поэтому пройти внутрь не очень трудно. Зная бандитскую безалаберность в несении караульной службы, думаю, миновать внешнее кольцо постов будет легко. Труднее внутри: если я правильно все понял, в личную охрану местный «положенец»⁴⁴ пригласил настоящих афганских «духов», а это народ непростой. Но пока об этом не следует думать.

На стычку вояк и бандитов особо рассчитывать не стоит: банда наверняка насыщена агентурой военной разведки и местной госбезопасности — СБУ. Но пока запросы идут, вояки медлить не станут. Так что бандитам предстоят несколько неприятных часов в ближайшем будущем. Пока они разберутся, я успею все подготовить. Все равно в Темную долину преследователи сразу не сунутся, на что я и рассчитываю.

Передвижение немного затрудняли аномалии и необходимость остановки на ночлег: зверье, ведущее ночной образ жизни, раз или два пыталось закусить мной. Главным отличием от таежной фауны было то обстоятельство, что местная не боялась выстрелов и огня. Наоборот, и то и другое привлекало еще больше желающих отъесть кусочек-другой человечинки. Спас меня АПБ: где-то в 3:30 утра мне удалось застрелить взрослого псевдособа, и оставшиеся два часа до рассвета я сквозь сон слышал, как его поедают сородичи. Звуков выстрела не было, огня я тоже разводить не стал, но эти твари отлично чувствуют запахи и неплохо видят в темноте. Перекусив и сделав два глотка воды из фляги, я пошел к цели.

Место, выбранное мной в качестве засады с приманкой, показалось в зоне прямой видимости. До «сковородки», как я назвал про себя этот своеобразный оазис среди холмов, было восемьдесят метров по прямой. Осмотрев местность, я убедился: больше возвышенностей в радиусе полукилометра нет. Значит, это помешает группе разделиться, и снайпер не сможет страховать группу на большой дистанции. Ситуация вынудит их пойти внутрь ловушки всем вместе. Три человека — это не отделение даже: выслать смогут только одного. Он подтвердит, что «груз» на месте, и тогда группа будет вынуждена войти в лощину и занять оборону по периметру. Разведчик наверняка все осмотрит, поэтому мины нужно поставить заранее: земля осядет и следы затопчут местные обитатели. Закладку не обнаружат, даже если ее возьмутся искать.

Я установил две «МОНки» на противостоящих склонах холма с интервалом в двадцать пять метров, положив под каждую по «вербе» в качестве сюрприза для любознательных. У данного изделия очень чувствительные датчики, и в случае попытки приблизиться меньше чем на метр мина встанет на боевой взвод, а при попытке тронуть закладку произойдет детонация основного заряда. Сектора сплошного поражения накрывали около сорока метров тропы с пожизненной гарантией.

Мне повезло: западные склоны холмов, окружающих поляну с озерцом в виде извилистого полукольца, были очень радиоактивны, что исключало пригодность участка для снайперской позиции. Снайпер придет только с востока, а там я раскину несколько растяжек. Сейчас этого делать не следовало, просто я осмотрел пути вероятного маршрута разведчика на восточную часть холмистого гребня «сковородки». Поставить пару простых «растяжек» — дело получаса, максимум. Еще раз все осмотрел, перекусил захваченной у Даши банкой тушеной свинины и отправился в обратный путь.

Дорога пролежала в обход позиций «Альфы», мимо кладбища техники, где я уже завел пару ненужных знакомств. Очень помогли данные с ПДА бандитов, особенно Руслана, мир его праху. Я слышал не только переговоры группы Беса, но и разговор самого Борова с кем-то по прозвищу или фамилии Каретник. Исчезновение Руслана было списано на боевые

⁴⁴ «Положенец» — тюремно-уголовный термин, означает ранг уголовного авторитета с широкими властными полномочиями на определенной территории, делегированными ему советом уголовных главарей на определенное время.

действия, по крайней мере эфир был относительно спокоен, усиленного поиска не вели ни люди Беса, ни блатные. С трудом избежав насыщенного патрулями бандитов сектора возле заброшенного блокпоста, мне удалось выйти к внешней ограде периметра и моей тайной тропке. На исходе пятых суток рейда я вернулся на Кордон.

Навестив захоронку, я сбросил часть патронов и продовольствия, забрал набранные прежде артефакты, присоединил к найденным позднее и разместил их в РД. Проползти по проходу в «минзаге» отняло уже не так много времени: человек ко всему привыкает. Миновав АТП и мостик через пересохший ручей, я вошел в деревню новичков. Снова был вечер. Горел «вечный огонь» в бочке, тренькала гитара. Усталые старатели Зоны сидели у костра, обсуждая последние сплетни и поминая тех, кто больше никогда не выпьет и не споет. Многие узнали меня и приветствовали кто взмахом руки, кто скупым кивком. Серый подошел ко мне, и мы обменялись крепкими рукопожатиями:

— Здоров, Антон! Долго ходил. И ничего о тебе слышно не было.

— И тебе доброго вечера, брат. Это хорошо, что слышно не было. Я же не Арбацкий, вечная звезда радиоэфира. Раз не слышно, значит, все нормально. Ты же знаешь: по рассылке всех оповестят, коли помру... Что здесь нового слышно?

— Да все как обычно. Говорят, бандиты разгромили стоянку «вольняг» на Свалке. Бес пытался помочь, но ничего не вышло. Трех своих лучших бойцов потерял, а нападавшие ушли. Кто и сколько их было, неизвестно. Бес своих на поиски отправил, но не повезло: след потеряли, напоролись на псевдогиганта, еле ушли. «Альфа» своих разведчиков тоже отряжала. Никто не вернулся. Странно, что на помощь не позвали ни «вольняги», ни разведчики альфовские.

Следовало поделиться с Серым информацией. Не ровен час, Бесу доверится еще кто-нибудь, и тогда новых трупов прибавится, это точно.

— Пойдем в «тошниловку», старшой. Посидим, отметим мое возвращение, расскажу кой-чего. Только Поповичу хабар сброшу и вернусь. Лады?

Серый сказал, что пойдет «забьет» столик, а то вернулись две группы с Янтара и сейчас широко празднуют. Может, только у стойки место и найдется. Я согласился и пошел к барыге. Как всегда, торговец сидел за компьютером. Он поднял на меня глаза, глядя поверх очков, и произнес:

— Привет, что новенького в Зоне?

— Все по-старому. Жив пока.

Торговец хмыкнул и согласно кивнул, но его главная сущность снова взяла верх:

— Хабар, что ли, принес?

— Есть кое-что...

Я выложил свой улов. Помня нахрапистость Поповича, я не стал выкладывать самое ценное и в конечном итоге не прогадал: удалось вырвать четырнадцать тысяч из цепких рук любителя наживы. Спрятав деньги, я поинтересовался, как бы между делом:

— В прошлый раз вы с Михаилом Анатольевичем упомянули некоего Сухаря. Кто это?

Торговец помолчал, раздумывая, стоит ли отвечать на мой вопрос. Видно было, что тема эта для него непростая. Тщательно выбирая слова, Попович заговорил:

— Был здесь такой старатель несколько лет назад. Кто такой, никто не знал: его выудили из труповозки, что «жмуров» за периметр с Кордона увозит. Да и сам он мало чего помнил... Даже прозвище ему я дал: «портак» у него приметный был, слово «КЕУ» и... штрих-код, как на банке с консервами... Непонятный «портак», короче. Я его выходил, денег чуток подкинул, к делу пристроил. Ну, там принести, узнать чего, все не просто так небо копить. Только стал он своего приятеля вспоминать, Свана. А тот известный бродяга был: центральные области Зоны как свои пять пальцев знал. Но сгинул, а потом и Сухарь объявился. Пропал и он, короче. Сухарю удалось пси-излучатель на Янтаре отключить, многих он спас этим: трупов ходячих меньше сразу стало... Потом на Радиостанцию пошел, и что он там замутил, до сих пор не известно. Только на месяц или около того игрушка сектантская работать перестала. В неразберихе многие на Радар ломанулись, думали,

артефактов там море, а «Обелиск» все их желания исполнит.

Попович непроизвольно сжал кулак, побелели костяшки пальцев. Голос стал глуше и еще более хриплым:

— Но фигня это все оказалась: сектанты устроили всем большой кирдык. Штурмовые группы «Січи» и «Альфы» пострелялись на подходах к Припяти, а недобитых встретили сектанты. Мертвый город оказался большой западней: мало кто вышел оттуда живым. Многих «Братья» принесли в жертву своему артефакту. Но Сухарь прорвался, что он загадал — никто точно не знает. Только Зона не исчезла, а его головы среди жертвенных не оказалось. Да и среди покойников бродячих его никто не видел. По общему каналу «похоронка» не отсылалась, мы смотрели. После тех событий все... изменилось все, короче. Зона стала еще более непредсказуемой: появились новые аномалии, реагирующие только на людей, звери стали чаще нападать на старателей с оружием, почти не зная страха. Даже сектанты теперь набегают на территории соседей. На границе с «Січью» стоит целый часток с насаженными на арматурные прутья головами. Вояки реже вылетают на помощь даже своим ученым, вертушки падают теперь там, где раньше был простор: летай — не хочу. Сухарь пропал, а с ним пропала и надежда на то, что Зона исчезнет. Вот так, Антон.

Не скажу, что история меня впечатлила. Мало ли кто пропадает, да еще в априори гиблом месте? И меня не расстраивал факт, что Зона все еще продолжает существовать:

— Благодарю за информацию, мне пора. Думаю, что теперь не скоро увидимся. Удачи в делах.

Я развернулся и направился к выходу. Торговец окликнул меня:

— К Мишке не ходи, больше, чем я, он тебе все равно не скажет. А увидимся мы в свое время. Мы в таком месте, где всем планам свойственно исполняться не так, как они задумываются. Бывай.

К оружейнику я заходить действительно не собирался. Выйдя на воздух, сразу направился к «тошниловке», на встречу с Серым. В заведении было шумно, и табачный дым висел тяжелыми клочьями, отчего фигуры посетителей делались расплывчатыми, словно видения воспаленного ума. Серый сидел в дальнем правом углу, пил пиво из высокого бокала и деловито уплетал жареную картошку с мясом. Закинул в рот очередную порцию квашеной капусты, сдобренной сладким крымским лучком, призывно махнул мне рукой. Я сел напротив:

— Приятного аппетита.

— Угу. Угощайся.

— Не откажусь, спасибо.

Я придвинул к себе тарелку с картошкой, которую наполнил из блюда, стоявшего в центре стола. Налил пива в чистый бокал и долгим глотком выцедил его до половины. Картошки не стало минут за десять. Я за тщательное пережевывание пищи, да и не торопил никто: инспектор поедет на «блок» только завтра к вечеру. У меня законный выходной. Я почувствовал приятную сытость, лихорадочная веселость сменилась умеренным благодушием. Я начал излагать Серому то, что мне удалось выяснить в ходе вылазки. Он слушал не перебивая, потом настал черед уточнений:

— Значит, Бес послал группу к «сортировке» и всех там загасил, и все для того, чтобы убрать дочку Лесника? Абсурд.

— Согласен. Думаю, девчонку убивать никто не собирался. Ее хотели взять живьем. Да и «чех» не просто так там был. Думаю, Бес спелся с кем-то очень серьезным. На сортировочный узел напали не любители: бой длился минут десять-пятнадцать, у нападавших были гранатометы, снайпер и пулемет. А потом они грамотно ушли в неизвестном направлении, сработав группу матерых разведчиков «Альфы» на два такта! Я маленько знаю «духов»: они по одному почти никогда не ходят. Их либо кто-то нанял, либо они нашли себе нору в глубине Зоны, и тогда у всех здесь большие проблемы.

Серый задумался, перестав жевать:

— Что если захватить Беса и...

И почему мне не смешно:

— Ничего это не даст — улик нет. А про Руслана он скажет, что моча джигиту в голову ударила. А у «вольняг» на «Сортировке» уже ничего не спросишь. Мой тебе совет: пока ничего не предпринимай. Твои карты не из этой колоды, проверяй каждое слово Беса, даже если он говорит, что земля круглая. Будь настороже. Извини. Мне пора. Устал я чего-то. Бывай. — Серый хотел еще что-то спросить, но махнул рукой, мы пожали друг другу руки, и я отправился помыться, почистить оружие и подготовить снаряжение к завтрашнему непростому дню.

Неожиданно пискнул ПДА. Пришло сообщение от Одессита. Он предупреждал, что к нему в магазин лучше не соваться. Кто-то основательно подпортил Михаилу Анатольевичу комплект последней оптовой поставки. Проще говоря, мне придется идти в моем нынешнем прикиде и с имеющимся арсеналом. Это несколько уменьшало шансы на успех, но не настолько, чтобы все сворачивать. Кроме того, оружейник сообщал, что у входа постоянно дежурят двое подозрительных граждан. По виду «из органов», как выразился Одессит. Что же, видимо, и на сей раз не сvezло пройти в хорошей и комфортной броне. Это нормально: буду осторожней, только и всего.

Приняв душ и сложив вещи, я, как мог, прибрал свое временное пристанище в бункере торговца. Вышел и направился к заброшенному элеватору, послужившему таким хорошим НП в прошлый раз. Оставаться в деревне было опасно: если противник знает, где тебя искать, это уже проигрыш. Осмотрев нишу на чердаке, я раскатал коврик и придавил на массу часа на два.

...Окончательно стемнело, часовые на «блоке» лениво прохаживались взад-вперед. Иногда из вагончика выходил прапор, отдавал какой-то короткий приказ и снова скрывался в недрах бытовки. Снять часовых по очереди не составляло труда: за несколько часов наблюдения удалось выяснить места, где караульные не видят друг друга. Нравственных терзаний по поводу предстоящей акции я не испытывал: как только появляются сомнения типа «быть или не быть», лучше сразу переквалифицироваться в управдомы. Но вот час пробил: во время рабочего сеанса связи со штабом гарнизона Дичка известили, что инспектор прибудет на «блок», вверенный его заботам, в семь тридцать вечера.

1.3

Подобраться к часовому бесшумно — это целое искусство, и дело не в том, чтобы не производить никакого шума при движении. Шуметь как раз можно, главное — двигаться в унисон со звуками, издаваемыми другими. Человек лишен обостренного слуха и обоняния, поэтому подобраться к часовому незамеченным было делом немудреным. На мое счастье, радист пользовался служебной радиостанцией и через громкую связь слушал треп ведущих на какой-то из популярных FM-станций. Я дождался, когда часовой войдет в «мертвую зону», и, прихватив его за ремень автомата, воспользовался ремнем как удавкой. За час до появления проверяющего зарядил дождь, и в плащ-палатке я вполне мог сойти за своего.

Со вторым бойцом проблем было еще меньше: я подошел практически вплотную и выстрелил ему в затылок из АПБ. Часовой упал в нишу перед блоком заграждения таким образом, что со стороны дороги его не было видно. Музыка и голоса радиста и разводящего, шум дождя и завывания ветра помешали солдатам упредить мои действия: еще пара выстрелов, и оба «прижмурились». Радист ткнулся простреленной головой в штабель ящиков, служивший подставкой для рации и одновременно столом, разводящий упал на пол без единого звука. Настала очередь дежурной смены и самого прапора.

Дичок сидел в вагончике и смотрел по переносному телевизору какую-то спортивную передачу. Видимо, все же когда-то прапор был хорошим солдатом: почувствовав опасность, он схватился за кобуру с «Фортом» и открыл рот, чтобы закричать. Поздно: пуля из АПБ поставила на лбу Дичка аккуратную точку и он тихо опустился на пол.

Еще трое солдат спали. Лишней крови не хотелось, но случайностей лучше избежать:

передо мной были не срочники-молокососы, а контрактники. Случись охраннику проверяющего поднять шум, из меня в два счета сделают сито. Никто не проснулся.

Быстро проверив все закоулки блокпоста, убедился, что никто не посещал сортир и не бегал в деревню за водкой. Пересчитал оружие в пирамидах и, вынув затворы, раскидал их так далеко, как мог. Дождь был мне хорошим помощником. В армейской плащ-палатке, с АК-74М на груди, я практически ничем не отличался от часового, лежащего теперь вместе с остальными в бытовке. Тем временем последовал доклад с КПП на Кордоне: Дичка предупреждали о прибытии проверяющего в течение получаса. Я, стараясь подражать движениям часового, ходил из стороны в сторону.

Главное в такого рода засадах — не насторожить жертву: вся обстановка должна быть обычной и не вызывать подозрения. Даже такая мелочь, как неуставное использование радиостанции, необходима, чтобы дать понять майору: все как обычно. Наконец подъехал УАЗ со штабным индексом на номере «32», что давало ему, наряду с прилепленным со стороны пассажира пропуском с красной диагональной полосой, право беспрепятственного проезда через все КПП режимной зоны. Внутри сидели двое, как и ожидалось: водитель-охранник и сам майор. Вопреки штампам, что штабисты рыхлый и трусливый народ, этот конкретный производил впечатление подтянутого и спортивного человека. Все портили двойной подбородок и высокие залысины.

Охранник выбежал и открыл шефу дверцу, предупредительно приняв кейс из рук проверяющего. Майор, не торопясь, вышел, разминая ноги... Вяло махнув рукой в мою сторону, майор пошел к вагончику. Водитель двинулся следом, держа меня в поле зрения. Мерцающий, неровный свет костра не давал военным разглядеть подробности окружающей обстановки.

К чести охранника с лычками сержанта, он не расслабился и шарил глазами вокруг, не выпуская меня из вида. Это было предусмотрено: я нарочито положил кисть правой руки на крышку ствольной коробки автомата, а левую держал под плащ-палаткой. Поверни я автомат в его сторону, сержант непременно бы среагировал, но тот факт, что под плащ-палаткой в левой руке я прятал АПБ, стал сюрпризом. Выстрелов слышно не было, сержант, тихо охнув, осел на асфальт.

Почувствовав движение за спиной, майор, уже взявшийся за ручку двери бытовки, обернулся. Вид покойников действует на каждого по-своему: кто-то блюет, кто-то истерит, но почти все впадают в ступор. Майор просто растерялся и, держа портфель обеими руками, прижал его к груди. В такой ситуации важно действовать быстро: скинув плащ-палатку, я в три прыжка оказался рядом с ним и вырубил ударом в челюсть. Подхватив «поплывшего» офицера, я подтащил его к машине, связал приготовленными заранее пластиковыми наручниками и быстро обыскал: в кобуре был не штатный «Форт» а амеровская «беретта М92», которую я переложил к себе в карман. Изъял и коммуникатор, продолжавший исправно мигать кнопкой вызова. Кто-то сильно хотел поговорить с майором. Осмотрел кейс, там, кроме бумаг, ничего не оказалось. В машине оружия тоже не было.

Погрузив еще не отошедшего от удара вояку на переднее сиденье, я сел за руль. Предстояло рывком преодолеть расстояние до заброшенного КПП. Отъехав метров на десять, так, чтобы машина исчезла из круга света, отбрасываемого костром, и стала не видна с воздуха, если вертушку все же поднимут раньше, чем я ожидал, я выскочил из кабины и рысью направился к моему временному НП, чтобы забрать автомат и РД, которые оставил там, чтобы не мешали.

Вдруг завывла сирена. На фильтрационном пункте уже подняли по тревоге дежурный взвод охраны. Майора хватились, и раньше, чем я ожидал.

Вариант поездки на машине планировался как запасной, как раз на такой экстренный случай. Быстро увеличить дистанцию получится, но нет никакой гарантии, что надолго: горячее тут подвергалось необратимым изменениям, и как скоро двигатель заглохнет, оставалось только гадать.

Мотор рыкнул, я плавно тронулся с места и, набирая скорость, поехал вперед, врубив

дальний свет. На торпеде стоял прикрученный детектор аномалий, и объезжать их удавалось без особого труда, почти не снижая скорости. Что ни говори, а УАЗ — самый надежный и неприхотливый внедорожник. Спустя полчаса мы уже были на территории свалки. Движок чихнул и заглох. Приехали.

Взбодлив все еще плохо соображавшего майора, я вытолкнул его наружу. Заминировал машину, оставив зажатую дверью «эфку», не особо рассчитывая на результат. Если преследователи будут неосторожны, я просто узнаю, как далеко они от меня находятся. Но это скорее по привычке, нежели из острой необходимости. Сейчас все решало то, насколько верными оказались мои расчеты и повезет ли мне сегодня... и в последующие дни. Пока особых сюрпризов не было.

Пришла пора поговорить с майором, дать ему вводную и усилить мотивацию к выполнению моих просьб и пожеланий. Пнул его в бок:

— Поднимайся, майор. Как тебя зовут? Быстро отвечать!

Резкий тон, простой вопрос. Это помогло:

— Д-диденко Павел Н-н-иколаевич...

— Хорошо, майор, очень хорошо. Теперь слушай внимательно. Следующий вопрос очень важен для тебя. Насколько сильно ты хочешь жить?

Диденко затряс головой и без запинки выпалил:

— Очень хочу жить... У меня...

Прервав его излияния, я продолжил:

— Еще раз молодец. Тогда, Паша, давай на «ты»? — Майор согласно кивнул. — Вот что, Паша: я не хочу тебя убивать...

На лице штабиста отразилась крайняя степень облегчения. Люди, находясь в подобной обстановке и под сильным стрессом, верят любой ерунде, сказанной твердым и убедительным тоном.

— Мы с тобой прогуляемся по окрестностям. А потом я разрешу тебе вызвать вертолет: нужным людям понадобится только твой кейс, ты сам никому не нужен. Вот что я предлагаю: мы идем, куда нужно мне. Потом я забираю портфель, ты даешь мне уйти и вызываешь вертушку. Но до тех пор, Паша, не вздумай финтить. Ты взрослый, наверняка семейный...

Диденко снова утвердительно закивал.

— Вот, — я бросил коммуникатор в руки майору, — возьми и отключи маяк слежения. Потому что если мы не приходим, куда надо мне, тогда я даже убивать тебя не стану, а перебею тебе обе ноги и оставлю во-о-н в той роще.

Я пальцем указал на видневшуюся слева от дороги рощу, где кружила стая псевдособов. Майора передернуло, он непроизвольно икнул. Поняв, что достаточная степень внушения достигнута, я совсем уже мирным тоном добавил:

— По-моему, все честно. Ну, так как предложение?

Диденко молча набрал код на клавиатуре, и экранчик коммуникатора погас. Трясущимися пальцами, ломая ногти, он вскрыл заднюю панель коммуникатора и вынул батарею. Затем протянул все это мне на вытянутых руках.

— Теперь сигнала нет. Нас не найдут... Вы правда меня отпустите?..

Надежда — это прекрасное чувство, как сказал один хороший артист. Очень не хотелось расстраивать майора раньше времени.

— Посмотри на мое лицо, майор: я в маске, ты меня не опознаешь. Кто я и откуда, знать не можешь. Зачем мне без необходимости тебя убивать? Делай все правильно, как я сказал, и уже завтра будешь дома. — Лицо штабиста посветлело. — А теперь давай поторапливаться, время дорого.

Диденко кивнул, и мы быстрым шагом направились в сторону «сковородки». Как я и предполагал, военные бросились в погоню и блокировали логово группировки Борова. Перестрелка длилась почти два часа, и лишь потом все стихло. Видимо, прошла информация о непричастности бандитов к похищению.

На позиции «Альфы» вояки соваться не стали. Только произошел радиообмен между комендантом района и командиром «альфовцев». Не найдя следов, пошли пакетные сигналы группам военных старателей, находившимся в этом районе. Всего три группы и, судя по пеленгу, только одна была близко к «сковородке» и могла бы подойти к нам в пределах от двух до пяти часов, если последует сигнал с коммуникатора майора. Нормально. Так и ожидалось...

...Делая короткие привалы и обходя наблюдательные посты бандитов и «альфовцев», к вечеру следующего дня мы вышли к месту засады. Разведгруппы кружили в пределах от десяти до сорока километров от «сковородки». Время подхода ближайшей группы не менялось. Все шло по плану. Закладки никто не тронул. Я посадил майора на поляну и вернул ему коммуникатор, забрав портфель.

— Вот, Паша, мы и на месте. Сиди тут, включай свою шарманку через час. Уже темнеет, но твои тебя тут не бросят, пришлют кого-нибудь. Главное, сильно попроси их прийти за тобой. Я свое слово сдержал: ты жив, а я получил почти все, что мне нужно. С поляны не уходи. Тут пока безопасно, но если выйдешь, сам знаешь, что будет, да и пара радиоактивных плешей тут есть. В твоей игрушке-то счетчика радиации нет. Сиди и жди. Так безопаснее. Будь здоров.

Я направился по восточному склону и как бы скрылся из виду. На самом деле залег, так чтобы и майор, и вход в лощину были в зоне прямой видимости. Лес не город и не любит прямых линий. Из веток кустарника и клочков травы я соорудил нечто вроде «гилли»⁴⁵ и стал похожим на невысокий куст.

Да и темнота мне помогала. Расставив «растяжки», как и задумывалось ранее, я стал поджидать поисковую группу, наблюдая за местностью в монокуляр. Майор, естественно, уже вопил на армейской волне о своем бедственном положении. Как я и предполагал, военные приняли верное решение выслать ближайшую разведгруппу и охранять майора до утра.

Примерно через час сорок минут от расчетного времени я заметил три силуэта, левым уступомдвигающихся к проходу «сковородки». Остановились. Один отделился от общей группы и осторожно начал продвигаться к поляне. Майор кинулся к нему навстречу, но разведчик жестом и окриком остановил штабиста. Последовал радиообмен, в котором он сообщил о том, что офицер найден. Командир приказал всем оставаться на местах. Двое разведчиков вошли в зону поражения моей ловушки. Третий же направился прямо на «растяжку», рассчитывая занять позицию на возвышенности.

Сначала рванула Ф-1, солдата отбросило, но костюм его спас. Однако он не понял, что случилось. Я же быстро нажал кнопку на пульте, давая сигнал на подрыв. Долбануло ощутимо. Визг, издаваемого «крикуном», я не слышал, так как загодя вырубил ПДА. Когда все стихло, я не спешил подниматься: один разведчик был еще жив. Но волнения оказались напрасными: вой, издаваемый артефактом, и взрывы несколько рассеяли внимание снайпера (а это был он!). Я тщательно прицелился, дал две короткие очереди по силуэту. Боец упал. Я сменил позицию, и не зря — боец выхватил нечто скорострельное (наверное, автоматический пистолет) и обстрелял то место, где я только что лежал. Я вынул из сумки наступательную М-67 и кинул в его сторону. Взрыв — и все смолкло. Вскочив, я в полуприседе пошел в сторону, где предположительно лежал снайпер. Парня посеколо осколками и продырявило моей очередью. Скорее всего, отстреливался он только на стимуляторах, купировавших боль, но быстро истек кровью: второй взрыв гранаты повредил что-то в костюме, видимо, этот самый иньектор. Чуть в стороне лежала искомая «снайперка». Задание было выполнено. «Гаусс» был у меня. Оставалось произвести зачистку и убираться отсюда. Скоро, очень скоро тут станет жарко...

⁴⁵ «Гилли», или ghillie suite — маскирующее силуэт бойца приспособление, скрадывающее очертания фигуры, помогающее сливаться с естественным рельефом окружающей местности.

Убедившись, что снайпер мертв, я направился к месту, где, поскуливая, лежал майор. Выбора у меня не было. Я вскинул «сто четвертый» и плавно нажал на спусковой крючок. Голова майора дернулась, и он затих. Что бы ни говорила в таких случаях совесть, я привык не слушать ее уже давно. Пожалуй, с тех самых пор, как бросил горсть земли на могилу моего товарища, погибшего по вине пьяного водителя восемь лет назад. Мой друг, прошедший три войны и несколько маленьких войнушек, был сбит, когда стоял на троллейбусной остановке, въехавшим на тротуар «городским» внедорожником. Не было ни стрельбы, ни взрывов, а зачет пошел на минус...

Потом, конечно, был суд, были отступные, которые совал в руку окаменевшей от горя Маше, жене друга, белый как мел виновник аварии. Были поминки и кладбище, и снова поминки, где мне пришла в голову мысль, что не слишком важно, как долго ты планируешь быть живым. Или как умело ты забираешь эту самую жизнь у другого. И правого, и виноватого ждет один финал. Разница, по большому счету, только в деталях. И тогда совесть замолчала окончательно, а призраки и аттракционы кошмарных сновидений меня и раньше не мучили.

После этих похорон мой сон стал еще крепче. И рука ни разу не дрогнула. Так было и на этот раз, хотя и присутствовал неприятный осадок на душе. Разведчики не вызывали никаких чувств, кроме досады: не готовы были армейцы к тому, чего должны были ожидать в первую очередь. Аномалии и зверье — не первостепенная угроза для жизни даже в таком месте, как Зона отчуждения. Опасаться всегда следует людей, а разведчики об этом забыли.

Прежде всего, надо сбить преследователей с толку. Сейчас, когда еще темно, разбираться никто не станет. Сценарий дальнейших действий противника был очевиден. Перво-наперво подтянутся те из разведгрупп, что находятся неподалеку. В темноте зафиксируют общую картину и будут ждать до утра. Когда станет посветлее, постараются определить численный состав, вооружение и направление отхода нападавших. Свяжутся со штабом, назначат ответственного за проведение операции, на что уйдет какое-то время. И только потом получают приказы по общей обстановке. На согласование и выработку плана действий уйдет около сорока минут, может быть, час. Всего — около шести часов форы. За это время я успею уйти далеко.

Когда я продумывал возможный путь отхода, то изначально планировал маршрут таким образом, чтобы исключить со стороны противника возможность использования авиации. Мой путь лежал в сторону мест, запретных для полетов. Нападение на блокпост, смерть штабного офицера, утеря документов и, возможно, редкого образца вооружения — это ЧП. Командующему особым районом не позавидуешь. Однако следы прикроют, это несомненно: спишут на «боевые» и оружие, и людей. Покажут комиссии трупы пары уголовников, якобы убитых при задержании, получат пару пинков от начальства, и все успокоится. Переждать следует дней семь, не больше. Потом активность военных снизится до приемлемого градуса и можно будет вернуться на Кордон и получить оговоренную награду. Блокпост, конечно, усилят, минные поля обновят. Но полностью кислород не перекроют: артефакты сами через КПП к воякам не придут, их должен будет кто-то собрать и принести. Все вернется на круги своя.

Остатки тел и оружие я побросал в «спираль». Насколько позволяло освещение, спутал свои следы и оставил пару ложных для преследователей. Один след вел обратно на Свалку, другой в сторону позиций «Альфы», третий к Борову. Сам я планировал взять направление на северо-запад и, минуя позиции «Альфы» и территорию бывших военных складов, пройти в разрушенный город и отсидеться там. Если будет совсем кисло, подамся к Леснику. Хотя подставлять хороших людей желания не было абсолютно. Но Ржавый лес — это то самое место, где мой след точно потеряют.

Выписав пару петель, я добрался до своего тайника. Пополнил запас воды, взял сухпай. Патронов было достаточно, плюс пара гранат: «фенька» и наступательная РГД. Нормально. В условиях, когда воду пить нельзя, а подножный корм светится от радиации, именно рацион

является главным фактором выживания. Ведь в случае, если меня загонят, стрелять долго не получится. На этот раз ошибок со стороны вояк будет меньше, а значит, и шанс выкрутиться уменьшится. Главная задача — как можно дольше держать противника на расстоянии.

Что им известно на данный момент? Не слишком много: группа разведчиков попала в засаду и была уничтожена неизвестным по количеству противником. По фрагментам, конечно, определяют и тип взрывного устройства, и найдут пару-тройку пропущенных мною стреляных гильз. Но патроны-то я использовал совершенно обычные, и ничего, что дало бы хоть какую-то конкретную информацию о «нападавших», на месте боя обнаружить нельзя. Записи в ПДА уничтожены излучением «крикуна». Даже если найдут пригодное для снятия информации устройство, то там ничего нет. Импульс артефакта надежно уничтожает любые активные на тот момент электронные устройства. Следовательно, поиск пойдет по расширяющемуся радиально кругу, центром которого будет место засады. Военные также постараются перекрыть возможные пути отхода «нападавших», проведя анализ местных условий. Ночью искать станут коллеги погибших разведчиков, что и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо потому, что таких групп я насчитал всего пять и в темноте, да с должной сноровкой, избежать с ними встречи будет нетрудно. Плохо — по той причине, что сейчас военные настороже, их много и они лучше экипированы и вооружены. И, несомненно, лучше меня знают эти места.

Ситуация в корне поменяется на рассвете, когда подтянутся войска с Кордона и в воздухе появятся вертолеты. Думаю, что масштаб случившегося подвигнет командование района не мелочиться. И, по крайней мере в первые двое суток, меня будут искать, не жалея никаких сил и средств. Могут поднять БПЛА,⁴⁶ но из-за сложностей с передачей видеосигнала их будут использовать весьма ограниченно.

Главное — это выйти в район заброшенных военных складов и пройти на стыке зон ответственности трех враждующих группировок: «свободных», «альфовцев» и местных «серых гусей», проще говоря — наемников. В этом случае поисковая операция осложнится; вояки вынуждены будут договариваться с кланами старателей и потеряют много времени. В суматохе мне скорее всего удастся уйти. Однако если с первыми двумя группировками все ясно, то наемники могут подписаться на поиски некоей группы, напавшей на разведчиков вояк. Надеяться на плохую организацию поисковой операции с их стороны не стоит: наверняка они знают все лазейки в тех местах и просто организуют пару-тройку «комитетов по встрече». И все-таки их можно переиграть: народ там разный, так что шанс, хоть и не большой, имеется.

Стало светать. Сканер не засек ни одного радиообмена в радиусе ста метров, но когда я переключился в глобальный режим, на карте запестрели четкие отметки шестидесяти трех предполагаемых источников радиосигнала. Я выставил опцию на выделение только известных мне военных радиочастот и кодированных переговоров неизвестного происхождения. Вполне возможно, что частоты или поменяют, или у вояк есть каналы, не известные информаторам оружейника.

Общая картина складывалась следующим образом: загонщики выстраивались так, чтобы вынудить меня идти в двух направлениях. Или на болота, но это место гиблое априори и малоизученное вообще, или в район радиоактивных пустошей на северо-западе. Там легче оторваться от преследования, но светиться я буду недолго и сам загнусь от радиации. Передовые группы троек разведчиков шли с разрывами по фронту в сто пятьдесят метров. Но не по прямой, а зигзагами, постоянно пересекаясь с соседями, чтобы охватить наибольшую территорию. Одна такая группа находилась приблизительно в ста семидесяти метрах по правому флангу, другая быстро сокращала дистанцию слева. Вскоре я их увидел:

⁴⁶ БПЛА — беспилотный летательный аппарат; легкий планер, как правило, оснащенный устройством передачи аудиовизуального наблюдения, в ряде модификаций предусмотрена возможность оснащения высокоточными и корректируемыми боеприпасами (ракеты и авиабомбы), выполняет роль оружия поддержки и корректировщика артиллерийского огня.

тройка шла, образуя правильный треугольник, дистанция между бойцами была около десяти метров. Как только боец обнаруживал нечто подозрительное, они замирали, осматривали все в радиусе двадцати метров, разойдясь в линию. Потом продолжали движение. На мое счастье, туман не давал разведчикам толком осмотреться, и я продолжил движение вслед за поисковой группой. Вояки шагали бодро, усталости в их движениях я не заметил. Пока что лохмы травы и обмотки на оружии надежно скрадывали мою фигуру, поэтому быть сразу обнаруженным визуально я не опасался. Двигались мы с вояками в унисон. Предупреждающе пискнул сканер: кодированные переговоры с пеленгом юго-запад и юго-восток! С тыла подбиралась вторая волна преследователей. Но эти шли уже цепью, и было их около ста человек. Когда туман рассеется, мои следы так или иначе обнаружат. У меня было еще около получаса форы, потом по сбитой росе и примятой траве определят наложение следов и возьмут в кольцо.

На десять минут я замер, присев на корточки. Затем взял северо-западнее, туда, где виднелась небольшая полоса лесопосадок. Из кольца я не вырвусь, но на некоторое время деревья укроют. Найдя небольшую ямку в корнях раскидистого дуба в два обхвата толщиной, я зарылся с головой в листву и стал ждать. Единственным вариантом оторваться было пропустить цепь загонщиков вперед.

Шум шагов и негромкие голоса приближались. Солдаты шли неторопливо, осматривая каждый куст, но инструктаж они слушали невнимательно, и вообще подобные операции в круг их повседневных обязанностей не входили. Направление взгляда было точно на уровне головы человека среднего роста. Они могли наступить на меня и пройти дальше. В таких случаях главными помощниками следопыта являются земля и растительность. Как бы ни был я осторожен, но наверняка оставил немало следов, которые были, однако, проигнорированы военными. Солдаты прошли в полуметре от меня, негромко переговариваясь, а один даже зевнул так, что у меня скулы свело. Голоса и шорох шагов затихли впереди.

Сохраняя неподвижность, вслушался внимательнее. Медленно, почти незаметно, поменял положение тела на полуприсед. Взглянул на экран ПДА. Цепь ушла уже метров на пятьдесят. Повернул и сменил направление строго на запад, чтобы пройти по тылам загонщиков и выйти к холмам, за которыми искомый проход на военные склады. Пока удастся оставаться необнаруженным, сохраняется свобода маневра. Так я прошел еще километров пять. Окончательно рассвело, но солнце здесь светит едва-едва, с трудом пробивая толстую перину свинцово-серых облаков, поэтому царит легкий сумрак. Что я и люблю больше всего...

...Я часто вспоминал последние дни своего пребывания в родном городе. Зайдя к сестре, чтобы оставить ключи от квартиры, я не застал ее дома. Позвонил Сашка, мой напарник по смене ГБР,⁴⁷ чуть погодя он подъехал на нашей патрульной «пятерке».

Взяли по паре пива. День был по-весеннему теплый. Сашка — парень разговорчивый, и всегда его тянет на разговоры о смысле бытия.

— Слышь, Тоха, — терпеть не могу такого искажения моего имени, но Сашке разрешаю, — тут мужик тебя искал. Говорил, разговор серьезный имеется. Чего хотел, толком не сказал, но, может, снова в секьюрити позовет, а?

— Нет, исключено. В холуи больше не пойду. Хребет не гибкий.

Сашка скорчил неопределенную мину:

— Зато деньги хорошие, да и тачка всегда под рукой...

Я невольно представил, как мой напарник кадрит девчонок на нашей патрульной «пятерке», разрисованной символикой ЧОПа. Нет, BMW моего прошлого нанимателя для этих целей подходил больше. Сашка тем временем продолжал излагать свою теорию счастья:

⁴⁷ ГБР — группа быстрого реагирования; штатная единица отделов вневедомственной охраны и частных охранных предприятий, численностью от двух до четырех сотрудников.

— А чего? Меня вот возьми: года два еще в патруле поезжу, потом курсы телохранителей — и только ты меня и видел. Буду какого-нибудь банкира возить.

Я вспомнил одного знакомого по прошлому месту работы:

— На той неделе Смирнов Леша погиб. Клиента от пули заслонил. Одну нормально в бронежилет поймал, а вот вторую — прямо в лоб. Клиент верещит, его кровью да мозгами залило. А Лешке уже все равно. Жена с полугодовалым ребенком осталась. Страховки только на похороны и хватило. Клиент даже открытки не прислал, сразу же за границу смотался.

Сашка снова встрял:

— Так это ж часть работы...

Меня передернуло, как будто заболели все зубы сразу:

— Да, Саня, верно. Поэтому я и не хочу больше кадрить девчонок на хозяйской машине. Слишком накладно получается.

Сашка закусил удила:

— Да ну тебя, Тох! Живем лишь раз...

Я перебил напарника:

— А они, хозяйева то есть, во много раз дольше и красивее. И все за наш с тобой счет. Если уж рисковать жизнью, то не за оклад в тридцать тысяч и невыплаченную страховку.

Сашка поинтересовался:

— А за что? За Родину?! Так ты, вон, двенадцать лет оттрубил, и что сказала Родина? Выкинули без содержания.

— Остынь. Я не за содержание службу тянул. Мне нравилось в армии. Просто теперь там такие, как я, не нужны. Время не то. И никто меня не выкидывал, тут ты ошибаешься. Еще остались просили.

Сашка притих. Чуть помолчав, спросил:

— Тох, а чего в офицеры не прорвался, так и уволился?

Я улыбнулся, и Сашка замахал руками:

— Да ладно, ладно, я же так просто спросил, чего ты злишься?

— Я не злюсь. Просто был я в легендарном звании...

— Это в каком же?

— Старший прапорщик.

Напарник подался вперед, почуяв историю. Но я его обломал:

— А рисковать, дружище, вообще не стоит. Ладно, замнем. Так чего мужик-то хотел?

— Да не понял я. Вот телефон оставил, просил позвонить, как сможешь. — Сашка протянул мне визитку нашего агентства, на обороте которой был записан шестизначный номер...

...Уже минут тридцать не было слышно ни одной из групп преследователей. Волна уходила на северо-восток. Но скоро развернется и в западном направлении. Требовался привал. Но пока это было невозможно. Трофей, разобранный благодаря приблизительной схеме, нарисованной Одесситом, лежал в рюкзаке. Нагрузки прибавилось — штука была тяжелая.

Мое внимание привлек холмик удивительно правильной формы. Подошел ближе, стало очевидно — люк. Круглая крышка, напоминающая те, что есть в любом городе, где есть канализация. Это была удача: скорее всего, мне попался именно канализационный колодец или сервисный тоннель, ведущий в какое-нибудь здание. Но самое главное, что можно пройти скрытно еще некоторое время. Ход может вести куда угодно, однако есть шанс, что удастся пересидеть некоторое время под землей и к ночи выйти на поверхность, продолжив путь на военные склады. Люк давно не открывали, с трудом удалось его расшевелить. Пахло сыростью и запахом стоячей воды, железа теплоизоляции и чего-то еще. Если приходилось спускаться в подвал обычного дома, то сразу узнаете этот запах. Вниз вели скобы ступенек, ощутимо тронутые ржавчиной, но достаточно крепкие, чтобы выдержать мой вес. Бездумно лезть в колодец не стоило. Я планировал посмотреть, можно ли пройти и

как далеко. Иначе придется продолжить путь по поверхности: тоннели могут быть обрушены, вести в сторону зараженных территорий. Да мало ли еще что. Предстояло вновь довериться интуиции.

Спуск занял минут десять, вертикальная труба колодца уходила вниз на десять метров и заканчивалась небольшой площадкой два на два метра. На противоположной стене был вход в тоннель, тянувшийся метров на пятнадцать в северо-западном направлении, если верить компасу. Предположительно ход проложен под холмами. Значит, на Склады попасть возможно. Тоннель заканчивался железной дверью со штурвальной рукоятью запора. Справа от двери, на уровне пояса, располагался металлический короб распределительного щитка.

Ковырнув его ножом, я обнаружил два рубильника. Судя по схеме на дверце, правый отпирал дверь, а левый включал какой-то гидронасос. Перекинул скрипучий рубильник, в механизме двери что-то негромко загудело, штурвал шевельнулся. Провернув его против часовой стрелки, как было указано на полустертой надписи, отворил дверь, которая, как оказалась, вела в комнату с низкими сводами, где человек моего весьма среднего роста едва не касался потолка макушкой. Включилось аварийное освещение. Тусклый свет красных ламп в тяжелых решетчатых «стаканах». Комната имела выходы в два коридора, один из которых вел в юго-восточном направлении, что меня не устраивало. А второй, чуть изгибаясь, шел на северо-запад. Отлично!

Как я и предполагал, это был сервисный тоннель, а не канализационный коллектор. По стенам тянулись силовые кабели, а слева была проложена труба среднего диаметра. Пройти можно было только одному, да и то едва-едва. Следов людей или животных видно не было, что, впрочем, ничего не означало: пыль в такого рода помещениях образуется довольно быстро. Теперь следовало принять решение: идти по тоннелю или продолжать путь по поверхности. Обманывать себя не стоит — прочесывание продолжится, и при повторном осмотре мои следы непременно обнаружат. Конечно, можно уповать на то, что, не зная численности напавших на разведгруппу, одиночный след могут и не принять во внимание. Да нет, проверят, обязательно проверят. За неимением других зацепок потянут за эту ниточку и, сузив район поиска, окружают меня и попытаются взять живьем, а то и просто уничтожат, ввиду опасности непосредственного контакта.

У путешествия под землей тоже достаточно минусов: первый и самый существенный — это ограниченное маневренное пространство. Пойти можно только в двух направлениях. А в случае обнаружения противником верная смерть: не смогут взять, так просто похоронят. Кроме того, карты местных ходов у меня нет, а впереди может быть и обвал, и тупик, и... Однако, если не обнаружат, что я сюда забрел, то вполне можно просто отсидеться, пока первое рвение у вояк поутихнет. А потом выйти на поверхность и идти по своим делам. Заслоны, которые непременно выставят, если прочесывание ничего не даст, не сложно обойти. Все аргументы — в пользу подземного путешествия. Но нужно снова выйти на поверхность, как можно тщательнее уничтожить след, ведущий сюда, и оставить пару ложных направлений. Пусть поищут, все равно дел у служивых не так много.

Поднявшись по скобам наверх, я почувствовал некое беспокойство: что-то было не так. Нет, вокруг царил тишина. Сканер снова заработал и показывал, что на расстоянии до ста метров никого нет. Вояки шарили чуть северо-восточнее и столкнулись с чем-то или с кем-то, не желавшим уступать дорогу. Группа мотострелков просила поддержки у соседей, те обещали... Ага! Код 221. Значит, напоролись на псевдогиганта. Это странное существо, по размерам сопоставимое с быком-производителем, передвигается на двух лапах, напоминающих человеческие руки, только толще и больше раз в десять. На людей не нападает, если те не подойдут близко к его логову. Но в случае чего — караул. Шкура его выдерживает не прямое попадание пули из крупнокалиберного пулемета типа КПВТ,⁴⁸ пуля

⁴⁸ КПВТ — крупнокалиберный пулемет Владимирова «танковый». Устанавливается на БТР, бронированных разведывательно-дозорных машинах типа БРДМ-2 как основной пулемет.

же калибра 5,45 миллиметров или просто «пятерка», вообще ничего серьезного псевдогиганту не сделает. Все жизненно важные органы зверя надежно укрывают толстая шкура и мощный костяной панцирь. Единственное уязвимое место — глаза. Но зрение восстанавливается где-то через час. Можно закидать гранатами или расстрелять с бэтэра. Пеший человек может только убежать. Но тут есть маленький нюанс: псевдогигант тоже неплохо бежит и может генерировать психокинетическое поле, создавая в радиусе десяти метров от себя ударную волну, сопоставимую по силе с действием оборонительной гранаты. Это займет вояк на какое-то время.

Но смутило меня не это происшествие: заваруха произошла довольно далеко и не грозила мне обнаружением. Что-то изменилось в окружающем ландшафте. Я осмотрелся. Так и есть: с северо-запада приближалась поисковая тройка военных скаутов. Группа шла по тылам поисковой сети, что делало честь командиру: он мыслил как диверсант. Вот, наконец, и достойный противник. ПДА не подавал признаков движения, даже когда разведчики вошли в зону пеленгации. Еще раз браво, коллега: идешь в «молчанке», что неплохо, но может получиться и по-другому. Свои откроют огонь, потому как в такие моменты думать некогда — стрелять лучше первым. Не услышав опознавательного кода, преследуемые могут устроить группе встречу, тогда и помощь может опоздать. Да мало ли еще чего... Этим надо воспользоваться. Время подхода группы — двадцать минут, вполне успею.

Снова пришлось спускаться вниз, открывать дверь. Для любознательных разведчиков я придумал простую, но эффективную ловушку: оставшиеся у меня две гранаты я поместил на уровне полутора метров на противоположных стенах коридора. Причем «эфку» положил в электрощиток с замыкающими дверь рубильниками и добавил нашедшихся в комнатке гаек, примотав их скотчем к корпусу гранат, усилив тем самым поражающую силу. Взрыв разрушит рубильники и временно не даст преследователям открыть дверь, которую я заблокирую с противоположной стороны. Однако это лишь мера предосторожности: не факт, что трупы под землей в скором времени кто-то обнаружит. Теперь же я заклинил запирающий механизм изнутри какой-то железной трубой, которую можно будет без труда выбить позднее. Ранее, осматривая механизм, я выяснил, что если питание не подается, а замок открыт, то дверь закроется автоматически, так как электромагниты не будут удерживать массивные пружины упоров. Вбив трубу, я просто не дам двери захлопнуться раньше, чем нужно. А пока она просто будет плотно закрыта.

Поставив растяжку, я быстро поднялся на поверхность. Разведчики по-прежнему кружили метрах в ста двадцати, но по характеру их перемещений было видно, что сюда они точно скоро заглянут. Я выполз на поверхность и, оглядевшись еще раз, сделал небольшой крюк вправо от люка. Встал, вернулся назад и оставил четкий след к крышке колодца, по которому можно было определить, что некто шел со стороны лесопосадок и скрылся внутри. Затем я вернулся и залег в тридцати метрах от колодца, поджидая гостей. Обнаружение грозило мне затяжной перестрелкой, но я имел наготове альпинистскую «кошку» с точно отмеренным шнуром: в случае чего, отступить и скрыться в колодце труда бы не составило. Расчет строился на стандартных действиях поисково-разведывательной группы в подобных условиях. Обнаружив след, они осмотрят все вокруг в меру своей подозрительности. Оставят дозорного на поверхности, а сами ринутся внутрь, где их ждет сюрприз. На разведчиках БЗК СКАП-9, не самая лучшая модель, близкий взрыв в ограниченном пространстве должен их сильно расстроить. Почти до смерти. Мне останется только убрать часового и добить тех, кто внутри, потом замету следы и уйду по тоннелю. Надеюсь, что в нужном направлении.

Пошел мелкий дождик. Замерев, я стал слушать, что происходит вокруг. В засаде лучше всего уподобиться куску земли, на котором лежишь, или части здания, или болотной кочке... Часто бывало так, что противник пройдет практически по тебе, просто замереть и дышать через раз...

Все случилось именно так, как я и предполагал: двое бойцов начали спуск в колодец, третий остался на поверхности. Я осторожно стал заходить ему в тыл, передвигаясь в такт с движениями его головы и порывами ветра. Снять часового, одетого в БЗК, можно, только

если знаешь точно, где нет бронепластин на уязвимых местах. В СКАП-9 это шея, где между воротником бронежилета и шлемом только антирадиационное покрытие и термоизолирующая ткань.

Нож я держал обеими руками, решив провести один очень интересный удар. Убить ведь можно многими способами. Но в данном случае нужно было сделать все тихо и одним ударом. Этого можно достичь, если перерубить позвоночник. Я медленно вышел точно за спину дозорному, двигаясь одновременно с ним. Взгляд в такие моменты лучше не фокусировать ни на месте удара, ни на самой цели. Противник непременно обернется, люди в подобной обстановке очень чувствительны.

Удар был колющий, нанес я его сверху вниз под небольшим углом, чтобы точно попасть в стык между позвонками. Хруст костей и судорожный вздох, еле слышный сквозь маску, вот и все звуки, что нарушили симфонию дождя. Выдернув клинок, я переместился влево, держа упавшего в поле зрения. Затем приблизился, вытер нож о его одежду, осмотрел клинок: ни царапин, ни зазубрин. Время снова вернуло себе прежнюю динамику и потекло с обычной скоростью, не растягиваясь и не ускоряясь. Этот чисто субъективный феномен знаком любому, кто делал нечто опасное или кропотливое с жестким ограничением по регламенту.

Хорошо, что клинок себе оставил, сувенир пригождался все чаще и чаще... Выбор пал на нож не случайно: стрелять по хорошо защищенному бойцу из АПБ не стоило. Кто знает, пробьет пистолетная девятимиллиметровая пуля этот чудо-костюм или просто пощекочет? Может выйти очень громкая потасовка. Из автомата тоже нельзя: от «калаша» много шума. Сомнений в том, что пуля калибра 7,62 миллиметров проделает в защитном комбезе нужные мне отверстия, не было абсолютно. Но уж очень сильно не хотелось шуметь. Тем более что уязвимое место нашлось. Я обнаружил данный дефект комбеза, когда оттаскивал трупы первой группы разведчиков к «спирали», сделав зарубку на память. Пригодилось очень скоро... Конструкторов винить не стоит: в современных условиях редко кто пойдет врукопашную.

Земля ощутимо дрогнула: группа, ушедшая на разведку тоннеля, напоролась на мой гостинец. Пора было спускаться и проводить ревизию. Но для начала я осмотрел труп дозорного. Ничего интересного не было: вооружали вояк модернизированным недавно «калашом», что мне ничем не помогало из-за разницы в калибре оружия,годились только «мозги» его ПДА. Взял еще три «эргэдешки», предварительно осмотрев запалы на предмет секреток. Иногда встречал такое: настоящие запалы в кармашке отдельном, а на гранатах «мокрый» запал стоит. Дернешь за колечко, и в тот же миг «привет семье». Ничего лишнего вокруг не заметил, вроде сработал чисто. Сбросил труп в колодец, прибрал следы на поверхности и тихонько спустился вниз. У входа немного постоял, зажмурившись, чтобы глаза привыкли к темноте. Подумав, вынул кусочек сахара, положил под язык. Это старый, еще с давних времен, трюк разведчиков-пластунов: кто-то заметил, что после употребления сахара улучшается ночное зрение. Трюк и по сей день работает безотказно. Присев, аккуратно приоткрыл дверь в коридор. Лампочки полопались от взрыва, пахло смесью из сожженной взрывчатки, горелой изоляции, крови и экскрементов. Кому-то пришлось совсем кисло.

Свет из колодца не поступал: верхний люк был плотно прикрыт. Скрипа дверь не издала, осторожно я начал движение по коридору. Опасность состояла в том, что кто-нибудь из разведчиков мог очухаться и начать пальбу. Пули калибра 5,45-5,56 имеют неприятную привычку «гулять» в полете и давать сильный рикошет в помещениях. Можно погибнуть и от собственного выстрела, сделанного в противника, бывало и такое.

Я услышал шорох и глухой стон: есть живые, но похоже, что в единственном числе. Ловушка сработала, как и задумывалось: разведчиков побросало взрывами друг на друга. Тот, что лежал сверху, частично прикрыл от осколков другого бойца. Верхний, безусловно, был мертв. Второму тоже досталось: часть лица была просто сорвана, и в темноте розово-белым блестели кости черепа. Ни тот ни другой уже не представляли непосредственной

угрозы. Распрямившись, я вскинул автомат и выстрелом в голову добил противника. Потом проконтролировал второго, но, как выяснилось, зря — боец умер почти мгновенно, без мучений. Обыск тел ничего не дал. Я слил данные с их ПДА в свой и привел оружие в негодность. Забрал все гранаты, всего три штуки. На этот раз мне попало нечто новое: две РГО⁴⁹ и одна РГН,⁵⁰ надежные в условиях, где есть множество возвышенностей и замкнутых пространств, то есть в городе, а также в лесной и горной местности. С этими «гостинцами» нет нужды ждать, пока сработает замедлитель запала: даже если такая граната плюхнется в воду, взрыва не миновать. Очень удобная штука. Тела оттащил от двери, положил в ряд у противоположной стены. Не обижайтесь, ребята: был бой, и вы проиграли. Прощайте.

...Дверь открылась легко. Зайдя в комнатку, я выбил трубу, освободив стопоры запирающего механизма. Замок лязгнул, отгораживая меня от внешнего мира. Я забил трубу обратно, на случай если постараются восстановить энергопитание замка. Мой путь по подземелью начинался неплохо. Но следовало немного отдохнуть и разобраться с информацией из ПДА военных. Интерес представляли ориентировка по ситуации с инцидентом у «сковородки» и возможные направления поиска и задействованные в операции силы. Часть служебных файлов была защищена паролем с двойным запросом авторизации. Хитрая и довольно эффективная защита: с ПДА посылается код пользователя, с сервера узла связи приходит вторая часть ключа, и только после этого единовременный доступ к файлу разрешается. Но сведения по общей обстановке и вводная для поисковых групп были доступны.

Все оказалось еще лучше, чем я ожидал: уничтожение группы разведчиков штабные аналитики отнесли на счет команды, работавшей на сортировочном узле. Нападение одиночки не рассматривалось в принципе. Преследователей ориентировали на группу до восьми человек, вооруженных тяжелым оружием, идущую в сторону Радара. Предполагалось, что имеет место проникновение диверсионно-разведывательного подразделения сектантов с неизвестными целями и кругом задач. Был дан приказ никого живьем не брать. Ошибка на ошибке, граждане военные. Сектанты, может, и были, но сортировочный узел «работали» явно не они. Почерк не совпадал. Я делал ставку на «духов», уж больно складно вписывались нападение на стоянку «вольняг» и наше с селянкой приключение.

Закрыв ПДА, я сделал неполную разборку, обиходил «калаш», пистолет и чуть поправил оселком лезвие клинка НР. Снова припомнились события, предшествовавшие моей поездке сюда...

...Номер на визитке пришел от клиента, чей склад стройматериалов стоял у нас на охране. Я спас его, но чуть не сел за превышение необходимой обороны. Поступил вызов диспетчера — сработала тревожная кнопка на одном из объектов. Мы с Сашкой подъехали к обычному ангару, какие сдают под всякие оптовые склады. Дело прояснилось сразу: пара наркоманов перепутала аптечный склад со складом стройматериалов. А там как назло хозяин проводил инвентаризацию. Гонялись они друг за другом примерно минут тридцать, пока хозяин склада, некто Николай Николаевич Ладейников, не умудрился на бегу нажать тревожную кнопку. Мы появились вовремя: купец уже начал уставать, а торчок размахивал фомкой в то время, как его напарник целился в купца из газового пистолета, как позже выяснилось, переделанного под боевой. Думать было некогда: я достал служебную

⁴⁹ РГО — ручная граната оборонительная.

⁵⁰ РГН — ручная граната наступательная. Комплект новых гранат РГО-РГН разработан специально для военных действий в горной, горно-лесистой местности, а также для городского боя. Благодаря датчику цели эти гранаты срабатывают от удара при броске.

«хлопушку»⁵¹ и выстрелил торчку, который был с пистолетом, в плечо. Но тот, видимо, не почувствовал ничего, повернулся к нам с Сашкой и выстрелил в ответ. Получился своеобразный дуплет. Тут было не до церемоний, стрелял я в голову, а точнее в лоб, и, конечно, попал. Второй торчок не отступился и с криком, поменяв направление, ринулся в мою сторону. Сашка оказался на высоте, саданув резиновой пулей из дробовика, буквально сбившей с ног любителя медикаментов. Ник-Ник, ставший впоследствии звеном в причинно-следственной цепочке событий, приведших меня на Украину, был спасен.

Потом были долгие объяснения, ночь в «казенном доме», разговор с благодарным клиентом и подписка о невыезде. С наркоманом все утряслось. В чем, кстати, была немалая финансовая заслуга спасенного мной негодяя и его дружеские связи в нашем ГУВД. Купец долго тряс мне руку, подарил бутылку московской водки «Кристалл» и оставил визитку. Этот черно-синий кусочек картона я благополучно «посеял» через неделю. И вот клиент снова появился. Дел вроде никаких не намечалось, впереди было еще двое суток отгулов. И я набрал номер. Трубку взяли после второго гудка. Голос был ровный, спокойный, с чуть заметной покровительственной интонацией:

— Слушаю.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Это Антон Васильев. Вы меня искали?

— Здравствуй, Антон. Рад, что быстро отзвонился. Искал тебя. Есть деловое предложение. Подъезжай ко мне на точку. Ну, знаешь, на рынке «Строй-центр»?

— Найду. Буду у вас через полчаса.

Точно: в охрану звать будет. Предложение меня не интересовало, но провести время как-то все равно нужно было. Выслушать очередные посулы золотых гор иногда очень полезно для повышения настроения и личной самооценки. Кроме того, зная подобных Ник-Нику людей, можно с уверенностью утверждать: так просто он от меня не отстанет. Нужно провести беседу и расставить точки над «і». Езда и поиски павильона на рынке, расположенном в бывшем цеху закрытого завода металлоконструкций, заняли примерно две трети заявленного времени. Не торопясь, я вошел в просторный павильон, где за прилавком сидела скучающая тетка неопределенного возраста. Поздоровавшись, я сообщил, что у меня назначена встреча с Ник-Ником. Она молча указала на заднюю дверь, чуть левее конторки.

Ладейников сидел за столом и что-то писал в пухлый потрепанный ежедневник. Подняв глаза и увидев меня, он просиял дежурной улыбкой и указал на стул, что стоял напротив.

— Хорошо, что быстро приехал. Есть интересное предложение для тебя. — Я не мешал ему говорить. Отчасти из вежливости, отчасти из любопытства, что он предлагал. — Ты слышал про Чернобыль?

— Да. Взрыв атомной станции в 1986 году. Теперь там закрытая зона, все оцеплено. Объявлен карантин. Даже авиамаршруты идут в обход тамошнего неба. Слышал всякие сказки о мутантах, непонятных чудо-артефактах и всякое такое. Не знаю: может и правда, а может, и вранье.

Ник-Ник ухмыльнулся:

— Все правда. И про мутантов, и про артефакты. Ты вот что скажи: тогда на складе... — купец замялся. — Ты ведь не в первый раз человека убил? Да?

Всегда одно и то же: если я скажу, что нет, то следующий вопрос будет о количестве скальпов на поясе.

— Было дело.

— Я в связи с происшествием ознакомился с твоим личным делом. Многое непонятно. Там сказано, что ты артиллерист. Это как: из пушки стрелял, что ли?

— Было. Из гаубицы, установки залпового огня, минометы знаю неплохо.

Меня забавлял оборот, который принимала наша беседа. Но Ладейников не сдавался:

⁵¹ Имеется в виду пистолет ИЖ 71-100.

— Но там сказано, что ты по учетной специальности, — он заглянул в ежедневник: — «командир отдельного взвода разведки и охраны». Это как?

— Просто. Артиллеристы стреляют, а моя задача сделать так, чтобы им никто этого делать не мешал. Кроме того, если возникала необходимость, ходили по тылам и работали в качестве корректировщиков.

— А воевал?

Достал уже, пора укорот дать.

— Было, но я не имею желания об этом говорить.

Я начал подниматься со стула, чтобы уйти. Купец понял, что перегнул с вопросами, и поднял руку:

— погоди, Антон! Я же не просто так спросил. Уж больно спокойно ты себя вел, не трясло тебя, да и на допросе ты спокойно держался. А мне нужен именно такой человек. С опытом.

— Чтобы между нами, Николай Николаевич, не было недопонимания, сразу говорю: в бодигарды не пойду. Пройденный этап, не интересуется.

Ник-Ник даже развеселился:

— Нет, в охранники я тебя не зову, а вот компаньон на короткое время поездки в Зону мне очень нужен. Приедем туда, осмотришься. Захочешь — сразу назад поедешь. Но прежде посмотри сюда, — Ник-Ник что-то вывел на экран ноутбука, стоявшего чуть в сторонке, и развернул его ко мне фронтальной стороной. И я увидел снимки Зоны. Вот стоя псов сцепилась с раненым кабаном, вот тушканчики поедают какую-то падаль, вот псевдогигант идет куда-то по своим делам. Но главное — это небо. Серое, хмурое небо в свинцовых подушках облаков, и бескрайние просторы осеннего пейзажа. Что-то щелкнуло внутри. Как в редкие моменты, когда долго ищешь ответ, и, когда наконец находишь, происходит некое переосмысление. Изменяется все внутри, и вещи и люди поворачиваются к тебе совершенно иными, невидимыми до того момента гранями. Так было и теперь. Горло сдавил спазм, и я чуть хрипло спросил:

— Что я должен сделать?

Видимо, Ник-Ник не прочел волнения у меня на лице и продолжал говорить в просительной интонации:

— Да ничего особенного: проводишь меня через карантин и обратно можешь ехать. Заплачу хорошо...

— Я согласен, но...

Ник-Ник осекся и уставился на меня, как баран на вывеску мясной лавки. Я продолжил:

— ...Есть одно условие: хочу остаться там, в периметре карантинной зоны. Назад я с вами не возвращаюсь, а в уплату за услуги вы делаете мне бумаги, дающие мне легальный статус в Зоне, и помогаете со снаряжением. Денег мне не нужно. Только то, что я перечислил.

Такой поворот событий буквально опрокинул мировоззрение купца. Впрочем, быстро оправившись, он важно кивнул:

— Хорошо. Как пожелаешь. Странно только: все оттуда, а ты наоборот...

— Каждый ищет место по себе. Я думаю, мне там понравится. Даже уверен в этом.

Ник-Ник встал из-за стола и подвел итог:

— Договорились: ты провожаешь меня до Кордона, я делаю свои дела, а ты остаешься там. Я сведу тебя с человеком, который поможет тебе на первых порах. Его зовут Попович. Это и фамилия, и прозвище, и отчество. Все его только так и знают. Вы с ним сойдетесь.

— Хорошо, Николай Николаевич. Считайте, что мы договорились. Когда отправляемся?

— Через три дня. Хватит трех дней на сборы?

— Даже останется. Мне нужны сутки, не больше.

С тем я и вернулся назад. В конторе царил вселенский гвалт по поводу форс-мажорного увольнения, сестра встревожилась было, но успокоилась, когда я вместе с ключами от

квартиры оставил ей номер телефона Ник-Ника, как моего нового нанимателя. К моим отлучкам в семье привыкли...

Свет в комнате, каковая служила некогда чем-то вроде бытовки для обслуживающего персонала, исходил от двух красных аварийных ламп. В тоннелях вообще не горело ни единого огонька. Ноктовизор на старательском комбесе, устаревшей модели, давал тусклую, мерцающую и чуть замыленную картинку, бледно-зеленого цвета. Не ахти что, конечно, но в кромешной темноте лучше так, чем брести на ощупь.

По сведениям, имевшимся у меня, в таких тоннелях можно встретить несколько разновидностей мутантов. Во-первых, существа, которых местные старожилы называют «ягерами». Это полутораметровые карлики, по слухам имеющие развитую речь, носящие одежду в виде лохмотьев и накидок с капюшоном. Прекрасно видят в темноте и обладают способностью к телекинезу на расстоянии не более десятка метров. Людей избегают, но могут напасть, если сочтут, что момент подходящий. Могут отводить глаза преследователям, если убегают. Но не всегда успешно.

Другое опасное существо — это сопун. Видимо, получил свое название из-за пристрастия прикрывать морду чем-то вроде маски, иногда напяливает старые противогазы, которые находит в кучах радиоактивного мусора и на болотах, где предпочитает жить и кормится рыбой и всякой падалью. При дыхании издает звуки, напоминающие храп. На человека нападает охотно, может неделями преследовать жертву и почти никогда не отступает. Внешне сильно похож на человека, только передвигается на четвереньках и длинными прыжками. Ростом с обычного, среднерослого человека. Живет стаями, но не редко ходит и по одному.

Как ни странно, сеть тоннелей на карте военных не была обозначена. Я увидел зоны ответственности воинских частей, расписание патрулирования, схемы минных заграждений. Моя коллекция пополнилась дополнительным набором кодированных радиочастот. Но нигде не нашлось упоминания о данной системе тоннелей или месте, куда он ведет. Мой собственный маршрутизатор исправно отмечал все изгибы и повороты, но и только. Похоже, это был сервисный тоннель какого-то из местных предприятий и вел он в район военных складов, забирая чуть западнее шоссеиной дороги, ведущей туда.

Переходов на другие уровни не было. Так, без особых происшествий, я шел часа три. В подобных местах тишина совершенно особенная: глухая и вязкая, она как бы обволакивает и старается притупить внимание, ослабить волю. Правда, в свое время мне приходилось лазить по канализации и даже раз или два в ней повоевать. Замкнутого пространства я никогда не боялся: все эти страхи о погребенных заживо, привидениях и прочая чепуха меня никогда не волновали.

Коридор раздваивался, один рукав вел вниз, резко, под углом в сорок градусов, второй, сохраняя уровень по горизонту, шел на юго-восток. Похоже, ситуация усложнилась: ход, ведущий в сторону складов, не обязательно выведет снова наверх — возможно, там вообще тупик, а ход, ведущий назад, грозил потерей времени: может, он делал крюк и снова выводил на нужное направление, но не обязательно. И так, и так теряю время.

Я выбрал «подземный» вариант, как наиболее подходящий по направлению движения. Спустившись по металлической лестнице, я оказался в еще одном помещении, прямоугольной формы, пяти метров в длину. Трубы шли по юго-восточному рукаву, а здесь было нечто, напоминающее транспортный подъезд: комната заканчивалась пандусом, а проход расширялся до десяти метров в ширину и четырех в высоту. Нужно мне направление все еще сохранялось, я пошел вперед.

Запахло сыростью, потянуло сквозняком, что говорило о наличии вентиляции и сообщении с поверхностью. Пол был ровный, но бетон уже расслаивался под действием грунтовых вод, поэтому шорох шагов становился все отчетливее. Для того чтобы уменьшить слышимость, я старался идти неритмичным шагом, сбивая такт, чтобы звуки сливались с общим фоном как можно естественнее. Это меня и спасло. Я услышал сопение и возню за спиной. Отреагировал быстро, АПБ я не выпускал из рук, поэтому дал две серии по два

патрона на звук. Визг неприятно резанул по ушам: попал. Размытое в зеленоватом свете ноктовизора пятно резкими скачками двигалось в мою сторону. Сопун, и довольно крупный. Тело мутанта распласталось в прыжке. Я сделал шаг в сторону и, пропустив изворачивающееся в полете тело (у сопунa молниеносная реакция на изменения обстановки), выстрелил еще три раза. Все пули попали в правый бок и застряли в теле, лишь одна прошла навывлет и чиркнула по бетонной стене. Мутант взвыл, опустившись на четвереньки. Раны были серьезными, но регенерация у местной фауны просто потрясающая: кровь только еле-еле сочилась из рваных выходных отверстий. Надо было кончать этот цирк. Я выстрелил в голову, но сопун в последний момент резко ушел влево и увернулся! Патроны следовало беречь, но выходить с ножом против такого верткого существа — пустое дело. Использовать автомат тоже нельзя: гулкое эхо просто оглушит меня и, если сопун не один, поможет его сородичам подобраться ко мне со спины. Прижиматься к стене смысла не было, сопунy прекрасно бегают по невысоким стенам и потолкам до пяти метров высотой. Могут затаиться и упасть на жертву сверху. Но пока у меня были патроны к АПБ, шанс на победу сохранялся.

Мы возились в этом отрезке коридора уже, кажется, целую вечность. Сопун пару раз атаковал, но мне пока удавалось уворачиваться. Я столкнулся с таким противником впервые, но все же разгадал его манеру боя. То, что я засек его и ранил, поломало привычный шаблон засады, теперь мутант тянул время, ждал, когда раны затянутся, а я начну уставать. К счастью, ураганной регенерацией вроде той, что есть у кровохлеба, сопун не обладает. Для полного исцеления ему понадобятся дни, а может, и недели. Видимо, пуля, прошедшая навывлет, порвала связки на правой лапе мутанта: он двигался, заметно прихрамывая. Тем не менее зверюга ловко сбивала прицел и уворачивалась от серий одиночных выстрелов. патронов в магазине осталось двенадцать штук. Я перевел пистолет в режим автоматического огня. Увернуться от очереди сопун не сможет. Тщательно прицелившись и чуть поведя стволом, а затем резко сменив точку прицела, я дал очередь в пять выстрелов. Голова мутанта дернулась в попытке уйти с линии огня, но пуль было больше, чем обычно, и три последних вошли в левую глазницу, надбровную кость и в лоб. Мутант осел и упал навзничь. Я быстро сменил магазин и дослал патрон, резко сменив позицию. Но больше никого вокруг не было. Сопун охотился в одиночку.

Появление данного вида мутантов было плохим признаком: сопунy редко живут по отдельности, где-то в пределах пятидесяти метров у них есть гнездо, где, как правило, обитает от трех до пяти особей. Территорию они обходят регулярно, не брезгают и поеданием сородичей. Убитого мной дружка они найдут по специфическим пахучим меткам, которыми сопунy обозначают свою территорию. Наилучший вариант — это если они сожрут труп и не пойдут по моему следу. Но надеяться на лучшее — это буржуазный подход, паранойя меня часто выручает. Нужно как можно быстрее выйти на достаточное расстояние от предполагаемого логова. Если придется совсем туго, буду палить из «сто четвертого». Главное — сохранять темп.

Еще метров сто я прошагал спокойно. Но тревожное чувство и ноющее плечо говорили, что сопунy уже встали на след и скоро меня догонят. Позади, метрах в сорока, послышался хрипящий рык на три голоса. Вот и «долгожданные» гости.

Проблема заключалась в ограниченности пространства для маневрирования: коридор был прямой, без ответвлений. С одной стороны, это не давало возможности стае опередить или обойти меня. Но сопунy наверняка освоили местную вентиляцию, поэтому нападение могло произойти откуда угодно. Шли они быстро, дистанция между нами стремительно сокращалась. Снаряженных обойм к АПБ было всего три, включая ту, что уже находилась в пистолете. В РД лежала еще одна коробка на пятьдесят патронов, но времени на остановку не было. Принять бой все же придется. Оставалась слабая надежда, что стоя, выйдя за пределы своей территории, прекратит преследование. Однако этого не происходило. Судя по звукам, за мной гнались трое мутантов, и так просто они меня отпускать не собирались.

Надежда умерла, как только за очередным поворотом оказался тупик. Вернее, дверь

присутствовала, но была заперта на кодовый замок, чей красный светодиод злорадно светился в темноте. Приехали. Вот почему они погнались за мной: стоя уже не первый раз так добывала себе пищу. Возле двери и в углах тоннеля, распространяя гнилостные миазмы, лежала пища сопун: полностью разложившиеся тела, потерявшие свои естественные очертания. Сопуны не едят добычу сразу. Убив жертву, они тащат ее в подобные места и срыгивают едкую слизь, которая выполняет функции желудочного сока. Так добыча может томиться довольно долго, пока не размякнет и не станет пригодной в пищу. Вонь была специфическая: к запаху гниения примешивался кислый «аромат» слизи. Дверь вскрыть не удастся, даже если я попытаюсь ее подорвать с помощью точечных зарядов. Для подобных случаев триста грамм пластита лежало в контейнере в недрах РД. Получается, что придется принять бой здесь.

В подобной ситуации главное — выбрать позицию с наиболее широким сектором обстрела по фронту. Я решил подпустить стаю метров на пятьдесят и уже не мелочиться: достал автомат и приготовил одну наступательную гранату. Более мощную было бы использовать неразумно: слишком большой радиус разлета тяжелых осколков и рикошеты от бетонных стен тоннеля. Может и зацепить, так как укрытий поблизости не было никаких. АПБ можно оставить напоследок: магазин в автомате поменять мне не дадут, скорость атаки у мутантов довольно приличная.

Запах должен был сбить сопун с толку. Но прекрасное ночное зрение быстро вычленил меня на фоне груды разложившегося мяса. На все это нужно время. Секунды мне хватит, чтобы сделать первый ход. Мягко передернув затвор «калаша», я приготовился к бою. Сейчас будет весело. Жалко, что в темноте, к тому же под маской, никто не увидит моей «дружелюбной» улыбки. Впрочем, сопун не люди, мимику наших лиц читать не умеют.

Стоя показалась из-за поворота примерно через десять минут. Сопуны приближались длинными скачками, что-то бормоча друг другу. Меня они чуют перестали. Даже запах оружия, видимо, стал неразличим на фоне общего «благоухания».

Сорок метров... Стоя шла клином, чуть смещаясь к левой стене тоннеля, заходя на атаку по привычной схеме и рассчитывая, что, приблизившись вплотную, просто разорвет шустрю добычу, как и сотни раз до этого.

Тридцать метров... И я дал очередь в три выстрела по головному мутанту. Две тяжелые пули калибра 7,62 разворотили скрытую под тряпьем и обрывками противогАЗа морду сопун, а третья ушла в стену («семерка» имеет малый люфт в полете и практически не рикошетит от препятствий). Ритм атаки сбился: когда головной сопун кувыркнулся через голову и забился в конвульсиях, остальные двое, резко затормозив, встали вполборота, примерно в двадцати пяти метрах от моей позиции. Опустив автомат, я выдернул кольцо, кинул гранату и сразу рухнул ничком на загаженный пол тоннеля. Сказалось преимущество «горных» гранат — она взорвалась почти перед мордами растерявшихся мутантов, щелкнув корпусом по полу. Над головой засвистели осколки, ударная волна подняла ошметки гнилья.

Как только все стихло, я вскочил и дал длинную очередь от бедра в предполагаемом направлении атаки. Сквозь ватную тишину я расслышал рев сопун. Только одного. В размытом зеленом свете ноктовизора я увидел приятную картину: из двух оставшихся живых мутантов из игры выбыл один — взрывом ему разворотило морду так, что виднелся только обломок позвоночного столба. Второй получил серьезную порцию осколков, обе передние лапы были перебиты. Несмотря на это, сопун прыгнул, как только заметил меня. Очередь настигла его в прыжке, и патроны пошли из последнего десятка так как в него я всегда ставлю первыми тремя «трассеры», чтобы знать, когда нужно считать патроны. Тело мутанта рухнуло в двух шагах от меня. Не мешкая, я выпустил три патрона ему в череп. Стало совсем тихо, слышно даже, как где-то торопливо капает вода, спеша не пойми куда и зачем. Вроде отбился, сегодня поле за мной.

Однако оставалась проблема с проходом на Склады, дверь без кода открыть не получится. Осмотрев все еще раз, я окончательно в этом уверился: нужно искать обходной

путь, что задержит меня в этих катакомбах как минимум на десять часов. Не смертельно, но провизии и воды было впритык. Самым очевидным выходом из ситуации был поиск прохода, по которому сопуны выбирались на поверхность. Сквозняк в тоннеле есть, значит, имеется и выход наверх. Сопуны габаритами мало отличаются от человека, и если я найду выход, то в него, несомненно, пролезу.

Осмотрев тела мутантов на предмет признаков жизни и отрезав двум из них головы, я двинулся в обратном направлении, туда, где стая предположительно выходила в этот рукав коммуникаций. С первого взгляда ничего толком разглядеть было нельзя: бахрама плесени и белого мха покрывала стены.

Темнота осложняла поиски, но мох выдал сопунов: осматривая западную стен, недалеко от того места, где я завалил первого мутанта, обнаружился достаточно широкий пролом. В него я свободно мог пролезть боком, если бы снял РД. Из дыры сквозило, значит, имелись пустоты. Медленно, шаг за шагом, я преодолел метров тридцать, после чего спрыгнул с двухметровой высоты на пол просторного зала, где работали какие-то машины. Сильно не разбираюсь, но, похоже, это была насосная станция, самый нижний уровень. Приладив РД за спиной и снова вооружившись пистолетом, я приступил к осмотру машинного зала.

Ничего особенного: сопуны тут не задерживались и использовали это место как транзитный коридор. Продвигаясь по часовой стрелке вдоль левой стены, мне удалось обнаружить проход, дверь лежала неподалеку, сорванная с петель. Спустившись по трехпролетной лестнице, я оказался в точно такой же комнате, как и та, через которую я попал под землю. С той только разницей, что вместо солидной и надежной двери в стене зиял пролом два на два метра, откуда тянуло сыростью, а на полу было сантиметров на двадцать воды.

Помещение было разгромлено основательно. Задерживаться здесь смысла не было. Радиационный фон превышал норму, и я двинулся в сторону «стакана» колодца, чтобы выбраться из катакомб как можно быстрее. В коридоре горели две красные аварийные лампы, вода на пол лилась с полутораметровой высоты из разорванной трубы, чей конец выступал из стены. Пить эту водичку, конечно, не стоило. Пройдя по коридору в поисках лестницы, я обнаружил, что тоннель идет дальше в западном направлении. Лестница ведущая наверх, все же нашлась — обычная «пожарная» стремянка. Люка наверху не наблюдалось, видимо, через него сопуны и попадали в подземелье. Уровень воды выше двадцати сантиметров не поднимался, что означало наличие стока и наклона вниз где-то дальше по коридору.

Выбор был не так очевиден, на поверхности все еще было небезопасно. Вояки частым гребнем шарили по всем доступным им участкам Зоны, не считаясь с трудностями. С другой стороны, кроме сопунов могли встретиться еще какие-нибудь любители половить дичь в канализации. Люди тоже могли поставить пару-тройку сюрпризов в виде мин-ловушек, охраняющих чужие схроны. Заметить их в темноте, даже пользуясь ноктовизором, задача непростая. Я решил провести рекогносцировку на местности, «поставив» на поверхность. После двадцати часов, что я уже шарюсь по местным катакомбам, меня ищут, наверное, уже не так тщательно. Полезу внутрь и посмотрю, может, и понравится.

...Лесенка оказалась скрипучей и вдобавок шаталась. Струя тугого осеннего ветра встретила меня наверху. Было вновь раннее утро. Туман оставил землю в покое, и видимость была превосходная. Выкатившись из люка, я отполз на пять метров в сторону. Позади были холмы, а на западе, сквозь редкие промежутки лесопосадок, виднелось шоссе, ведущее на военные склады. Пахло свежей гарью. И это был не запах костра, пахло сгоревшим керосином и палеными крышками. Перейдя в полуприсед и расчехлив монокуляр, я осмотрелся по секторам. Точно: в направлении на северо-восток поднимался столб дыма. Сканер четко принимал сигнал бедствия на всех частотах. Авария. Вояки были поблизости, я вышел на ничейной территории, где постоянно сталкивались рейдеры кланов и разведывательно-поисковые группы военных. Зона свободного огня. Судя по отрисованным

пеленгам, к месту катастрофы двигались три группы. Рейдеры «сечевых», судя по отметкам — всего пятеро, шли со своей базы. Военные десантировались на юге и поспешали медленнее. Их, по меткам, было всего всего трое. Была еще одна неопознанная группа, количеством до шести участников. Эти никак не определялись, их было то ли шестеро, то ли семеро, поскольку один сигнал странно мерцал. Возможно, они принадлежат к партии особо нелюбимых мной наемников. Хорошего ждать не приходилось ни от одной из сторон. Если упала вертушка, а рубль за сто, что так и есть, всех интересует только груз. Если что-то можно спасти. Но самое интересное, что сначала претенденты померяются силами и лишь потом придут к месту крушения: волей судеб я оказался ближе всех и меня никто не обнаружил. Вопрос был в другом: а надо ли мне все это? Свой гешефт я уже сделал, осталось только отсидеться где-нибудь суток трое, и можно обратно, за костюмом и оружием. Что еще за народ разбился, неизвестно: но к вертолетам имели доступ только ученые и вояки, другие тянули грузы караванными тропами, лишь иногда балуясь автоперевозками.

В какой-то мере ученых мне было жаль чуть больше, чем военных, поэтому решительно обновив маскировку, снарядив полностью боекомплект к обоим стволам и переложив гранаты поудобнее, я двинулся в путь. Может, и напрасно: если даже вертолет упал одним куском, не факт, что есть выжившие, а маяк просто включился автоматически. Метки двух ближайших претендентов — наемников и «сечевых» — сошлись на расстоянии в семьдесят пять метров. Дистанция прямой видимости. С юго-запада слышались звуки перестрелки. Ухнул взрыв: кто-то пальнул из РПГ, группы вступили в бой. Пока минус два. Воякам тоже предстояло подключиться, их путь лежал через узкий проход, образованный радиоактивными горами и целой кучей аномалий не самого приятного свойства. Где-то через полчаса их обнаружат снайперы противостоящих групп старателей и потеха пойдет уже на три стороны. Вояки, само собой, запросят поддержку, но вряд ли это возможно: судя по переговорам на общем канале, надвигался Выброс, а в таких условиях машину в воздух никто поднимать не станет. Веселитесь, граждане, веселитесь. Я принял решение вмешаться в ситуацию с вертолетом, ведомый неким инстинктом, что это НЕОБХОДИМО сделать. Своим чувствам я привык доверять: пойду и посмотрю.

Вертушкой оказался гражданский Ми-8 с бортовым номером 044. Видимо, просто упал, как это бывает с вертолетами повсеместно в Зоне отчуждения. Надо отдать должное пилотам: машину они пытались посадить, но вертолет был чем-то серьезно нагружен, и при посадке взорвалась горючка, а следом за ней сдетонировало что-то из груза. Экипаж погиб мгновенно, остатки груза и людей раскидало в радиусе двадцати метров от остова машины. Мало того: затрещал мой датчик радиационного излучения: либо вертушка упала на радиоактивную плешь, либо груз был весьма и весьма «сияющим». Доза в эпицентре в сотни раз превышала допустимую, большинство людей было одето в оранжевые костюмы ученых типа ССП-99 «ЭКО». Такие костюмы хорошо подходят для исследований аномалий и «горячих зон», поскольку на девяносто процентов защищают от радиации и некоторых особо пакостных свойств аномалий вроде «огневки». Это увеличивает шансы людей остаться в живых, в случае если все исчерпывается только излучением и аномальными полями. Мутанты не боятся радиации, а большинство аномалий, смертельных для человека, мутантам — как щекотка. И стоя из шестнадцати псевдособов уже поволокла труп одного из погибших за невысокие холмы. Они не торопились, чуя, что люди либо мертвы, либо не могут сопротивляться.

Признаков жизни не подавал никто. Так мне показалось при беглом осмотре места крушения, пока один шустрый псевдособ не подошел к телу ученого с прикованным к левой руке чемоданчиком. «Труп», лежавший ничком, ожил и, выпростав левую руку с «Фортом», выпустил в мутанта три пули подряд. Все мимо. Я вскинул АПБ, расстояние было двадцать два метра по дальномеру, и успокоил собачку. Обе пули вошли в холку, пробив сердце твари. Заметив меня, ученый вытянул руку с пистолетом в моем направлении, но потерял сознание и снова зарылся носом в землю.

Ситуация осложнялась невозможностью подойти к телу. Такой фон убьет меня через

два часа максимум. Оставался единственный способ: вытащить на петле ученого из «горячей» зоны и переместить его в канализацию волоком. Остальные, видимо, в помощи уже не нуждались. Что заставило их вылететь во время, предшествующее Выбросу, для меня оставалось загадкой.

Все-таки придется идти под землей: с Выбросом шутки плохи, а пять метров грунта и железобетонных конструкций — это надежное прикрытие. С третьей попытки мне удалось зацепить ученого и затянуть аркан достаточно крепко. Псевдособы поедали трупы людей и своего сородича, не обращая на меня никакого внимания. Бой в отдалении не затихал, к «сечевым» подошло подкрепление, и они теснили наемников. Военные просто отступили, не выдержав давления превосходящих сил противника. Бой перешел в позиционную фазу, и к месту аварии победители выдвинутся еще примерно через сорок минут. Может, через час.

Не прикасаясь к телу, я волок его к колодцу. Преследования я сильно не опасался: на месте крушения следопыты обнаружат кучу следов стаи, и к тому же место, откуда я вылез, скорее всего известно местным старожилам как логово сопунув, слизь которых все еще местами отслаивалась с моего комбеза. Вот и колодец! Плунув на фон, я обвязал ученого под мышками и начал осторожно, сглаживая веревку, опускать его в колодец. Потом спустился сам. Дозиметр буквально захлебывался, костюм ученого сильно «светился». Я подтащил бесчувственное тело к прорыву в трубе так, чтобы вода лилась на маковку его шлема, а сам отошел в сторону, нужно было подождать, когда проточная вода смоет радиоактивную пыль. Я сменил перчатки, которых захватил три пары, и присел на кусок стекловаты, предусмотрительно прихваченный из разгромленной подсобки. Треск счетчика сменился пощелкиванием, а через двадцать минут все вернулось к обычным показателям.

Однако я никак не мог решить, что же делать со спасенным: просто так бросить его тут невозможно, взять с собой — тем более. Убивать его мне тоже не хотелось. Я склонялся к промежуточному варианту: поделиться с парнем единственным саморазогревающимся сухпаем и водой и продолжить путь в одиночку. Главное — оставить о себе как можно меньше информации. Кто его знает, кому он будет докладывать о своем спасении? Лишняя популярность мне без надобности.

Парень зашевелился, чуть привстал на локтях, пытаясь подняться, но тут же упал на пятую точку, подняв мутную волну воды. В его чемодане было что-то тяжелое, но отстегивать его я не стал, кейс болтался, как был, пристегнутый к запястью левой руки ученого.

Я поднялся и подошел метров на пять, чтобы не быть видимым выше уровня груди. Нужно было поговорить.

— Не трепыхайся. Все нормально: ты жив, мне твоего ничего не надо. Оклемаешься, и иди себе куда шел. — Говорил я спокойным тоном, не подразумевающим ничего, кроме простой вежливости. — Кивни, если понял, или горшок свой скинь, словами объяснять сподручней. Только из-под струи выну тебя, а то загнешься от водички местной.

Я протянул руку, предлагая свою помощь, но парень поднялся сам и разомкнул защелки на ошейнике шлема. Это была женщина, примерно моих лет, то есть тридцати с хвостиком, очень даже симпатичная, если принять во внимание обстоятельства. Лицо чуть вытянутое, но не «лошадиное», прямой, чуть вздернутый нос, красиво очерченная линия высоких скул. Высокий лоб, красивый изгиб бровей, прямые каштановые волосы и ясные синие глаза. На первый взгляд — типичная стерва. С ней будут проблемы. Отдышавшись, она выпалила одним духом:

— Я — Марина Бондаренко, старший научный сотрудник лаборатории X-23. Доставьте меня на ближайший военный блокпост, а иначе вы будете отвечать за похищение секретоносителя и ядерных материалов.

О, как оно: «секретоноситель». Очень сильно захотелось дать старшему научному сотруднику оплеуху. Вот брякнет что-нибудь еще в том же духе, и сдерживаться не стану.

— Не пойдет, Марина Бондаренко. Для начала — ближайший блокпост отсюда, — я вынул ПДА и сверил направление по карте, — в пятидесяти километрах на юго-запад, и идти

туда придется через очень опасные места. Хочешь — иди, не держу. Далее: я тебя из радиоактивной «вертушки» вынул, твоих коллег сейчас псевдособы доедают. А чуть позже туда подтянутся рейдеры «Січи» и наемники, перехватившие сигнал бедствия. Станут собирать все, что найдут. А если найдут тебя, то, вероятнее всего, сначала «поставят на хор»,⁵² потом по ситуации. Может, тебе повезет и грохнут тут же. Но могут и в «бычки» определить, а в свободное от основной работы время будут тебя любить все вместе и поочередно.

Женщина закусила губу, но не кинулась на меня. Умная, она просчитывала варианты, и все сходилось на верности моего прогноза ее дальнейшего будущего. Она зашла с другой стороны:

— Если вы доставите меня к блокпосту, я поговорю с начальством о вознаграждении. Я ценный сотрудник, за меня много дадут...

Я рассмеялся, уж больно развеселила меня эта эмансипе, а смех у меня ничуть не приятнее улыбки. Она отшатнулась, ища, куда бы убежать. Я успокаивающе поднял руку (не трону, мол) и продолжил вразумлять госпожу Бондаренко:

— Девушка, милая, вы не понимаете одной вещи: деньги, а тем более слава в узких кругах украинских военных — не мечта моего детства. И здесь нет предмета для обсуждений. В нашем с вами случае возможен только один приемлемый вариант развития событий. Все будет вот как: вы посидите тут еще около десяти часов, пока не схлынет аншлаг на месте аварии вашей «птички». Потом вызываете по экстренному каналу помощь. Только не вопите на общей частоте: для подобных случаев у вас должен быть экстренный закрытый канал связи. — Я вопросительно взглянул на Марину. — Он есть? — Последовал утвердительный кивок, женщина успокоилась, и ей стали очевидны некоторые нюансы ее положения. — Итак, вы спокойно ждете помощи. Они прилетят или сообщат ближайшей группе поисковиков. Тут безопасно, сопунов я перебил, а мародеры об этом не знают. Я оставлю вам провизию и немного воды, а сам пойду по своим делам. Так нормально?

Она задумалась и кивнула. Я разделил амеровский рацион, оставив себе лишь еще один такой же и банку тушеной свинины с гречкой. Нацедил во флягу Марины немного воды. Достал ее «Форт», выщелкнул магазин, вынул патрон из патронника, вернул его на место в магазин. Показал ей:

— Я положу его на трубу через десять метров. И еще через десять положу магазин. Подберешь через полчаса после того, как я уйду. Придешь туда раньше — пристрелю. Услышу, как палишь по мне — тоже пристрелю. Это понятно?

Она кивнула. И поинтересовалась:

— А ты... Вы кто?

— Прохожий. Шел мимо и решил помочь. Не заставляй меня жалеть об этом: скажешь своим, что сама сюда приползла. Будет меньше проблем как у тебя, так и у меня. Прощай. Надеюсь, доберешься до своих. Мне пора.

Я проверил амуницию и пошел дальше по тоннелю на запад. Размышляя над ситуацией, я все больше убеждался, что решение принял оптимальное: впереди меня ждала нелегкая дорога. Судя по карте, я выйду на поверхность на стыке зон влияния трех конкурирующих группировок: «Альфы», «Січи» и «Обелиска». Все три клана враждебно настроены друг к другу, и наверняка их рейдеры периодически сталкиваются на том узком клочке земли, что отделял меня от заброшенного города. Выбор был невелик: или в город, или сквозь Ржавый лес. Везде есть свои прелести, но у города одно неоспоримое преимущество: там нет сфинксов. Эти звери не переносят города и водятся либо на пустошах, либо в лесу.

Через час я почувствовал тошноту, и перед глазами поплыли красные круги. Значит, ученые не соврали: Выброс начнется через сутки или раньше. Нужно передохнуть. Я нашел

⁵² «Поставить на хор» — жаргонизм, означает групповое изнасилование.

нишу, где было сухо и относительно просторно. Расстелил коврик, привалился к стене. Есть не хотелось, но я заставил себя сгрызть сухарь и запил его двумя долгими глотками воды. Вода была солоновато-горькая, это из-за экстракта лимонной цедры и щепотки морской соли. Мой фирменный коктейль: придает сил и утоляет жажду. Подсоленная вода прекрасно восполняет запас минералов в организме, что позволяет сократить количество потребляемой жидкости в рейде. Горечь подействовала, и проснулся аппетит. Разогрев консервы на таблетке сухого топлива, я поел. Приятная тяжесть от сытной еды способствовала принятию решения вздремнуть часа полтора. Что я с удовольствием и сделал.

Внезапно ощущение чужого присутствия заставило крепко сжать рукоять пистолета и сместиться в сторону от источника движения. Кто-то сидел рядом. Человек или зверь не мог подобраться ко мне так близко, или я уже совсем потерял квалификацию? Знакомый голос все прояснил:

— Только палить по мне снова не надо.

Рэд Шахов, собственной персоной. Сидел, привалившись к стене напротив, положив АКСУ рядом на пол, и демонстрировал самые мирные в отношении меня намерения. — Не ожидал, что спасешь девчонку. Что заставило? Шел бы мимо.

— На нее напали бандиты, и я...

Шахов рассмеялся, отрицательно помотал головой:

— Не. Я про барышню с чемоданом на цепочке. С дочерью Лесника все понятно.

— Не знаю, Рэд. Просто спас, и все.

— А она ведь хотела тебя пристрелить.

— Вот дадут тебе по башке так, как ей, посмотрю, кого ты захочешь грохнуть. Контузия — вещь пакостная. Потом все пришло в норму.

Шахов снова улыбнулся. В отличие от меня, Черный Старатель умел это делать обаятельно и не страшно.

— А она идет за тобой, и метров через сорок будет тут. Ей страшно, помоги ей. — Чувства беспомощности и досады возникли у меня одновременно. Дура. Что теперь делать? С таким балластом я точно не оторвусь от погони, и ее не вытащу, это к гадалке не ходить. — Знаю, будет непросто. Но важно, чтобы она дошла до своих.

— Воякам будем помогать?

Рэд отрицательно покачал головой, чувствовалось, что уговаривать призрак не привык:

— Пока в нашем уравнении слишком много неизвестных. Но помочь доктору Бондаренко необходимо. Хотя потом, может, придется и воевать по разные стороны...

— Эй, кукловод! — Меня наконец проняло. — Я в вашей игре не участник. Наигрался там, за колючкой. Сюда пришел не за этим.

— А зачем?

— Сам не знаю, не решил еще... Но пока ни разу о содеянном не пожалел.

— Тогда другой вопрос: как долго ты планируешь оставаться у нас?

Видно было, что это вопрос с подвохом, и я уже знал ответ. Ладно.

— Твоя взяла, земляк. Но шансов практически нет. Ты не хуже моего знаешь, что ждет меня на поверхности. Я и один-то может не пройду, а с девкой, да еще с такой вздорной... Повести поведу, но нас прищучат, не те, так другие. Вояки имеют в этот район весьма ограниченный доступ. Клань их не пропустят, они на короткое время даже могут объединиться против вояк.

Шахов поднялся и закинул автомат на плечо:

— Думай, Антон. Я знаю, у тебя есть шанс. Ты его уже просчитал, только еще не оформил как план операции. Действуй и не сомневайся. Ты же всегда делаешь только так, верно? Удачи, земляк. Мы надеемся, что у тебя все получится. Да! Совсем забыл, — Шахов хлопнул себя ладонью по лбу, — не ходи в Мертвый город. Скрыться там у тебя не выйдет, военные наняли группу наемников из отряда Феликса Голландца, они ждут тебя там. Иди на Малый Кордон, к Леснику. Он укроет.

— Не сходится: вояки не знают, что это я завалил их разведгруппу на «сковородке».

Поиск ориентирован на группу из шести-восьми человек. Я не засветился.

— Верно, но после того, как исчезли двое оперативников СБУ, пришедших устанавливать прослушку у тебя в комнате, местная «бэспека»⁵³ дала твои установочные данные наемникам. Есть у них прикормленные группы старателей. Им дают команду, если надо кого найти. Правда, они тебя потеряли недалеко от старого КПП. Пропал бесследно их лучший следопыт. — Шахов как-то странно глянул на меня. — Как в небо улетел. Не знаешь, как это у него получилось?

— Я тоже только следы видел. Понятия не имею, как это у него вышло, но это не моя работа, точно.

Рэд усмехнулся и продолжил:

— Короче, рыскали они, рыскали по Свалке, пока военные вдруг не начали кого-то усиленно разыскивать. — Он хохотнул, от чего температура вокруг упала на пару градусов. — Пострелялись с вояками, те оттеснили группу Клея в сторону Мертвого города и там потеряли. Короче, сидит он там сейчас и стережет все подходы с севера и северо-запада. Не ходи туда. Один ты их не одолеешь, да и Выброс скоро... Как поступить, решай сам. Прощевай покуда.

И снова растаял в темноте. Мои акции поднимались. Феликс Клей, или, по радиопозывному, просто «Голландец». Это имя мне приходилось слышать по местным новостям. Опытный наемник, главарь банды охотников за головами. То ли финн, то ли норвежец. Служил в британских SAS. Был в Афганистане, теперь перебрался сюда. Сколотил шайку из таких же, как он сам, «спецов» и жестко поставил себя на рынке особо «добрых» услуг: убить, взорвать, украсть. Если бы не балласт в виде девицы, с удовольствием свел бы знакомство с наймитом и его парнями. Тактику британских командос я знаю неплохо, а вот померяться силами никогда не доводилось. Эх, блин, засада же! Может, все-таки вывернусь с девкой и удастся поближе познакомиться с профи? Нет, пока не судьба.

Я вызвал на экран ПДА карту спорных территорий. Если тоннель идет прямо или с небольшими отклонениями на северо-запад, то настырную девку можно пристроить в руки патруля «альфовцев». Для принятия такого решения у меня было несколько причин. Первая — это тот факт, что «Альфа» проводит вменяемую политику по отношению к одиночкам вроде меня. Помогать не станут, но и мешать скорее всего не будут. Ученую барышню они точно препроводят к своему командиру, бывшему полковнику Самойлову. Старый бессменный лидер группировки, Петренко, был убит при невыясненных обстоятельствах около полугода тому назад. Потом, естественно, передадут военным. Самое главное, что ей ничего не будет угрожать. Доверия к «Вольной Січі» у меня не было: под красивыми лозунгами крылся целый ворох противоречий: девушку могли отпустить, могли обменять на что-нибудь или использовать как-то иначе. Данная группировка была аморфна по своей структуре, и действия ее лидеров были малопредсказуемы. Кроме того, в этой мутной компании наверняка раскинули сети всевозможные спецслужбы, что тоже не продлевало жизни девушке с непростым чемоданом. Наемников, естественно, в расчет я вообще не принимал. Решено, так и поступим. Главное, чтобы меня самого не захватили. Придумаем по ходу дела: импровизация — это иногда самый лучший план.

Послышалось хлюпанье воды, и вдали проглянуло оранжевое пятно ОЗК⁵⁴ госпожи Бондаренко. Девушка шла осторожно, помня о моем предупреждении. Пистолет, слава богу, убрала в кобуру на пояс, случись что, так быстро его оттуда не достанешь. Я сидел в полной

⁵³ «Бэспека» — жаргонизм, образован от украинского слова, означающего «безопасность». Здесь упомянут как аналог русского «кагэбэшник».

⁵⁴ ОЗК — общевойсковой защитный костюм. Фактически ЭКО только номинально защищает от пуль и осколков и предназначен для мирных исследований. Поэтому к нему применен данный термин.

темноте, и Марина меня не заметила, прошла мимо. Идти следом было небезопасно: с испугу она может начать пальбу, а девятимиллиметровые пули славно рикошетят от стен. Пришлось окликнуть.

— Говорил тебе: не ходи за мной. А ну, руки вверх! — Замерев на месте, Марина подняла руки и лишь потом, осознав произошедшее, попыталась бежать. Я предвидел этот момент, в два прыжка догнал ее и толкнул в бок. Плюхнувшись на пятую точку, она начала ругаться, причем очень изобретательно.

— Ты... Вы... Я!..

— Спокойно, не шуми. Раз уж догнала, слушай, как оно будет дальше. Первое: идем до конца тоннеля, останавливаемся редко. Делаешь только то, что я скажу. Это буквально надо понимать. Второе: как выйдем, находим старателей из «Альфы», и дальше ты идешь с ними. Думаю, что через двое суток ты будешь у своих. Другого предложения не будет.

Она немного успокоилась. Но смысл моих слов до нее до конца не дошел: не оставляя попыток то запугать меня, то подкупить, девушка гнула свою линию: если я помогу ей добраться до военных, то либо получу кучу денег, либо (это когда пугала) меня выведут за околицу и расстреляют как нарушителя режима особого района. Я слушал, пока не вышло время, которое я отпустил себе на отдых, и дурнота, предвестница Выброса, не отступила до терпимого предела. После этого я поднялся, молча скатал коврик, уложил припасы, занес данные о маршруте в ПДА и, отодвинув Марину, пошел вперед. Если человек не хочет быть живым, то это его проблемы. Я не герой, пусть идет одна. Пропадет, конечно, но не тащить же ее волоком к спасению?

Не успел я сделать и пяти шагов, как услышал нарочито хлюпающие шаги за спиной. Мне давали понять, что тоннель общий и некоторые особо умные барышни тоже идут по своим делам эдаким прогулочным шагом. Убить девчонку захотелось еще сильнее. Сопунов, конечно, я извел, но вот всех ли? Может, кто-то еще живет тут неподалеку.

Остановившись, я сделал приглашающий жест рукой — иди, мол, куда хочешь. Марина прошествовала вперед и остановилась, не пройдя и десятка метров. Дошло наконец. Повернувшись и пулей подлетев ко мне, она затараторила:

— Ладно, прохожий. Я пойду с тобой, но...

— Э, нет, одолжений мне не надо! Или идешь без «но», или своим ходом вали куда хочешь.

Выпустив воздух сквозь зубы, Марина кивнула в знак согласия.

— Вот и договорились. Теперь слушай: вот веревка, привяжи ее к карабину на поясе. Места здесь заповедные: если ухватит кто, есть шанс, что я успею вытянуть. Идем медленно, ноги поднимай повыше, чтобы всплеск был небольшой, шаг делай короткий, ставь ступню с носка на пятку. Иди со мной синхронно, чтобы звуки сливались в один. Не разговаривай и дыши носом. Закуришь — убью...

— А с чего это ты решил, что я курю?

М-да. Наивность в концентрированном виде.

— Зачем телепатия, коли глаза на месте. — Я указал на расстегнутый клапан ее ОЗК, откуда едва не вываливалась пачка дамских сигарет «More». — Неизвестно, что за газ тут скапливается, да и нюх на табак что у зверья, что у людей почти одинаково хорош. Не кури. Опасно.

Марина кивнула и плотно закрыла клапан комбеза. Мы двинулись в путь. Уровень воды не становился выше, течение по-прежнему несло мутный поток куда-то вдаль. Притихшая девушка безропотно шла позади, время от времени сбиваясь с шага и нарушая общий ритм движения. Я не сказал ей самого главного: ритм в таком походе нужен именно для новичков, не привыкших к длительным переходам. Так я сэкономил и свои, и ее силы. Кроме того, ходьба затягивает, в какой-то момент перестаешь ощущать, что идешь сам. Тело как бы существует отдельно, и есть время подумать о своем. Главное — не уснуть на ходу. Для этого я и обвязал девушку веревкой: подергивая, я не давал ей сильно отвлекаться, заставлял смотреть по сторонам и под ноги. Но первый привал все равно был для нее

трудным испытанием. Гудящие с непривычки ноги, последствия легкой контузии и общее стрессовое состояние дали о себе знать. Плюс — на многих закрытое пространство действует угнетающе. Кто-то боится чертей, кто-то темноты. Я всегда относился к подобным местам равнодушно: мне все равно, где идти, на земле или под землей. Главное, чтобы дорога была безопасной и вела в нужном направлении. С трудом я заставил Марину подняться. Дал ей таблетку аскорбиновой кислоты. Взяла и разгрызла без возражений. Может, я и не прав, дойдем? Если не взбрыкнет.

Тоннель плавно повернул на северо-запад. Проход расширился, и через десять часов мы подошли к развилке. Один рукав оказался тупиком, где ветвились трубы непонятного назначения, и пролезть там не было никакой возможности. Другой расширялся, превращаясь в широкую, метров шесть, дорогу. Этот рукав вел строго на запад, был совершенно сухой и шел с отрицательным уклоном вверх, примерно градусов на двадцать. Это означало, что скоро мы выйдем в галерею непосредственно под поверхностью. А там и выход, да, думаю, и не один.

Чувство удовлетворения, вызванное относительно спокойным отрезком пути, вдруг куда-то испарилось. Что-то было не так. Потянув веревку, вынудил Марину подойти ко мне вплотную и тихо приказал, чтобы достала свою «железку». Девушка мгновенно подчинилась, неумело стиснула оружие в ладонях. Нужно было прояснить ситуацию, для тех, кто не в танке.

— Марина, тут такое дело: я пойду вперед, разведу дорогу, а ты присядь у стены. Прижмись к ней спиной и слушай. Если какой шорох будет повторяться и приблизится к тебе — стреляй туда и откатывайся в сторону. Патроны зря не жги, это на крайний случай. Я через десять минут вернусь. Фонариком три раза мигну, смотри, в меня не стрельни. Поняла?

— Я с тобой пойду.

Трусишка, а не секретоносите́ль. Понять можно, но сейчас это мешает.

— Нет. Один пойду, ты шумишь, как целый теленок. Ну, а в случае, ежели стрельбу услышишь — возвращайся назад и делай, как в первый раз тебе советовал. Шанс выжить есть, и совершенно реальный. А может, и обойдется все. Время дорого. — Девушка всхлипнула, шмыгнув носом. — Сиди тут, я сказал!

Помогло: барышня затихла и присела на корточки спиной к стене, держа пистолет стволом вверх. Я начал осторожно продвигаться вперед, пытаюсь определить, что же стало причиной беспокойства, буквально пропитавшего воздух тоннеля... Стоп! ВОЗДУХ. А точнее — ЗАПАХ! До боли знакомый, сладковато-тошнотворный запах трупного разложения. Подсознательно я уже чувствовал, но до ума дошло только теперь: где-то впереди не менее одного трупа как максимум недельной давности. И шанс на то, что он сам заполз под землю и тут издох, почти нулевой. На сопун не похоже: кисловатого мускусного запаха к гниению не примешивалось. Зато тянуло прогоревшим костром, невымытыми лет сто человеческими телами и... оружейной смазкой. И чуть-чуть пороховой гарью. Примерно в ста метрах прямо по коридору. И это не транзитные пассажиры, общий фон устоявшийся, что бывает, даже когда есть вентиляция.

Выверяя каждый шаг, я пошел вперед. Коридор заканчивался однопролетной лестницей, ведущей на последний подземный уровень. Приблизившись, я чуть было не напоролся на растяжку. Поставлена неумело, но неопытный путешественник вроде моей спутницы непременно бы зацепил. Не став тревожить, просто перешагнул и в полуприседе пошел наверх. Небольшая, два на четыре метра, комната без дверей, затем коридор и еще пять комнат с содранными с петель дверями. Груды мусора и отходов говорили о постоянном присутствии как минимум пяти человек. Из пятой от конца коридора комнаты был виден свет костра, слышались негромкие разговоры и чавканье. Народ кушал и запивал еду чем-то алкогольным, довольно мерзким по запаху.

Больше растяжек я не обнаружил. Хозяева не позаботились выставить часовых, возложив охранные функции целиком на технику в лице одинокой гранаты Ф-1, которую я миновал. Понять их было можно: сопуну сюда не ходили, другое зверье, видимо, тоже не

беспокоило. Осторожно ступая, я все-таки задел некий предмет, похожий на палку. Берцовая кость, судя по размерам — человеческая. Со следами зубов и расколота: кто-то высасывал костный мозг. Людоеды.

На Кордоне мне приходилось слышать рассказы о «неправильных» старателях, живущих в канализации и питающихся человеческой. Говорили, что это те, кто, попав под Выброс или побывав марионеткой контролера, сошли с ума. Но не так, чтобы пускать слюни и гадить под себя, читая детские стишки. Ничуть не бывало. Сбиваясь в группы, они уходили вглубь ничейных территорий и промышляли тем, что ловили разных бедолаг и готовили их, так сказать, со специями. При этом они приобретали некие способности типа питья радиоактивной воды и редкий дар убирать аномалии. Например, «спираль» или «прыг-скок» такие душегубы могли свернуть усилием воли. Ели они только человеческую, в основном отваривая ее и жаря на открытом огне. Жили в канализации, промышляли круглые сутки. Некоторые неплохо стреляли и баловались радиоперехватом, вполне могли устроить ловушку вроде той, что встретила меня. Нужно было возвращаться к Марине. Если нервы возьмут верх, она вполне может заявиться сюда и зацепить растяжку.

Девушка сидела в том же положении, беспокойно озираясь и помахивая пистолетом. Мигнув три раза фонариком, я обозначил свое присутствие. Слабо улыбнувшись, она уронила пистолет на землю. Нервы. Начал с хороших новостей:

— Выход на последний горизонт коммуникаций должен быть недалеко.

Подняв пистолет, Марина вложила его в кобуру и шагнула в сторону предполагаемого пути на поверхность.

— Отлично. Выйдем на поверхность, свяжемся с...

Протянув руку и ухватив девушку за поясной ремень, я мягко заставил ее сесть.

— Не так быстро. Путь нам преградили очень нехорошие люди. И если мы попытаемся пройти мимо них, нас, скорее всего, пригласят на обед. Меня как первое блюдо, ну а тебя подадут на десерт. Уговаривать их я пойду один, ты подождешь меня у лестницы. Если не справлюсь, делай так, как договаривались. За мной не ходи. — Известие о каннибалах вывело девушку из равновесия, и она попыталась впасть в истерику; когда я легонько шлепнул ее по щеке, она попыталась дать сдачи, но я поймал ее руку, чуть взяв на излом. — Не надо кричать и брыкаться. Услышат и придут. Тебя сразу завалят, я, чуть погодя, но тоже лягу. Молчи и делай, как говорю. Будешь? — Марина кивнула. Я выпустил ее руку.

— Ты гад, гад!.. — прошипела она, потирая запястье.

— И еще какой. Ни манер, ни воспитания. Терпи пока. Если не будешь брыкаться, скоро попадешь в приличное общество и забудешь все как страшный сон. Пошли. Только тихо, как учил. Дойдем до лестницы — сядь справа и затихни. Закончу — позову. Без приказа ни шагу.

Обратная дорога заняла чуть больше времени. Когда девушка заняла указанную позицию, я скинул РД и автомат и крадучись отправился на встречу с людоедами. Я знал, что мясоеды разжигают костер, потому что видят в темноте не очень хорошо. По опыту общения с одним моим приятелем, следователем прокуратуры, мне была известна одна особенность любителей человеческой. Приятель утверждал, что людоеды очень тонко чувствуют запах живой добычи. Я извальялся в куче мусора, скопившегося в углу комнаты. Так делают волки, чтобы отбить свой специфический запах. Благодаря этому дичь обнаруживает хищника лишь в момент броска, так как недолгое время волк пахнет абсолютно неопасной тухлятиной.

Прислушиваясь к бормотанию людоедов, я подобрался ко входу в комнату, где банда устроила себе нечто вроде лагеря. Большое помещение, видимо, было когда-то складом и имело форму пенала. У входа никого не было, и отблески костра не попадали в довольно большое пространство тени, давая мне возможность приблизиться к костру на близкое расстояние.

Пир был в самом разгаре: всюду валялись кости, а в углу кучкой лежала требуха. Смутил меня только запах пороховой гари. Если каннибалы завалили кого-то в непосредственной близости от логова, то у пиршества могут быть неожиданные последствия.

Скоро, правда, я понял, что ошибся. В левом дальнем от выхода углу был распят человек. Руки его были прикованы к стене чем-то вроде кандалных «браслетов». Парня сильно избили и прострелили ему обе руки в районе плечевых суставов. Голова свесилась на грудь, а внизу натекла лужица крови. Ноги были перебиты ниже колен, о чем свидетельствовали характерные для этого вида ранений вмятины и деформация конечностей. Видимо, людоеды развлекались стрельбой по живой мишени, пока готовилась еда. Судя по одежде, это был старатель из «Альфы», и я решил попытаться его спасти.

Время для атаки я выбрал удачное: отяжелевшие от еды и выпитого самогона каннибалы вяло переговаривались на непонятном мне языке, больше напоминавшем бормотание. Их было пятеро. Все вооружены автоматическим оружием: у троих я заметил АК-74М, у одного что-то странное, похожее одновременно и на «Грозу»,⁵⁵ и на британскую L85A2,⁵⁶ у последнего, по виду самого главного, дробовик SPAS-12.

Положение было пиковое: если кто-то из противников сможет выстрелить в меня хотя бы раз, то прошьет мой слабый броник навывлет. Рикошет от очереди тоже оптимизма не внушал, хотя тут были варианты. Тихо сделав несколько дыхательных упражнений, я определил цели и взял АПБ наизготовку.

Первая серия «грудь-голова» достала главаря с дробовиком: пуля, пущенная в середину груди, прошла навывлет, та, что попала в правый глаз, неожиданно вышла из височной области, чуть выше левого уха. Без единого звука людоед завалился набок, прямо на колени обладателя странного оружия. Ему тоже достались две пули — как и планировалось, первая застряла в туловище, вторая вышибла каннибалу мозги. Началось движение, время потекло удивительно медленно. Ствол моего пистолета как бы нехотя переместился к уроду с АК-74М. Пуля, летевшая в грудь, чуть сместила положение тела относительно траектории другого выстрела, в голову, и та, только царапнув левый висок, ушла в стену. Не останавливаться! Время дорого.

Легли еще двое. Учудил только пятый людоед: не видя вспышек от выстрелов моего оружия, он успел подняться и сделал попытку перебежать к стене, подальше от костра. Но получилось, что он бежал прямо на меня. Получив свои две пули, каннибал опрокинулся на спину и в конвульсивной судороге упал головой прямо в костер. Недобитый урод, который случайно увернулся от выстрела в голову, хрипя, встал на колени и вскинул автомат. Короткая очередь с оглушительным гулом разорвала тишину подвала. Зная, что произойдет, и закрыв глаза, чтобы не ослепнуть от вспышки, я на слух, уже в падении, выпустил еще пять пуль. Все стихло, но еще стоял звон в ушах. Перезарядив пистолет, дослал патрон и осторожно подошел к костру. Паленой человечины запахло сильнее, чем тут было принято. Убедившись, что все людоеды мертвы, я взял за ноги того, что упал затылком в костер, и оттащил его к дальней правой стене, где были сложены потроха и останки человека, которому не посчастливилось стать обедом, нет, скорее ужином — время подходило к шести часам вечера.

Громко и отчетливо позвал притаившуюся в коридоре Марину. Теперь следует уделить внимание парню, который висел на стене. Серьезные ранения, усугубленные побоями и большой кровопотерей, не оставляли ему больших шансов на жизнь. Правда, я слышал про некоего местного «айболита», который лечит все и вся, но, боюсь, парню не светит испытать на себе чудеса местных целителей.

Расстегнув кандалы, я подхватил парня и бережно опустил его на свой расстеленный коврик. Негоже солдату лежать на тряпках своих мучителей. Подошла Марина и, сообразив, к кому в гости мы пришли, убежала блевать в коридор. Осмотрев альфовца, я убедился в своих подозрениях: боец протянет от силы часов пять. Имелось одно средство, но я не был

⁵⁵ Имеется в виду автомат ОЦ-14 «Гроза».

⁵⁶ Штурмовая винтовка (автомат).

уверен, оно подействует ли оно на человека, уже «отходящего на золотой».⁵⁷ Из принесенного девушкой РД я достал контейнер с трофейными артефактами и поместил на пояс бойца тот, что зовут «ломоть мяса». Как говорят, он подстегивает иммунитет и заживляет раны. Проверить на себе, слава богу, не довелось, но сейчас только этот камень плюс укол обезболивающего, перевязка и шины из подручных материалов — вот все, чем я мог помочь умирающему парню.

Отойдя от раненого, я стал инвентаризировать все, что досталось в качестве трофеев. Вынув из цепких рук мертвеца диковинное оружие, я от души посмеялся: передо мной была гордость украинских оружейников — автомат «Вепрь», или, как говорят на «державной мове», «Вепр».⁵⁸ В работе это изделие украинского военпрома пробовать мне приходилось только два раза, когда сдавал зачет по вооружению стран СНГ и бывшего СССР. Имея в целом сходную с семейством АК автоматику, «Вепрь» ничем особенным на фоне «Грозы» не выделялся. Справедливости ради стоит сказать, что я никогда не любил вертялые поделки, собранные по схеме «магазин в заднице» или, если по-научному, «буллпап». Когда магазин по мере расхода боезапаса пустел, вести прицельную стрельбу из такой трещотки было очень трудно. Приходилось по мере опустошения магазина сильнее прижимать приклад к «опорному» плечу. А по мере нагрева ствола чаще делать поправку на сильный увод вправо. «Гроза» была немногим лучше, но патроны СП чуть исправили положение с люфтом. Однако, если есть возможность выбора, никогда не возьму ничего подобного в бой.

Жаль, но все оружие пришлось разобрать и привести в негодность. Патроны я забрал с собой и рассеял их по нижней галерее, откуда мы пришли. Среди вещей людоедов мне удалось найти некоторые, принадлежавшие пленному бойцу и его съеденному товарищу. Два ПДА, действующих, но один был с треснутым экраном, а другой не хотел загружаться. И — о чудо! В тактической кобуре я нашел «сердюка», как в обиходе называют новый российский пистолет СПС. Выщелкнул магазин, разобрал. Не хватало пяти патронов, и в канале ствола имелся небольшой слой нагара. Но сама машинка в хорошем состоянии, если почистить и дать смазку — можно пользоваться. Кобуру я выкинул в костер, судя по ремням, она не принадлежала раненому, скорее всего это был «второй номер» его покойного напарника.

Два набора личных номеров, на имя Тимура Каримовича Алимова, сержанта, и Семена Семеновича Бахчеева, воинское звание — ефрейтор. В «Альфе» использовалось некое подобие советских армейских уставов и были в ходу армейские же звания. Видимо, ностальгия и толика практичности: «Альфа» — одна из сильнейших и, пожалуй, самая вменяемая группировка из существующих в Зоне отчуждения на сегодняшний момент. Кого из них съели, не знаю, но на обоих жетонах вместо принадлежности к определенной армии какой-либо страны стояла эмблема «Альфы» и шестизначный личный номер.

Это могло помочь. В ПДА были фотографии, я понял, что уцелел ефрейтор Бахчеев, сержанту повезло гораздо меньше. Нашел частоту экстренной связи и зафиксировал. Теперь связаться с любым подразделением группировки, действующей в данном районе, не составляло труда. Дело, похоже, шло на лад. Тихо подошла Марина, присела рядом. Лицо девушки в свете костра казалось изможденным, под глазами и в уголках рта залегли скорбные морщинки, делая ее лет на десять старше.

— Послушай, прохожий, как твое имя? Скажи... хоть ненастоящее. Ты... Я очень тебе обязана. Прости, что вела себя как дура. Если выберусь, уеду отсюда подальше. Жути такой нигде не увидишь. Вот так и меня бы съели... — Она всхлипнула и потянулась, чтобы спрятать лицо у меня на груди.

⁵⁷ «Отойти на золотой» — жаргонизм военных медиков и врачей «скорой помощи» означает близость пациента к состоянию клинической смерти.

⁵⁸ «Вепр» («Вепрь») — автомат на базе ОЦ-14 «Гроза».

Чуть помедлив, я обнял девушку и погладил по спине успокаивающе:

— Это пройдет, забудь и не вспоминай. Кроме тех случаев, когда снова потянет в подобные места. Скажу, как умею: у любого человека свой запас везения. Не испытывай судьбу слишком часто. А сейчас — соберись. Мы еще не выбрались.

Девушка отстранилась и, вытерев слезы, застывшим взглядом уставилась в пламя костра. Не знаю, почему это так, но пламя завораживает, какое бы тысячелетие ни стояло на дворе. Кажется, что в огне сгорают плохие воспоминания, горечь утраты и несбывшиеся мечты. Оставляя человеку лишь толику живого тепла и искорку надежды на лучшее.

Поднявшись, я перехватил автомат поудобнее и пошел на поиски выхода наверх. Не думаю, чтобы он располагался далеко от основного логова. Марина осталась с раненым. Артефакт, кажется, подействовал — дыхание стало ровным, пульс успокоился. Бледность и синева отступили, сделав лицо ефрейтора чуть светлее.

Выход оказался не один. Тоннель уходил дальше на запад, и снова под уклон. Тут же на поверхность вела двустворчатая железная дверь, запиравшаяся на массивный засов. Я вылез, и сразу в лицо мне шибанул свежий, сырой от недавно прошедшего дождя воздух. Было как всегда пасмурно. Смеркалось.

Активировав ПДА раненого ефрейтора, я отстучал SOS. Откликнулись сразу две группы «альфовцев». Но поблизости находилась только одна группа рейдеров, возвращавшаяся из патруля. Я не представился, ведя диалог от лица Марины, и сказал, что обнаружил стоянку людоедов случайно. Командир патруля ответил, что они будут на подходе через час. Нужно было подготовиться, рейдеры не дураки: страхуясь, обязательно вышлют разведку и, обнаружив не девушку-ученого, а парня с автоматом и в маске, покрошат меня в мелкий винегрет.

Снова спустившись на стоянку людоедов, я осмотрел раненого. Без изменений, но это неплохо: парень держался. Теперь только от него все зависит. Я пошел в угол, где у бывших хозяев были сложены дрова (обломки мебели, пара коряг, притащенных с поверхности), и, взяв немного, подбросил в угасающий костер. Стало посветлее. Я присел рядом с Мариной:

— Товарищи раненого парня скоро будут здесь. Постараюсь подстраховать тебя, если что-то пойдет не так. Всем скопом под землю разведчики не полезут, скорее всего, сюда спустятся только несколько человек. Вот твоя версия произошедшего: тебе удалось спастись с вертолета и пройти по подземелью до этого лагеря каннибалов. Тут уже все были мертвы. Ты сняла парня со стены, перевязала как умела. Он ненадолго пришел в сознание и назвал тебе частоту для того, чтобы позвать своих, потом отключился. Про артефакт говори: ничего не знаю, так все и было. Настаивай, что была одна. Так ты окажешь нам обоим большую услугу: сама избавишься от лишних вопросов, а меня избавишь от излишней популярности в узких кругах. Поняла?

Девушка молча кивнула, потом снова стала смотреть в пламя костра. Не отпускает, крепко же ее пометило, как бы умом не повредила. Из экстренных запасов я достал фляжку коньяка. Сам я больше «белую» уважаю, привычной как-то, но все равно считаю армянский коньяк одним из лучших в мире. Этот был экспортный — «Двин». Ношу его с собой уже месяцев пять, как залил из небольшой бутылки, что прислал мне один знакомый из Кемерова. Глоток-другой, и вот уже согрелся. Щедро отмерив пятьдесят грамм в личную кружку, силой влил девушке в рот. Закашлялась, заругалась, на щеках появился румянец. Помогло вроде. Прокашлявшись, она закивала головой: поняла, мол, все. Я продолжил инструктаж.

— Я буду страховать тебя на поверхности. Если что не так пойдет — просто падай на землю и не шевелись, пока стрельба не утихнет. У того, кто войдет, спроси имя и звание, только потом пропусти. Если промолчит — стреляй, не думая. Ну, я пошел. Если все пройдет, как положено, больше не увидимся. Прощай.

Она снова спросила, как меня зовут, но я уже не слушал, махнул рукой и поднялся на поверхность.

Схема была мне ясна: в ста метрах западнее выхода была небольшая роща довольно старых деревьев. На месте командира группы я бы положил туда снайпера, осмотрелся и,

оцепив люк по периметру, послал внутрь пару бойцов. На всякий случай я проверил рошу: за снайпером нужен догляд. Если что — грохну его, а потом повоюем с остальными. Шансов немного, но кто живет вечно?..

...Примерно через полчаса они появились: восемь человек, вооружены как положено, этого у местной самодеятельности не отнять, и кое-что они делали по правилам. В группе был пулеметчик, снайпер, и у каждого бойца по одноразовой «Мухе»⁵⁹ в укладке за спиной. Уважаю, молодцы ребята. При таком раскладе мне почти нечего ловить. Разместились, как я и ожидал: снайпер с СВД вообще залег почти рядом со мной, схему я угадал очень точно. Пулеметчик выбрал, на мой взгляд, спорную позицию на холмике, чуть восточнее, охватывая вход в подземелье и подходы к нему по широкому сектору. Двое спустились под землю, остальные заняли позиции снаружи. Прошло минут пять, потом еще десять. Вот люк открылся и вынесли раненого, потом вышла Марина. Вопреки моим ожиданиям, девушку не связали, только отобрали у нее чемоданчик. Мы договорились, что если что-то пойдет не так, она упадет. Но ничего не происходило, стрелок рядом со мной повозился, переключая рацию, затем набросил чехол на прицел винтовки и не спеша поднялся с земли. Стрелок лежал всего метрах в трех впереди меня, поэтому я отчетливо видел, как он поспешил к своим, по привычке чуть пригибаясь. Мой ПДА пискнул, программа радиоперехвата зафиксировала краткий кодированный радиообмен группы с кем-то еще... Доложились, значит. Построившись в колонну по одному, держа носилки в середине строя, рейдеры уходили.

Вдруг Марина остановилась и, обернувшись, махнула рукой. Вот же, стерва, номер отколола!.. Но вопреки ожиданиям, никто не повалил ее на землю и даже не отреагировал на этот ее жест. Группа продолжала уходить. Видимо, старший поисковик решил не тратить время на поиски того, кто, скорее всего, и так ушел. Марина постояла еще пару секунд и, больше не оглядываясь, пошла следом за разведчиками в самом хвосте колонны. Надеюсь, что все у нее сложится удачно и она постарается забыть то, что ей пришлось испытать за эти два дня.

Я тоже поднялся. Пора было снова спускаться под землю. Мне предстояло выдержать еще около двух суток пути. Надеюсь, я встречу впереди много достойных противников. Они делают мою жизнь интересной...

Спуститься под землю было необходимо: район кишел группами рейдеров противоборствующих группировок. Во встречном бою у меня не было шансов даже помотать их как следует. Слишком незнакомая местность. Слишком мало воды и припасов у меня оставалось. Подземный ход же давал возможность скрытно и не оставляя следов добраться к тому неизвестному зданию, куда он вел.

В комнате, где я оставил Марину и раненого альфовца, трупы все так же лежали у стены, костер потух. Оставаться тут не было смысла, и я двинулся дальше, строго на северо-запад. Идти приходилось осторожнее, чем раньше. Сопуны не ставят ловушек, а с людоедов станется расставить в тоннеле растяжки или пару-тройку противопехотных мин. Иногда даже попадались лампы аварийного освещения, что помогало не терять направление в часто изгибающемся коридоре. Скорее всего, проектировщики избегали залегающих не глубоко от поверхности водных пластов, чтобы тоннель не размыло.

Спокойный и размеренный ритм ходьбы помогал осмыслить произошедшее. Марина не сможет дать особистам «Альфы» внятной информации ни обо мне, ни о том, как я выгляжу. Это неплохо для нас обоих: ее не станут долго держать в карантине, а я при следующей встрече с кем-нибудь из «Альфы» смогу до времени затруднить оценку моих способностей. Наверняка они захотят использовать меня «втемную», или попросят «вступить в ряды», так скажем. Нет, оба варианта не привлекают. Ну их куда.

⁵⁹ «Муха» — реактивная противотанковая граната РПГ-18.

Тоннель несколько раз поворачивал, и один раз я вышел на развилку вроде той, что попалась мне перед лагерем каннибалов. Это означало, что где-то рядом есть выход на поверхность. Шел я уже добрых десять часов. Требовалось найти место посуше и просто поспать. События последних суток принесли не только массу положительных эмоций, но и некоторое ощущение усталости. Может, годы берут свое, может, это все «серые камни». В девяносто пятом году мне со сводной группой довелось точно так же шариться по канализации одного города. «Духи» понаставили в тоннелях целый ворох хитрых ловушек, и мне пришлось прикрывать саперное отделение, которое чистило тоннели от мин. Многие солдаты просто сходили с ума, начинали орать, один даже стрелять хотел. Повязал я его и вытащил наверх — потом еле ребят удержал: хотели этому истерику табло начистить. Сами посудите: мины кругом, а этот идиот мало того что дергается, так еще и палить вздумал. И это при такой пакости, как «пятерка» — стандартная стальная пуля калибра 5,45, да в ограниченном пространстве бетонного короба! Даже добровольцы, что вызвались из состава взвода со мной под землю лезть, в тоску впадали. Тоннели вытягивали из них тепло, саму жизнь. Взгляд у людей тускнел, появлялось безразличие ко всему и вялость в движениях, а следом подступала и смерть: рассеянное внимание делало бойцов легкой добычей «духовских» ловушек. Спасти удавалось не всех: двоих успел выдернуть, а один, вроде смысленный и опытный боец, замешкался и нарвался на растяжку. Осколками и ударной волной парня изуродовало так, что для опознания не осталось ничего пригодного, кроме правой руки. Лично я никогда подобного дискомфорта не испытываю. Другое дело, что бетон — штука безжизненная и тянет соки из любого человека. Невольно вспомнился момент из недавнего времени, вдруг жутко захотелось холодного пива:

— ...Ну, ты и учудил, Антоха! — вопил мой напарник. — Ты хоть знаешь, что в этой твоей Зоне отчуждения все светится?! Это значит «прощай, наследство», да и вообще пропадешь ты там. Не... не пойму тебя...

...Мы сидели на перилах ограды в скверике за бывшим кинотеатром, превращенным в ночной клуб. Перила эти, с облупившейся багрово-красной краской, отполированные сотнями задниц вот таких же любителей выпить пивка в тени цветущей акации, сохранились тут еще с советских времен. Напарник мой был на добрый десяток лет моложе меня, его эти приступы ностальгии еще не накрыли, вот и сейчас он скакал вокруг меня, размахивая руками, словно желая взлететь. Он продолжал вещать о каких-то безумных коммерческих прожектах, в суть которых я не вслушивался.

Сашка разорвался так добрых минут сорок, приводя различные версии моей будущей пропащей жизни. Затем верх взяла его обычная практическая смекалка и он стал прикидывать, сколько надо времени, чтобы «поднять» достаточно большое количество ценных артефактов. Представил в деталях, какой дом можно отгрохать на заработанные деньги и как развлечься в казино «Гигант» на оставшиеся от постройки дома и покупки BMW последней серии средства. Выходило, что «гудеть» можно дня три, а то и все шесть. Мой напарник был высокого мнения о моих «коллекторских» способностях.

Я молчал, потягивая слабенькое, но очень вкусное пиво «Балтика № 3» из жестяной банки. Что сказать парню, который живет на съемной квартире и мечтает о собственном доме уже года три, с тех пор, как приехал в город из небольшого села? Что, скорее всего, дело закончится возвращением обратно в деревню или переходом в милицию, где худобно, но шанс получить жилье имеется? Нет, этого я ему говорить не стану, не в коня корм. Сашка, конечно, притворяется, что не видит подобной перспективы для себя. Накопленный опыт уже давно подтолкнул его к точно таким же выводам. Только природный оптимизм и добродушие не дают парню принять реальность, данную в ощущении. Одним глотком прикончив оставшееся на донышке пиво, я ободряюще хлопнул напарника по плечу:

— Саня, тут такое дело: квартира моя без присмотра останется. Вот ключи. Поживи, пока с жильем не определишься. Я сестру предупрежу. Она девушка правильная, тебя беспокоить не будет. Главное, не спали ничего и квартплату вноси вовремя. За сестрой

приглядывай, чтоб не обижал никто, да и сам руки не распускай. Узнаю, что дров наломал — убью.

— Да ну тебя, Антоха, ты чего, первый год меня знаешь? Все будет тип-топ. Когда обратно-то вернешься?

Но видно было, как кадык нервно заходил под кожей. Не знаю почему, но обычно люди очень серьезно воспринимают мои шутливые заявления подобного рода. Может, дело во взгляде? Трудно сказать наверняка.

— Не знаю. Пока на месяц еду, а там видно будет. Живи, расслабься: на крайний случай, если вернусь, поживу у сестры на даче. Тебе только одно условие: не ходи в бодигарды — умрешь молодым или станешь калекой. Усек?

— Да ладно тебе. — Видно было, что я попал в точку; Сашка лелеял мечту о хозяйском «болиде» и веселых барышнях, которых можно «снять» у местного центрального ночного клуба «Стратосфера». — Ничего такого я не хотел. Мне и тут неплохо платят.

— Я поговорю с нанимателем. У него есть какие-то завязки в местной «ментуре». Пусть пристроит тебя куда-нибудь в спецбатальон ГИБДД. Там и зарплата нормальная, и жилье свое получишь. Только не куролесь и шибко не зарывайся. Понял? — Сашка смотрел на меня уже другими глазами, напускное балагурство ушло, лицо стало серьезным.

— Антоха, спасибо. Ты... не ожидал, короче. Я... я сильно постараюсь. Только возвращайся целый, а?

Что было ответить парню, в жизни которого я больше не появлюсь уже никогда? Правильно. Поэтому я еще раз хлопнул его по плечу и уточнил:

— Ключи потом, как свой угол получишь, сестре отдай. Присмотри тут за всем, лады?

— Обещаю.

По серьезному взгляду напарника я понял, что слово он сдержит...

...Тоннель сделал еще один поворот в северном направлении, и я уперся в тупик со скобами, ведущими вверх. По наложенной на карту местности схеме пройденного мной пути получалось, что я нахожусь чуть западнее территории военных складов. Эта местность никому не принадлежала: судя по карте, я должен был выйти на окраине заброшенной деревни. Существовала опасность вынырнуть посередине лагеря каких-нибудь рейдеров, но деваться все равно было некуда. Придется рискнуть, выбора нет.

Подъем вверх по шахте занял около двадцати минут. Осторожно, мягкими толчками я приподнял прямоугольную крышку люка таким образом, чтобы образовалась щель. Помещение было круглым, около шести метров в диаметре, с винтовой лестницей посередине. Тусклый дневной свет струился из дверного проема. Сама дверь была сорвана с петель. Сделав глубокий вдох, я рывком выбрался из люка и откатился влево, таким образом, чтобы все помещение оказалось в секторе огня... Ни души. Только ветер гудел под остrokонечным сводом крыши. Как я понял, это была старая водонапорная башня. Отряхнувшись, я подтянул наверх РД, который привязал к одной из скоб лестницы. Этому меня научил один майор из армейской разведки, аккурат на второй день зачистки канализации некоего знаменитого города. Очень удобно: вяжешь за скобу или другой подходящий выступ, а сам вываливаешься наружу. Если чего идет не так, быстро обратно — и сам цел, и груз не страдает. Приладив РД, я осторожно стал подниматься по лестнице наверх. Расположиться можно было только под самой крышей. Другое дело, что, судя по всему, я попал в обитаемое жилье. Кругом было чисто, но пара свежих пятен ржаво-бурого цвета и еле уловимый запах кого-то живого говорили о том, что хозяин скоро будет здесь.

Я ошибся: хозяин уже добрых пять минут смотрел на меня из дальнего угла комнаты. Это был кровохлеб, причем почти трехметрового роста. Он стоял у дальней стены комнаты и пристально смотрел на меня. Видимо, он услышал меня еще раньше и затаился, чтобы сократить дистанцию и не дать мне уйти. Все, мне хана — сильнее этого гиганта в Зоне никого нет. Пожалуй, кроме сфинкса...

Сознание царпнул импульс отрицания. Кровохлеб давал понять, что сфинкс ему не

соперник. Он медленно поднял оснащенные пятнадцатисантиметровыми когтями руки на уровень груди так, чтобы я их видел. Мы оба замерли: я с пистолетом у бедра, он с готовыми к бою клинками, каждый из которых мог нанести фатальное ранение и менее хрупкому, чем человек, противнику. Я не был уверен, что успею выстрелить в уязвимую точку на голове мутанта раньше, чем он разрежет меня на сотню маленьких Антонов. Развязка наступила неожиданно для меня: виски пронзила резкая боль, в глазах потемнело, колени стали подгибаться. Но я не выпустил оружия, из последних сил стараясь нажать на спусковой крючок. Кровохлеб молниеносным движением выбил у меня из рук пистолет, мой верный «стечкин» брякнулся на пол с глухим стуком, как бы говоря: «Прости, хозяин. Я подвел тебя».

Не знаю, как долго пробыл я в отключке, но сознание вернулось ко мне, когда уже окончательно стемнело. В железной бочке, что стояла у дальней от узкого окна башни стены, горел огонь. Раньше его не было. Неужели кто-то грохнул кровохлеба в то время, когда он хотел мною подзакусить? Черта с два. Тот по-прежнему был здесь — скрестив по-турецки ноги, он сидел возле бочки и смотрел на огонь. По левую руку от него лежали мои пожитки и оружие. Хотя я и не был связан, мне дали понять, что попытка завладеть своим оружием закончится для меня плачевно.

Кровохлеб вытянул свои длиннющие руки так, что лезвия когтей едва не касались моего лица. Затем последовал фокус, о котором мне не приходилось слышать или читать: подобно кошачьим, когти втянулись внутрь кожистых пазух на руках мутанта. Даже теперь кровохлеб мог одним ударом проломить средней толщины стену, и втянутые когти просто послужили бы чем-то вроде естественных бронированных накладок. Однако мне явно демонстрировали мирные намерения. Очень интересно.

— Тридцать девятый! — рычание вырвалось из недр щупалец у рта мутанта. — Тридцать девятый... Антон... Старший прапорщик Васильев!..

Кровохлебу известны радиопозывной, воинское звание и... Вот радиоактивная ты ж зараза! Отлично: теперь я знаю, что кровохлебы — телепаты, причем гораздо сильнее мозгоедов. Мозгоед не способен напасть ни самостоятельно, ни ментально. Поэтому они и натравливают свою свиту на кровохлеба издали: тот может буравить мозги жертвы вблизи, но, судя по всему, концентрироваться в силах только на одной цели. Ни один отчет об атаках кровохлебов не зафиксировал эту особенность вида: просто никто не прожил так долго, чтобы об этом рассказать. Видимо, ментальный импульс — это нечто вроде вспомогательного орудия на охоте. Он парализует жертву, если та нужна живьем. Однако зачем мутанту говорить со мной, раскрывать свои скрытые способности?

— Тридцать девятый, на связь!.. — Он хочет, чтобы я отозвался по форме. Ладно, попробуем, раз мутант именно так видит наше общение:

— Здесь тридцать девятый, прием.

— Тридцать девятый — прикрой, засада! «Духи» справа!.. Спасибо, брат. По гроб жизни — водка с меня!..

Мутант воспроизводил фразы, которые выудил из моего сознания. Произнесенная им фраза — это отрывок разговора после боя в... но сейчас не время для воспоминаний. И тут до меня дошло: схватка на Кордоне, свернутая шея секретчика, исчезнувший следопыт наемников... Вот, значит, кто меня прикрывал. Кровохлеб между тем продолжил:

— Тридцать девятый! — Он коснулся своей впалой синей щеки длинным узловатым пальцем. — Охотник.

— Понял тебя, Охотник, прием.

Сознание царапнула волна одобрения, мутанту нравилось его имя, и он был рад, что я понял это. Он заговорил снова, плавно поведя мощной, перевитой внушительными мышцами рукой вокруг себя:

— Пункт постоянной дислокации. Дом. База. Ограниченный доступ. Только Тридцать девятый и Охотник. Без пропуска — огонь на поражение.

Охотник дал понять, что других он в гости не зовет, а мне вроде как можно сюда

заглядывать. Чудеса: мало того, что меня не собираются схарчить, так еще и приглашают заходить, если что.

— Понял тебя, Охотник. Ты да я; больше никто сюда не придет. Верно?

Мутант чуть наклонил голову вниз, изображая кивок. Затем пододвинул изъятое оружие и РД в мою сторону. Стало понятно, что Охотник не хотел нападать. Просто убрал опасные предметы во избежание недоразумений с моей стороны. Намерения Охотника были пока не ясны до конца: отпустит или схарчит, было непонятно. Кровохлеб вдруг потянулся рукой куда-то в угол и, пошарив в куче хлама, вытащил какой-то предмет и осторожно протянул его мне. Это был артефакт, которого не было в моей базе данных: пурпурно-розовый, он чуть светился в темноте, но не был радиоактивен. С виду он напоминал раковину речного моллюска, как по форме, так и по размерам: не более пятнадцати сантиметров в длину, около семи в ширину и около трех в высоту.

— Подарок. Водки нет... Чистая вода. Бросай в кружку. Покраснеет — можно пить. Черный — пить нельзя, «моллюск» не справился...

Слово «моллюск» он извлек прямо у меня из головы. Я понял, что артефакт мог очищать воду. Насколько хорошо он это делает, вот в чем вопрос. Впрочем, не думаю, что мутант сильно ошибался насчет полезных свойств этого камушка. Тем более что мой собственный запас воды был уже на исходе, еще день-другой, и будет туговато.

Способ проверки нашелся быстро: избегая резких движений, я разобрал поклажу и вынул котелок, который по понятным причинам так и не использовал в ходе последнего рейда. Выцедил из «медузы» весь остаток воды. Риска в этом особого я не видел, поскольку артефакт был как будто отмыт с мылом и протерт полиролью, казалось, грязь не пристает к нему в принципе. Эксперимент носил чисто демонстрационный характер, так как вода уже была безопасна, и хотелось проверить, какие изменения во вкусе и качестве жидкости могут произойти. Сами понимаете, что имеющуюся во фляге теплую и пропахшую пластиком и резиной влагу живительной уже никак назвать нельзя. Хотя это и было авантюрой: много эмпирическим путем не определишь, так хоть хуже не станет...

Воды набралось где-то грамм триста. Я бросил в котелок «моллюска». Все получилось так, как и сказал Охотник: артефакт стал медленно наливать красным светом, а котелок ощутимо похолодел. В какой-то момент мне стало трудно его удерживать, холод стал просто обжигающим, но вода не замерзала. Наконец «моллюск» вспыхнул ярко-красным светом, а спустя доли мгновения снова стал пурпурно-розовым. Котелок стало можно взять в руки лишь минут через десять. Я попробовал холодную до зубовой ломоты воду. Вода очистилась, это было вне всяких сомнений: она стала похожа на родниковую, приобретая характерный сладковатый привкус.

Когда-то давно я случайно столкнулся на улице родного города с бывшей одноклассницей, двинутой на всем индийском, ну, может быть, кроме тамошних фильмов. Она долго маялась дурью, пока не уехала в эту самую Индию. Там серьезно увлеклась йогой и по возвращении на Родину стала зарабатывать буквально бешеные деньги, обучая всяких состоятельных тетенок настоящей индийской гимнастике. Она-то и поведала мне о том, как происходит ежегодное омовение в священной для индусов реке Ганг. И раскрыла «секрет», почему индусы не перемерли от всяческих инфекций, плескаясь в довольно мутной и грязной воде и утоляя жажду безо всякого опасения. Вода священной реки берет свое начало высоко в горах, где на поверхность выходят залежи серебра. Добывать его в промышленных масштабах невыгодно, поэтому лежит оно себе и лежит. А водичка в реке становится «серебряной», кроме того, жутко холодной, и убивает всякую заразу, что в ней заводится. Но, естественно, везет не всем: иностранцев просят не испытывать судьбу.

Этот-то феномен холода, возможно, и помогал очищать воду. Холод, как и серебро — природный антисептик. Артефакт каким-то образом умел имитировать эти или схожие по воздействию на вещество качества природных явлений. Вылив воду обратно во флягу, я упрятал артефакт в футляр и убрал ценное приобретение в РД. Нужно было подарить кровохлебу нечто в ответ. Но вот что?.. Согласно памятке, они совершенно спокойно

относятся к радиации и чистая вода им ни к чему. Я расстегнул комбез и отцепил с шеи анх.⁶⁰ Этот оберег был двойным, и подаривший мне его таджикский парень сказал, что если разделить его с другом, то защитные свойства будут во сто крат сильнее. Повернув кругляш против часовой стрелки, я разделил его на два более тонких диска. Один снова повесил на цепочку, а другой нанизал на проволоку и, смерив на глаз массивную шею Охотника, сделал некое подобие моего амулета. Потом на вытянутых руках протянул мутанту. Слегка помедлив, кровохлеб наклонился вперед, так, что я смог надеть медальон ему на шею. Тот сразу затерялся в ворохе щупалец.

Сознание царапнул целый букет мыслеощущений, отражавших гамму чувств: от недоумения до глубокого потрясения и благодарности. Чтобы прокомментировать акт обмена и своеобразного братания, я сказал, приложив ладонь правой руки к сердцу:

— Охотник и Тридцать девятый теперь братья. Я всегда прикрою, если позовешь.

Мутант согласно наклонил голову, зеркально повторил мой жест и прорычал:

— Братья! Враг умрет. Все враги семьи умрут. Тридцать девятый будет жить! Братья!

Его глаза сверкнули желтым огнем, и он издал низкий, вибрирующий рык, от которого у меня ошетинились волосы на загривке. Потом мутант встал и, чуть ссутулившись, пошел к лестнице, ведущей вниз. Обернувшись, сказал, прощаясь:

— Время большой охоты. Время уходить. Тридцать девятый должен остаться. Ночь — опасно. Еще будет много охоты для семьи. Потом. Сейчас иду один. Ты — отдыхай. Безопасно: база, дом. Никто не потревожит. Страх.

Кровохлеб растаял в воздухе совершенно беззвучно. Мыслеобразы, транслируемые мутантом вместе со словами, были расплывчаты, многое вообще казалось просто радужным пятном, при взгляде на которое жутко ломило в висках. Тряхнув головой, я заставил себя сосредоточиться, не думать о случившемся слишком упорно. Ломота отступила, в глазах прояснилось, и мысли перестали налетать одна на другую создавая в голове сумбур. Я переместился таким образом, чтобы видеть часть пейзажа сквозь узкое окно башни и лестничный пролет. Произошедшее было слишком необычным, чтобы быстро дать ему полновесно обоснованное объяснение. Мало того, что мутант мог связно излагать свои мысли, он еще и осознанно помогал мне воевать, допустил в свое жилище. Хотя что тут удивительного: я же находился в одном из самых странных мест на планете. Так или иначе я жив и приобрел сильного союзника. Теперь следовало определиться с общей обстановкой.

Как оказалось, я вышел точно в районе военных складов, большая часть которых находилась под контролем группировки «Вільна Січ». Точно неизвестно, как этому клану удалось захватить столь лакомый кусок Зоны отчуждения, но именно запасы советской армии позволили «Січи» занять весомое положение в структуре взаимоотношений местного сообщества. Исходя из имеющейся у меня информации, можно было лишь подтвердить всеобщее убеждение о поддержке, оказываемой властями Украины, что автоматически означало опеку и прямое вмешательство в управление группировкой со стороны спецслужб и, вероятно, также западных разведорганов. Этим и объяснялась безмерная терпимость со стороны военного командования особого района «Чернобыль» к старателям именно этой группировки. Как, впрочем, и его, командования, странное нежелание взять под контроль инфраструктуру военных складов. Такой маневр, несомненно, позволил бы рассечь коммуникации артерий снабжения других группировок, саботировать поставки оружия и припасов и, в конечном итоге, ослабить и уничтожить клан «Альфа» и наемников. Объяснение пассивности со стороны военного командования было только одно: собственных сил на полномасштабную войсковую операцию просто не было. Да и откуда им взяться, если западные «друзья» постоянно ослабляли вооруженные силы страны? Делали все для сокращения численности личного состава и урезания парка техники, мотивируя это тем, что

⁶⁰ *Анх* — оберег. В ходу у горных племен Таджикистана и некоторых северо-афганских родоплеменных образований. Амулет в виде геометрической фигуры «Пентагон», иногда имеет и круглую форму, размером обычно с десятирублевую российскую монету.

главной задачей для обновленных ВС Украины станут миротворческие операции в составе сил НАТО, поэтому в армии вообще большой нужды нет. И зачем Украине новая техника, если достаточно, например, американской, хоть и морально устаревшей? Ее доставят прямо на место проведения операции. «Паркетная», слабо пригодная для современной войны амеровская техника стоила дорого, существенно снижая при этом боеспособность действующих подразделений. Я лично был свидетелем того, как в одной балканской стране американскому «Страйкеру»⁶¹ оторвало переднее правое колесо обычной советской противопехотной «ведьмой». После этого случая амеровские «миротворцы» предпочитали не высовываться из расположения и упросили российских десантников одолжить им пару наших БТР с экипажами. Впоследствии американцы заменили колесную технику на более неприхотливые и надежные гусеничные М113А3. Но из-за необходимости усиления брони амеровский броневик жрал много горючки. Кроме того, машина слабо держала кумулятивные выстрелы из РПГ-7, даже в область лобового броневого скоса. Хорошего мало, учитывая, что большинство мин и гранат были советскими. Но в Зоне пока еще летала и ездила только старая советская техника, что спасало немало солдатских жизней и доставляло старателям море беспокойства. Однако затруднения, вызываемые местными условиями, как это ни странно, уравнивали изначально проигрышное положение старательских группировок. Армейцы были вынуждены отказаться как от артударов, так и от любых масштабных операций с использованием бронетехники. Точечные десантные операции были основным средством влияния военных на внутреннюю оперативную обстановку Зоны. Вояки поступили весьма разумно, перегордив дороги блокпостами и постоянно совершенствуя средства защиты для своих рейдеров. В открытом бою такой боец стоил десятка вооруженных чем попало старателей. Однако сюда десант высадить так просто не удастся: вертушку или собьют на подлете, или организуют десантникам теплую встречу. Даже «Січ» остерегается открыто говорить о своих связях с военными, рискуя в противном случае навлечь на себя месть со стороны старательских кланов. Те непременно объединятся, хотя бы на время, чтобы уничтожить антагониста, резонно смекнув, что если не сделают этого, старательской вольнице быстро придет конец.

...Сон был глубоким и коротким. Остальное время я провел в дремотном состоянии, борясь с накачивающей мигренью. Охотник так и не вернулся. Я заставил себя поесть. Ради такого случая разогрел остатки тушенки — горячая пища несколько улучшила самочувствие. Светало. Я вынул ПДА и включил сканер. Через полчаса у меня была карта оперативной обстановки в районе деревни и прилегающих к ней холмов и юго-западной оконечности дороги, ведущей к Радару.

Местность была сложная: холмы и глубокие овраги переходили в небольшое плоскогорье, что затрудняло распространение радиоволн. Плюс Выброс все сильнее давал о себе знать, как спонтанными всплесками радиопомех, так и приступами дурноты и жесточайшей мигренью, проходившей так же внезапно, как и начинавшейся. Если в течение суток мне не удастся выработать план маршрута к Ржавому лесу, то придется оставаться здесь еще довольно продолжительное время.

Длительность Выброса безотносительна к каким-либо срокам: может продолжаться и час, и два, или затянуться на сутки. Природа этого явления плохо изучена: достоверно известно только, что человек его последствий пережить не может, подвергнувшись ментальному и радиационному воздействию. Все статичные аномалии меняют свое месторасположение и неприятные сюрпризы ожидают путешественника там, где раньше можно было пройти свободно. Припасы подходили к концу, и пересидеть без ущерба для боеспособности можно было не более семи суток.

⁶¹ «Страйкер» — колесная боевая бронированная машина. Экипаж — 2+9 чел. Вооружение — 7,62 мм или 14,5 мм основной пулемет, 40 мм гранатомет (в различных модификациях машины).

Судя по засечкам группового радиообмена, рейдеры «Січи» и «Альфы» сворачивали свои операции в этом районе на время Выброса, лишь «альфовцы» оставляли три секрета в специально оборудованных ЗНП.⁶² Места точной дислокации последних я засечь не смог, но вряд ли они помешают мне пройти мимо себя, сам сидел в таких коробках во время учений: снаружи хоть потоп — сиди и не чирикай, смотри в трубу.

«Обелиск» отметил в эфире лишь однажды: засечка совпала с небольшим строением метрах в десяти от дороги, ведущей на Радар. Скорее всего, это была сторожка, которая находилась недалеко от аллеи голов, выставленных сектантами напротив рва, отделяющего их территорию от зон, контролируемых другими кланами. Еще один вклад в копилку: «братья» или имели защиту от действия Выброса, или каждый раз оставляли смертников, чтобы те до последнего контролировали обстановку и несли службу по охране аванпоста.

«Січь» отдала приказ о возвращении своих рейдеров еще двадцать минут тому назад. Однако с их базы на территории бывшего военного городка в центральной части Складов был странный радиообмен с некоей группой, находившейся недалеко от меня. Ответил явно командир. По открытому каналу я услышал уверенный властный голос:

— Внимание авиагруппе, бортовые номера 035, 067, 045! Говорит заместитель командира отряда «Альфа» майор Кашин. Вы приблизились к границам воздушного пространства «Альфы». Приказываю: принять курс «норд»! В случае неподчинения будете сбиты имеющимися средствами ПВО.

Интересно: войки пытаются высадить десант, а «альфовец» советует им развернуться и убираться обратно на базу. Лихо. Любопытно, что у них там есть?.. В ответ на мои мысли коротко рывкнула «зушка».⁶³ А неплохо! По низколетящей цели данный агрегат даст отличный результат. Если стрелок хороший. Послышался стрекот винтов. Одновременно на общей частоте прозвучал ответ войка:

— Говорит полковник Серебров, командир авиагруппы особого района «Чернобыль». Если не прекратите огонь, дам команду на подавление наземных огневых позиций.

Сильное заявление. Но если у «альфовцев» есть «зушки», то войкам придется кисло. Вертушка может, конечно, дать залп по одной установке, но если есть другие (а они есть: не верю, чтобы безликий майор Кашин дал команду единственной зенитке обнаружить себя стрельбой), вертолеты будут просто сожжены. Видимо, и «летун» это тоже понимал. Но у него был приказ, а висеть на прицеле у нервных старателей полковник явно не хотел. Единственный вариант: изменить курс и пройти через территорию «Січи». Вот он, момент истины: если «сечевые» пропустят войка, то совсем уж «засветятся». Об этом узнают все, и тогда новой войны не миновать. Шум винтов затих вдали. Военные отступили. Кто бы «сечевыми» ни управлял, а суть ситуации он понял правильно: дай группировка слабинку на глазах у всех, простыми извинениями уже не отделаешься.

Пора было продвигаться к Ржавому лесу. Спустившись вниз, я перехватил автомат, тихо дослав патрон. Обошел башню и взял курс на северо-запад. Дороги я избегал: учитывая характер боевых действий, обочины, скорее всего, усеяны минами. На «помощь» зверья рассчитывать не приходилось: мутанты чуяли затаившуюся смерть и обходили мины и растяжки стороной. Редко какой-нибудь кабан или небольшая их стайка во время гона напорется. Но это скорее исключение, нежели правило.

Путь я выбирал таким образом, чтобы не появляться на холмах, держаться в низине. Время от времени приходилось выползать на возвышенность и осматривать территорию

⁶² ЗНП — заглубленный наблюдательный пункт. Инженерное защитное сооружение, заглубленное в грунт на 8-10 м, имеющее автономный источник питания и систему жизнеобеспечения замкнутого цикла. Сообщается с поверхностью посредством герметичного шлюза. Есть возможность наблюдения за поверхностью с помощью стереоперископа.

⁶³ Имеется в виду зенитная установка ЗУ-23С. Боевой расчет — 6 человек. Оснащается ракетами класса «земля-воздух».

минут по десять-пятнадцать. Пока все было тихо: только два раза пришлось продвигаться попластунски: одну низину облюбовала аномалия «искра», а в другой был целый лабиринт из «воронок», «огневок» и еще одной, не известной мне аномалии. Трава в том месте пожелтела, но детектор молчал. Гайка тоже ситуацию не прояснила. Решил не рисковать и метров сорок прополз на брюхе, то и дело замирая.

Я уже начал подниматься в полуприсед, когда левое плечо пронзила резкая боль. Спазм был настолько силен, что я просто рухнул в пожухлый кустарник. Это меня и спасло: в том месте, где была моя голова секунду назад, прошла тугая струя воздуха. А полмгновения спустя донесся звук выстрела. Снайпер. Судя по звуку и возмущению воздуха, стрелок пользовался чем-то импортным, снаряженным дорогими специальными боеприпасами. Выстрел был произведен приблизительно с восьмисотметровой дистанции, в той стороне начинались наемничьи угодья. Все правильно: рискованные ловцы удачи плевать хотели на Выброс, и кто-то из них все же решил повесить мой скальп себе на поясной ремень.

Борьба с таким стрелком — штука непростая. Шанс, что удастся его переиграть, появляется только тогда, когда стрелок один. Если же все сделано по правилам, то второй номер будет держать под наблюдением «слепые» для стрелка сектора и засечет любое движение мишени. Гайки, такие бесполезные в борьбе с новыми аномалиями, дали мне возможность для единственной попытки ускользнуть. Осторожно я приладил на указательный и средний пальцы правой руки простую резинку, какие вставляют в трусы и плавки. У меня в карманах разгрузки всегда полно всяких полезных мелочей (моточки проволоки, тесемки, болтики, гайки разных размеров и т. д.). Получилось некое подобие рогатки. Зарядив средних размеров гайку, я натянул импровизированную тетиву и стрельнул чуть правее моей лежки. Сухостой правдоподобно колыхнулся, мгновение спустя щелкнула пуля, эхом отозвался звук выстрела. Купился. Зацелил другую точку. Но двигаться еще рано: диагностика еще не завершена. Я вынул еще пару гаек и забросил их последовательно, с небольшим интервалом, отмечая липовый след все в том же направлении. Два выстрела прозвучали с характерным временным разрывом, и предположение об одиноком стрелке подтвердилось. Воевать с этой братией непросто: снайперами становятся очень усидчивые и хитрые ребята или злые девки. Бой с ними — это как партия в шахматы с разрядником или мастером спорта: полно всяких домашних заготовок, и шаг в сторону означает неминуемый смертельный мат.

Снайпер мог просто играть со мной, заставляя раскрыться, обнаружить себя. Я решился на еще один фокус: пустив подряд две гайки по кустам и посчитав время перезарядки, резко сместился под прикрытие холма. Выстрела в мою сторону не последовало. Это не означает, что стрелок «зевнул» движение. Вопрос в другом: какое направление он «зацелил», чтобы подловить меня на выходе из укрытия. Тогда я применил другую уловку — так называемую «дорожку»: нарвал ворох травы и, связав ее в полуметровую «косичку», повязал на тонкую, но прочную капроновую нить. Добыл из РД пару маленьких алюминиевых скоб и воткнул их на склоне холма таким образом, чтобы один колышек был посередине, а другой метров пять не доставал до тыльного от меня края. Один конец веревки я привязал к поясу и зацепил за колья — получилось некое подобие ременной передачи. Теперь «косичка» изображала мою голову, и если я поползу вперед, то пук травы будет двигаться в обратном направлении. Снайпер будет видеть только его и вынужден будет выбирать сектор для выстрела, исходя из конкретных деталей.

Проверив ход обманки, я пополз. Снайпер молчал. Это тоже было ожидаемо. Стрелок был опытный и не хотел зазря жечь патроны. Спокойно «зацелив» определенную точку, он ждал, когда мишень выйдет в зону гарантированного поражения, откроется полностью. Вопрос только в том, повелся ли он на обманку или по-прежнему держит мой сектор оврага как основной.

Подползая к склону, я сделал паузу, отвязал «косичку» и резко рванул шнурок на себя, одновременно делая бросок телом в направлении следующей цепочки холмов. Не таких высоких, но снайперу тоже некуда особо взобраться. Если он будет надоедать, то придется

снова замочить ноги и добыть этого умника для приватного разговора. Веревка дернулась, хлопнуло эхо выстрела. Снова купился.

Вынув ПДА, я вызвал на экран подробную карту местности, попутно сканируя эфир. Стрелок никого не звал на помощь, сидел тихо и за добычей идти не спешил. Умно. Либо будет ждать до окончания Выброса, либо засек обе подвижки и ждет, когда я расслаблюсь и проявлюсь тем или иным образом.

Сидеть он мог только в одном месте: группа холмов в северо-западном направлении подходила по расстоянию и высоте. Менять позицию он не станет, боясь пропустить мои перемещения или попасть под ответный выстрел. Последнее практически невозможно, но была слабая надежда, что противник не имеет четкого представления о том, сколько человек может сопровождать «мишень».

По «голосу», скорости перезарядки и временным промежуткам между выстрелами я примерно угадал модель оружия. Амеровский «Ремингтон-700»⁶⁴ — штатная винтовка снайперов морской пехоты. Надежное и сравнительно недорогое оружие. Но слишком медленное для скоростной стрельбы. Восемьсот метров — предельная дальность для базовой модели, но кто знает, что стрелок сотворил с ружьишкой? Гадать было некогда: в полуприседе я пошел в обход предполагаемой позиции стрелка. Упустив меня сейчас, он может пойти следом и второй раз уже будет бить наверняка. Его нужно было уничтожить, но для начала по возможности взять живьем и допросить.

Холмистая местность очень помогала мне в маневрировании. Сохраняя дистанцию в тысячу метров, я обошел позицию снайпера по левому флангу, попутно осматривая местность в монокуляр. Просветленная оптика не давала бликов, страхуя от обнаружения. Если стрелок и менял позицию, то я этого не обнаружил. С тыла его прикрывал чахлый островок лесопосадок, деревья были тонкоствольные. Иначе парень мог бы устроить мне веселую жизнь. Гонял бы меня от отметки к отметке, подводя под удачный выстрел.

Шестьсот метров до вершины первого холма. Зигзагами перемещаюсь к его подножию и ползком начинаю подъем. Снайпера с самозарядной винтовкой было бы труднее переиграть, но «самозарядки» не бьют так точно на критическую дистанцию, с которой началась дуэль. Стрелку пришлось бы выгадывать позицию метров на триста пятьдесят — четыреста. Лежки на вершине не было. Снова кольнуло плечо: он рядом. Медленно повернувшись на четверть оборота корпуса, я увидел его. Лежка была всего в пяти метрах от меня. Стрелок не был дураком и выбрал позицию не на самой вершине холма, а чуть приспустившись по склону. На снайпере был маскировочный костюм с нашитыми на него лоскутами ткани, скрадывающими силуэт. Я ходил в подобном, удобная штука, называется «Леший». Этот был расцветки «поздняя осень», и если бы снайпер не пошевелился, то быть бы мне с лишней дыркой в организме.

Поняв, что обнаружен, стрелок резко перекатился в сторону и, отбросив винтовку, схватился за тактическую кобуру на правом бедре. Я выразительно повел стволом автомата, давая понять, что не намерен давать ему шанса вынуть пистолет. Поняв это, стрелок поднял руки вверх. Настало время переговоров. Голос у моего «визави» звучал глуховато из-под маски:

— Думал, что упустил тебя. Хотел еще выждать и идти следом. Нужно было чуть раньше стрелять. Как ты почуял меня? — Акцента не было, манера речи, как у жителя средней полосы.

— На колени, руки за голову, голову вниз! — Длительная беседа в мои планы не входила. — Лечь на землю, ноги скрестить! Руки назад!

Стрелок подчинился, но в его движениях сквозило напряжение, свидетельствующее о том, что стоит мне ослабить контроль, и схватки не избежать. Стянув парню руки пластиковыми наручниками, приступил к обыску. Ничего особенного найти не удалось: два

⁶⁴ Ремингтон 700 — снайперская многоцелевая винтовка.

метательных ножа, «беретта» с «родным» ПБС и два запасных магазина к ней. Три армейских рациона, ПДА и два артефакта в контейнерах на поясе. Пистолет я разобрал и выкинул. Обе обоймы отправились в «прыг-скок», что был неподалеку. Винтовку и боекомплект пока отложил в сторону. Прибрав трофеи и припасы снайпера в свой РД, я приступил к допросу.

— Кто ты сам и под кем ходишь, меня не интересует. Вижу, что служил, знаю, что иллюзий не питаешь. Так что торг пойдет только за быструю смерть. Меня интересует, сколько на пути «комитетов по встрече», их численный состав и оснащение. Скажешь все — умрешь быстро. Мы поняли друг друга?

Стрелок кивнул и начал излагать. Согласно его истории, Клей, застрывший в заброшенном городе, не решился на переход перед самым Выбросом. Был объявлен «открытый ордер», когда любой наемник мог попытаться счастья в охоте на меня. Вызвались только мой «визави» и одна команда из пяти человек. Кто они, стрелок толком не знал: пришли двое суток назад с базы «сечевых». По замашкам — армейские, скорее всего американские рейнджеры. Экипированы по последнему слову. На вооружении FN-2000,⁶⁵ снайпер (винтовка зачехлена была, не видел, что за «ствол») и пулеметчик с десантным «Minimi».⁶⁶ Серьезный народ. Легендируются под наемников, но регулярно связываются с кем-то по спутниковому телефону, что легенду несколько подмывает. Все прояснилось. Остались только мелкие детали:

— Выходили вместе или порознь?

— Порознь: пиндосы вышли на пять часов раньше, стерегут тебя скорее всего напротив второго аванпоста «Обелиска». Там какие-то постройки: трехэтажное здание с галереей. С нее простреливается единственный подход к опушке Ржавого леса. В другом месте не пройдешь — аномалии и радиоактивные плечи образуют статичный лабиринт. Выброс меняет только его внутреннюю структуру. Сам лабиринт стоит на месте и тянется километра на два — два с половиной... — Парень нервно сглотнул и попросил:

— Слышь, о себе не прошу. Передай жене мой ПДА, там номер счета, пара контактов полезных. Она у меня одна осталась. Я все честно рассказал. Дай слово, что не закрысишь «бабки», и я расскажу еще кое-что... — Предложение было ожидаемым, я провел уже не один такой допрос и точно мог сказать по поведению пленного, чего он добивается. Этот хотел отпущения грехов.

— Сам понимаешь: я ведь могу и не дойти. Тогда сгину сам, и твоя жена останется ни с чем. Гарантий, кроме моего слова, никаких.

— Мне достаточно. Так как?

— Слово. Если выберусь — все передам из рук в руки. Лично или через надежного человека.

— Верю. Теперь слушай: пиндосы не знают, что это здание с сюрпризом. Сектанты часто навещают его первый этаж. Там у них схрон. Но какой-то странный: вход в него вроде как заминирован, кругом датчики. Но если специально не искать, то фиг найдешь. Кинь гайку, заставь «сторожок» сработать, и через полчаса придет тревожная группа «братьев». Пока они с американцами будут играть в царя горы, у тебя будет шанс уйти тихо, без стрельбы. Тайник обозначен у меня на карте. Пароль — 89н76990.

— Мое обещание в силе. Выберусь — найду способ передать данные твоей супруге. Прощай. Ты хороший воин, мне было трудно и интересно биться с тобой.

— Прощай. И... спасибо.

⁶⁵ FN F2000 — автомат (штурмовая винтовка) производства бельгийского концерна «Герсталь». Магазин — 30 патронов.

⁶⁶ Имеется в виду американский FN Minimi SPW — Special Purpose Weapon, вариант для сил специальных операций, облегченный, с направляющей типа Picatinny для установки оптических и ночных прицелов.

Труп я не бросил в аномалию, а выкопал глубокую и добротную могилу на вершине того же холма, положив парню с собой его винтовку. Соорудил плетеный крест из толстых веток ивы. Скрепленный проволокой, он еще долго не поддастся непогоде и времени. Приладив РД за спиной и взяв автомат поудобнее, я быстрым шагом отправился к зданию, о котором рассказал покойный наемник.

Лабиринт, о котором говорил снайпер, называли «бегловкой». В честь какого-то местного корифея от науки, погибшего при невыясненных обстоятельствах на Янтаре. Покойный ученый первым открыл эту аномалию и вывел ее примерную структуру. Он же доказал неизменность ее внешних границ и склонность к внутренним трансформациям после каждого Выброса.

Карта с ПДА наемника была довольно подробной, были обозначены и аванпосты сектантов (в этом районе их было три: два уже известных мне и один чуть ли не на границе Ржавого леса, составленный из трех бытовок и одной сторожевой вышки из металлического профиля). Тайник «братьев» находился в полуподвальном помещении искомого здания. Скорее всего, это была какая-то промышленная постройка, заброшенная после событий на станции. Галерея уходила в никуда и просто обрывалась, упираясь недостроенным краем в лесную опушку. Вот по ней-то или прямо под ней можно было проникнуть в Ржавый лес, минуя «бегловку» и посты сектантов.

Временной разрыв у нас с группой амеровских рейнджеров был приблизительно часов в пять-восемь. С поправкой на их свежие силы и знание местности, скорее всего, они успеют подойти к комплексу раньше, чем я их увижу. Успеют осмотреться и закрепиться внутри. Дно оврага и склоны под галереей, естественно, заминируют. Я бы поставил простые сигналки, чтобы обозначить место прорыва. Совершенно незачем насыщать место вблизи НП осколочными минами: они знают, что я иду один и налегке. Достаточно будет меня выследить и попытаться взять живьем.

Вообще, цивилизация и пристрастие ко всему навороченному и дорогому реально портили жизнь «джедаям»,⁶⁷ где бы они ни несли «свет демократии»: что в Афгане, что в Ираке. Без своих электронных примочек, тыркаясь, словно слепые котят, амеры вызывали откровенную жалость. Даже у некоторых своих противников. Вот и сейчас, я думаю, поставят кучу датчиков, развернут периметр, посадят часового за монитор. Другой будет ходить вокруг, а остальные завалятся спать. Рассчитывать на конкретно такой расклад я не стал, противника нужно уважать, но сомнения по поводу бдительности наемников все же оставались. Были и там крепкие парни, способные сидеть по маковку в дерьме и жрать всякую дрянь ради одного-единственного выстрела или красивого фейерверка на чужой военной базе.

В любом случае, моя миссия сводилась к незаметному проникновению в полуподвальный этаж постройки и меткому броску какого либо предмета в сторону схрона сектантов.

Времени до Выброса оставалось все меньше. Тошнота и резкие приступы мигрени становились чаще и болезненнее. Как ни странно, выручала очищенная «моллюском» вода. Боль почти сразу отступала, но воды оставалось совсем немного, еще глотков десять, не больше.

Небо было застлано тяжелыми свинцовыми облаками, то и дело моросил дождик, от чего дозиметр начинал чуть сильнее потрескивать. В местной воде и почве было полно всякой радиоактивной гадости, и она, согласно законам природы, совершала полный круг из земли в небо и с неба на землю. Комбез довольно неплохо защищал от этих мелких неприятностей, прокладка из местного абсорбента надежно нейтрализовывала вредные осадки, не давая им проникать непосредственно к телу. По сути этот материал являлся своеобразным трансмутом и производился здесь, в Зоне, кланом «Алхимиков». Засев далеко

⁶⁷ Ироничное прозвище американских рейнджеров в среде российского военного сообщества.

на болотах, эти отчаянные ребята проводили опаснейшие эксперименты по выведению новых видов артефактов. Что они искали на самом деле, можно было узнать только с помощью огромного штата аналитиков. Ясно было, что и «паутинка», и этот абсорбент «ржавая губка» являются побочным продуктом, как впрочем и многое другое из товаров «Алхимиков», появляющееся на рынке.

Участки лесопосадок становились все чаще, уже можно было разглядеть темную полосу опушки Ржавого леса. А чуть правее, километрах в двух, виднелась зловещая махина Радара. Я был почти у цели.

Стоп! Тонкая нить в траве. Осторожно опускаю занесенную для шага ногу и опускаюсь на корточки. «Сигналка», и довольно свежая: поставлена около восьми с половиной часов назад. Трогать ее не будем. Обойдем стороной. Импортные охотники за головами могли поставить какой-нибудь хитрый «сторожок», который даст хозяину знать, что мину кто-то снял. Пойдем дальше. А вот и следы. Не четкие, правда, но можно сразу сказать, что настоящие: парни ступали след в след, от чего кайма отпечатков стала многослойной. Наемники были прилично нагружены: каждый пер килограммов по сотне на брата. Но шли они бодро, скорее всего, сидят уже внутри здания. По следам выходило, что по мою душу вышло семь человек. Но снайпер говорил о пяти. Соврал? Нет, не похоже. Тут же хлопнул себя по лбу: во дурень! Забыл про первое амеровское правило: подставь местного. На самом деле, тактика неплохая, перенятая «джедаями» еще у английских морпехов времен колониальных завоеваний XIX века. Тогда британцы включали в состав поисково-разведывательных групп по несколько человек из местных жителей. В группу из пяти человек было логично взять двоих местных и распределить их между своими бойцами. Так гораздо легче контролировать малознакомых аборигенов, да и потеря туземца не снизит существенно общую боеспособность группы. Кроме того, повышается качество поиска: местные хорошо знают обстановку, владеют туземными наречиями и если натолкнутся на кого-нибудь из своих, смогут поддержать разговор, чтобы выиграть время для принятия решения.

Видимо, так было и на этот раз: хоть следы и перекрывали друг друга, но рисунок подошвы у всех наемников совпадал. Аборигенов даже могли экипировать за свой счет (как правило, в бюджете любого подразделения разведки на этот случай предусмотрена особая статья расходов). Определив направление движения вражеской группы, я принял вправо и пошел параллельно ему. Этот маневр давал мне возможность чуть повысить скорость движения и избежать ловушек, оставленных опытными рейдерами. Другое дело, что подобный фокус можно проделывать, только если точно известен конечный пункт назначения. В противном случае пришлось бы медленно ползти еще часов десять-пятнадцать, отвлекаясь на осмотр маршрута на предмет растяжек или засады (иногда на пути следования могут оставить рабочую пару: караулить преследователей). Быстрым шагом я прошел уже шесть с половиной километров, выбирая островки редкого кустарника и отдельно стоящие группы деревьев. Искомое здание я увидел с правой стороны, на северо-востоке.

Искать подходы с безопасных направлений было бессмысленно: скорее всего, там стоят растяжки или еще того хуже. Обязательно поставлены датчики слежения. На сравнительно небольшом расстоянии такие системы в Зоне могли работать. Амеры любят комфорт, поэтому они не только выставят человека — наблюдателя, но и подстрахуются техникой мониторинга обстановки. Пойди я к зданию сейчас, непременно зацеплю что-нибудь. А там меня тихонько и примут: соотношение один к семи — это верный залог успеха.

С самого начала я планировал пойти через «бегловку». Взвесив все «за» и «против», я пришел к выводу, что риск сопоставим при любом из вариантов движения к зданию. В одном случае, это аномалии, а в другом — настороженный и готовый к нападению многочисленный противник. В случае с людьми варианты многочисленны и уверенности в успехе полной нет. Если же пойти через аномальный лабиринт, можно застать амеров врасплох. Привычка к

стандартным схемам и слепая вера в технику — самые уязвимые места иноземных войск. Творческая мысль и выдумка, прививаемые и культивируемые в России веками, ими не признаются и сознательно выхолащиваются. В таком подходе к проблеме имеются свои плюсы и минусы: с одной стороны — риск потерять людей в ходе операции ниже, но с другой — число решаемых спецподразделениями задач несколько сужается.

На этом и строился мой основной план: выйти к зданию со слабо охраняемого направления, проникнуть в полуподвал, на шуметь и тихонько уйти через недостроенную галерею. Шум, естественно, поднимется большой, но меня уже там не будет. Я снова улыбнулся под маской.

В глубину «бегловки» я решил не ходить, пройдя по ее северо-восточной оконечности, с таким расчетом, чтобы выйти точно к середине здания. Настроив детектор на поиск аномалий и включив маршрутизатор, я двинулся к лабиринту.

«Прыг-скок»... два метра в сторону, четыре шага вперед. «Звездочка», судя по интенсивности разрядов — самый край.... Тревожный, частый писк датчика! Опа: узенькое окошко, между краем «звездочки» и еще одним «прыг-скоком». Гаек уже мало. Надо подбирать... Прошел.

Двигался я по кривой тропке и едва не сгорел от плазменного огня «огневки», а в другом месте меня чуть не разорвала «карусель» невероятных размеров и интенсивности вращения. Уже окончательно стемнело, колени начали дрожать, а глаза резало от напряжения: тусклый свет ноктовизора просто стал помехой. Пришлось идти вслепую. Как ни странно, но полегчало и путь нашелся как бы сам собой. Снова «звездочка»! Еще, и еще одна! Тупик. Спокойно, так: вот оно. Место такое узехонькое! Это все равно, что протискиваться меж двумя стенами близко стоящих друг к другу домов. РД и автомат пришлось взять в обе руки и нести, плотно прижав к бокам. Ну, давай, кончайся уже!.. Проскочил. Сколько это было? Пятьдесят три метра. Всего пятьдесят три.

Выбрав холмик и осмотрев его на предмет всякого, я опустил на землю, зарывшись лицом в желто-бурую осеннюю траву, пахнущую дождем, сыростью и немного гарью. Восхитительный запах безопасности. Десять минут отдыха — и вперед.

Осмотрев заднюю часть здания, я нашел место, где будет нетрудно взобраться по стене и влезть в окно второго этажа. Страхуясь, я не стал идти по легкому пути. Да, с этой стороны могут не выставить постов, но растяжки или датчики на окна первого этажа поставят обязательно. Педантичность не раз выручала амеров, но на этот раз это им не поможет: насколько я знаю сектантов, свои игрушки они никому не отдадут.

«Кошка», звякнув, зацепилась за бетонный край окна (дело у строителей не дошло до оконных пакетов), веревка натянулась. То и дело замирая и прислушиваясь, я поднялся на второй этаж. Включив маршрутизатор, вызвал поэтажный план здания. Так... Вот и искомый тайник, от него меня отделяли четыре лестничных пролета, узкий коридорчик, и вот она — пещера с сокровищами.

Наемники должны были все осмотреть, но за столь короткое время во все углы не заглянешь. Однако посты выставили, и один часовой должен быть где-то недалеко от главного крыльца здания, а остальные сосредоточены в районе первого и второго этажей. Снайпер или на крыше, или вне здания, контролирует периметр. Не знаю, как именно они направили мины и сигналки. Глянув на общую схему, можно было бы точнее сказать, где и кто сидит...

Ага, вот и часовой. Грамотно устроился: не возле окна, отошел в глубину вестибюля, соорудил лежку. Теперь контроль полный, как за самим помещением, так и за секторами вне него. Интересно, когда была переключка? Нет, не пойдет: снять часового не составляло труда, но если переполох начнется раньше времени, то сюрприз будет испорчен. Двигаясь в такт завываниям ветра, я, не выпуская часового из виду, зашел в закуток под лестницей и... переступил через растяжку. Уважаю, ребята. Ноктовизор вдруг начал сбивать: изображение, и без того размытое, запорошило штрихами помех. Снял, быстро присел и зажмурился. Темень была полнейшая, и я рискнул воспользоваться фонариком. Маленький, с узконаправленным

лучом, он высветил небольшой коридорчик, груды битых кирпичей и небольшую дверь впереди. Прямоугольник двери тайника был обит железным листом, а на петлях под ручкой болтался новенький амбарный замок.

Причина, по которой наемники не вскрыли дверь раньше меня, была ясна: тайник «Обелиска» сторожила аномалия. Но не обычная. Это был «живец», пакость которого заключалась в том, что он реагировал только на людей. Присутствие добычи он ощущал метров с десяти, но действовать начинал лишь тогда, когда человек подходил метров на пять. Выдавали его характерное ржаво-рыжее пятно в виде буквы «Ж» и скачущий радиоактивный фон. Детектор аномалий поле «живца» не улавливал. Человек, попавший в такую ловушку, мгновенно растворялся в воздухе, оставляя после себя только «несъедобные» для аномалии вещи, в основном металлические и пластмассовые. Еще одна загадка в копилку необъяснимых фактов: кроме аномалии не было других сторожевых приспособлений. Неужели сектанты научились управлять аномалиями?... Теперь понятно, почему наемники не потревожили тайник: коридор был слишком узким, аномалию обойти не удалось. Решили не рисковать.

Но как же быть? Ведь «живец» на кирпич не среагирует, только на человека или... Я вынул из кармашка на поясе индивидуальный пакет, разрезал пополам и, приспустив комбез, рассек кожу на плече, тут же поднеся к ранке вторую половину бинта. Равномерно надавливая на рану, смочил кровью, скатал в шарик. Засыпал ранку антисептиком и заклеил пластырем.

Мне приходилось проделывать такой фокус лишь один раз, на учениях, когда возникла необходимость стряхнуть группу преследователей условного противника. Дело было летом, и я, осматриваясь, обнаружил, что зашел на охотничью территорию рыси. Коллеги из батальона разведки внутренних войск очень не хотели меня отпускать (по легенде, я был ушедшим в побег уголовником). Я оставил рядом с логовом зверя кровавый кусок тряпки и зашел в тыл группе преследователей, сделал петлю и ушел в сторону. Рысь, почуяв у логова кровь, пошла по моему следу и еще две ночи подряд донимала моих коллег порванными рюкзаками и испорченными ботинками. Не решаясь открыто напасть на людей с оружием, зверь просто решил напакостить, чтобы заставить людей уйти. Пока мои преследователи занимались зверем, я благополучно оторвался и вышел в точку условной эвакуации.

Но здесь такое может и не получиться: зверь несомненно умнее природного явления. А ограниченность функций иногда срабатывает на пользу владельцу: ловушка может реагировать на живой разум, а не на кусок кровавой тряпки. Скатав шарик, я изловчился и бросил его в центр аномалии. Сначала ничего не происходило, но вот комочек приподнялся над полом и, быстро вращаясь, истаял в воздухе.

Счетчик радиации тревожно застрекотал, стены коридора и сама дверь бледно засветились неоновым-синим светом. Ждать. Ждать и не двигаться! Заработал сканер: один короткий пакетный сигнал. Источник находился ЗА ДВЕРЬЮ. Намек понял. Погасив фонарь, я выбрался из-под лестницы и глянул на часового: он продолжал осматривать сектор прямо перед собой.

Сойдя на второй этаж, я проверил крепление и спустился по веревке вниз. Уже не спеша, пошел вдоль границы «бегловки». Нужно было найти место для НП и посмотреть, что получится. Особых иллюзий я не питал: возможно, сектанты, обнаружив засаду, решат отложить встречу на время после Выброса. В этом случае придется идти напролом: амеры могут затаиться в здании, а я и так буду мертв. Если «Обелиск» никого не отправит в течение часа, войду в здание и проложу себе дорогу к галерее. Шансов мало, но они есть. А вот против Выброса они точно близки к абсолютному нулю.

НП я выбрал на юго-западном склоне холма, в ста двадцати метрах от здания, забравшись в густые заросли шиповника и тем самым немного прикрыв себя с тыла. Поставил на всякий случай пару растяжек. Положив автомат рядом и достав монокуляр, я принялся ждать, попутно изучая обстановку. Ого! Снайпер разместился на верхнем перекрытии галереи, замаскировавшись в куче палой листвы и строительного мусора.

Камуфляж позиции был на пять из пяти возможных, но ствол, обмотанный тряпками, все же можно было увидеть. Пулеметчик сидел на плоской крыше главного здания, оборудовав себе позицию среди бетонных конструкций. И очень удачно покрывая две трети оборонительной сферы. Непонятно, почему снайпер не выбрал позицию в лесу; кто бы ни напал на отряд, вычислит стрелка после второго же выстрела. Ладно, подождем пока с вопросами.

Прошло двадцать минут, но все оставалось по-прежнему. Стало совсем темно, но вдруг облака рассеялись и показался ненормально огромный диск Луны. Серебристый свет, как на негативе, высветил здание, деревья близкого уже Ржавого леса и... тени. Со стороны третьего аванпоста сектантов двигались тени. Даже если бы у бойцов «Братства Обелиска» был адаптивный камуфляж, такого эффекта достигнуть бы не удалось: в лунном свете я отчетливо наблюдал выход на позиции для штурма очень странной боевой группы. Виден был только неясный силуэт с нечеткими границами, но сами движения говорили, что это именно камуфляж. Только какой-то новый. Всего я насчитал девять бойцов, трое пошли с фронтальной стороны здания, трое двинулись влево. Еще одна тройка рассыпалась, и бойцы заняли позиции на склонах холмов, а один из них ловко взобрался на кряжистое, толстенное дерево. Снайперы.

Уверенность штурмующих впечатляла: не тратя времени на обходные маневры и разведку, сектанты шли напролом. В том, что это сектантский патруль, сомнений не осталось, слишком мало времени прошло с момента, как я стронул их «сигналку» в подвале. Пришлось отключить сканер: ребята скоро включат подавители радиочастот, чтобы затруднить координирование действий противника, а я не хочу повредить уши — вой будет страшный.

Первым заметил нападавших пулеметчик наемников, но ему удалось лишь передернуть затвор: там, где было его тело, образовалось кровавое месиво. Не знаю, что за боеприпасы были у снайперов «Обелиска» и что это было за оружие, но от человека осталось не много. И все это без единого звука: обычный шум ветра, чей-то вой вдалеке, треск сучьев...

Потом, почти одновременно, в двух местах левого и правого крыла здания, на уровне второго и третьего этажа, взбухли и опали вниз бетонные плиты наружной стены. На этот раз я уловил еле слышный стрекот. В ответ раздался только один выстрел с перекрытия галереи: снайпер наемников или увидел какую-то цель, или просто запаниковал. И тут же разделил судьбу пулеметчика, только на сей раз огонь велся с двух сторон, и от тела осталось еще меньше. Из вестибюля ударил автомат часового, но тут же, захлебнувшись, умолк. Видимо, его хозяин разделил участь своих товарищей. Потом послышалась спорадическая пальба внутри здания, но через пару мгновений все стихло. Чистая работа, хотя исполнители были просто лучше вооружены. Даже если бы они втрое превосходили нас численно, но были вооружены чем-то обычным, такой лобовой штурм закончился бы для них плачевно: командир наемников расположился грамотно и выбить его оттуда, даже при неожиданном нападении, было трудновато.

Наконец удалось разглядеть нападавших: все были одеты в тяжелые экзоскелетные БЗК с глухими шлемами, полностью скрывающими голову и лицо. Оружие чем-то напоминало FN-2000, но было массивнее с толстым глухим кожухом ствола там, где у бельгийского автомата дульный срез, и более коротким, прямым магазином. С холмов спустилась снайперская группа. У двоих оружие отличалось от относительно коротких автоматов остальных сектантов наличием более длинного ствола и массивным прицелом. А вот третий меня заинтересовал особо: его оружие еще не успело остыть, и срез ствола слабо светился. Внешне оно напоминало компактный гранатомет револьверного типа, но с более длинным стволом и массивной нашлапкой компенсатора. Наверное, это и был гранатомет, с помощью которого удалось обрушить стены на этажах.

Покрутившись вокруг и еще раз осмотрев здание, сектанты подтвердили одно из моих предположений. Четверо бойцов вынули из рюкзаков небольшие, с теннисный мячик величиной, контейнеры и методично покидали их по периметру здания и где-то внутри него. Пространство в тех местах, где «мячики» касались грунта, чуть подрагивало. Аномалии были

заклочены в контейнеры и использовались как простые мины. Оригинально. Потом все построились в колонну по одному и быстрой рысью направились в сторону аванпоста.

Как только все эти герои Зоны пробирались, избегая встречи с такими «обломами», к Исполнителю желаний, да еще потом рассказывали об этом?.. Для меня стало очевидным: никто никуда не ходил. Это просто невозможно. В картине минувшей стычки меня смущал ряд обстоятельств: почему снайпер расположился на галерее, если высокая линия деревьев перекрывала ему обзор, по крайней мере по двум вероятным направлениям атаки. Логичнее было выбрать позицию там, где сидел я: возможно, в этом случае динамика боя была бы иной. Другой вопрос: почему не сработало минное поле, а ведь оно просто обязано было быть поставлено?

Я спустился по склону холма и осторожно приблизился к недостроенному зданию. Сектанты не стали убирать трупы или калечить оружие. Странности начались почти сразу: тяжелые и массивные с виду бойцы «девятки» — так для простоты я про себя окрестил бойцов «Обелиска» — оставляли на земле очень неглубокие следы. Более того: я не обнаружил ни одной стреляной гильзы от «чудо-оружия» сектантов. Слышать про безгильзовый боеприпас мне приходилось, но конструкция была порочна в самой сути, так как пороховые боеприпасы забивали механизм, а ничего другого научная мысль в скольконибудь приемлемом варианте еще не изобрела. Ходили разговоры, что когда-нибудь эту проблему решат, причем в Америке... Непременно в Штатах. Но факт остается фактом: гильз не было, а кругом украинская радиоактивная пустошь. Явно не Канзас или какое-нибудь Колорадо.

Значит, вот как было: два выстрела из гранатомета уничтожили четверых наемников. В мешанине из останков ничего толком уже нельзя было разглядеть. После этого двое бойцов «девятки», не останавливаясь и не снижая скорости, вошли в вестибюль. Затаившийся часовой вскинул автомат, но выстрелить не успел: камуфляж сбил его с толку, помешав принять верное решение, и короткая очередь, которую я слышал, прошла потолок вестибюля. Плотность огня по мишени была такова, что парня просто разорвало в клочья — целой была только нижняя, начиная с пояса, половина тела, остальное превратилось в мелкие ошметки, разбрызганные в радиусе пяти метров. Я подошел к стене и, достав нож, выковырял пулю из стены. Она засела весьма глубоко и была похожа на шарик, приблизительно пятимиллиметрового диаметра, из какого-то твердого сплава, так как практически не деформировалась в момент соприкосновения с преградой. Я положил пулю в карман разгрузки — кто его знает, когда и что пригодится?

Так, продолжим разбираться. Бойцы стали зачищать здание, прочесывая этаж за этажом, заглядывая в каждую комнату. В третьей от входа на третьем же этаже комнате их встретил, по-видимому, командир наемников. В отличие от своего подчиненного в вестибюле, тот сразу открыл огонь (именно его я слышал даже с холма). Но верный, по сути, ход результатов не дал: пули срикошетили от стен и... от брони штурмующих. Я положил две смятые в лепешку бронебойные «пятерки» в тот же карман, что и сектантский снаряд. Раны командира были чуть менее страшны, чем у его товарищей. Его просто разрубило очередью пополам. Стрелял только один сектант.

«Братья» не тронули ПДА: коммуникатор был весь заляпан кровью, но в приемник карты памяти ни капли не попало. Я вынул ее и скопировал содержимое, потом стер все с носителя и вставил обратно, придав устройству прежнее положение. С незащищенными данными разберемся позднее, ну а с зашифрованными попрошу повозиться какого-нибудь спеца.

Случившееся со снайпером я уже видел. Не хотелось смотреть на это снова, да еще вблизи. Пройдя по галерее, я по веревке спустился вниз. Подошвы мягко стукнулись о землю, устланную мокрым ковром из палых листьев и хвои.

Я достиг Ржавого леса. Полдороги было за плечами. Я отстучал Одесситу, что груз в безопасности и ориентировочно через неделю товар будет у него на складе. Ответа ожидать не стал, сразу же оборвав соединение.

Через полчаса я отправился в путь. Теперь дорога была свободна и я надеялся добраться до Кордона раньше, чем меня накроет Выброс. Пути по ночному лесу я не опасался: Даша оставила мне подробный маршрут, по которому я минуя охотничьи уголья сфинксов и в хорошем темпе, часов за двенадцать, выйду к их с отцом усадьбе.

Впечатления от леса были болезненные: от пожухлого кустарника до последней травинки Ржавый лес не был «мертв». Жизненная сила деревьев ушла и затаилась где-то в сердцевине каждого ствола и глубоко в корнях. Почерневшие и местами причудливым образом перекрученные деревья как бы замерли в напряженных позах. В обычном лесу бывает нечто подобное, когда наступает зимняя стужа и стволы звенят от мороза. Кажется, что жизнь деревьев сконцентрировалась где-то у корней и силится не поддаться холоду и смерти. Ресурсов обычно хватает, и потом они мирно спят. Случайный путник, оказавшись в таком лесу, не может охотиться и вообще что-либо делать, стоит ему лишь на минутку остановиться и вслушаться в мерное дыхание деревьев. Но здесь было иначе: страх и беспокойство, казалось, навеки поселились в каждой травинке и каждом кусте. Жизнь из последних сил цеплялась за каждое деревце и... проигрывала. Смерть уже поработила все вокруг, но включился какой-то древний, самый потаенный механизм выживания, и все замерло, не умирая, но и не возрождаясь новыми побегами и зеленым цветом. Лес стоял, не победивший страшную заразу, но и не побежденный. Затаившийся, ждущий одному ему известного часа, он выжидал.

Слежку я ощутил не сразу, но понял, что за мной идут. Можно сколько угодно сдерживать шаги и красться, но мелодию леса очень легко нарушить, и фальшивая нотка всегда себя выдаст. Преследователей было трое или четверо, и они встали на след около часа назад. Причин могло быть несколько: или это бандиты, потерявшие страх настолько, что забрались в опасную область в поисках приключений на свои не очень удачливые филейные части, или это рейдеры одной из группировок ищут убежище на время Выброса. Могло быть и хуже: сектанты выставили заслон в лесу, и хотя мне удалось его миновать, след мой они все же обнаружили и спешат свести со мной знакомство.

То, что это мог быть зверь, я исключил с самого начала: зверье практически никогда не нарушит музыку леса так, чтобы это смог определить на слух человек, даже очень опытный. В искусстве маскировки даже очень умелый «лесовик» не превзойдет обычную куропатку, на которую, пока не наступишь, не увидишь ее ну никак.

Сменив направление, я ускорил шаг, стараясь обойти преследователей сначала по флангу, а затем выйти им в тыл. Так мы кружили почти до четырех часов утра: ребята описывали дуги за мной, не желая подставиться. Каким-то образом они «читали» мои маневры, сокращая дистанцию. Выходит, боя не избежать. Но в таком случае лучше встретить их не сильно уставшим, чтобы сохранить силы для маневра.

...Ву-ух! С треском рухнуло в полуметре слева от меня переломленное поперек старое дерево. С правой стороны вспухла от взрыва земля, меня мотнуло в противоположную сторону и шмякнуло о землю. Звuka не было вообще: от близкого разрыва заложило уши. Я откатился под прикрытие поваленного дерева. Метра три в длину, изъеденная жучками, трухлявая колода — вряд ли она могла меня защитить. Перекатившись вправо, я выглянул из-за остатков корневища: так и есть — сектанты.

Четверо бойцов, не таясь, шли цепью, держа оружие стволами вниз. «Девятка» каким-то образом выследила меня. Скорее всего, если бы я не сунулся на место боя и не пошарил там в поисках истины, то ушел бы чисто. Командир «девятки» был очень хитер: показав, что все ушли, он оставил наблюдателя, который меня и срисовал. Так бы поступил я сам, не будь ограничен во времени и имея задачей патрулирование определенного района. Похоже, Выброс этим «унисолам» был не страшен или они относились к своей жизни столь пренебрежительно, что могли ее разменять на мою без колебаний. Один из них чуть приподнял оружие, и перед моим носом взметнулся целый вал земли и листьев. Меня хотели взять живьем. Нет, граждане, не дамся!..

Перекинув автомат с плеча на шею, я сменил позицию и, привстав на колено уже с

другого края дерева, дал две прицельных очереди по ближайшему противнику. Сектант дернулся — расстояние было метров сорок — но продолжал идти, «вернув» очередь. В падении я успел дать очередь ему по ногам. Сектант рухнул и... Опершись о землю поднялся, хромая, продолжал идти вперед! Его друзья поддерживали друга огнем, разнося мое непрочное укрытие в мелкую пыль. Еле удалось перекатиться в заросли шиповника, а потом укрыться за другим деревом.

Тридцать метров... Вынул РГО и подкинул его прямо под ноги нападавшим. Взрыв и визг осколков. Но ожидаемого результата не последовало. Вернее, упал и не поднялся сразу только один. Остальные лишь чуть замедлили шаг, вновь согласованно ударив из всех стволов по моей позиции. Северный зверь писец уже скалил свою ехидную морду в приглашающей к знакомству ухмылке. Звон в ушах и соленый привкус крови во рту подсказывали, что я контужен и, возможно, получил небольшой осколок в правое плечо.

Двадцать метров... Бросил вторую гранату и кинулся наземь. Уже лучше, но РГО больше нет, а от «эфки» они уйдут. Несмотря на серьезные ранения от осколков двух моих гранат, сектанты в полном составе продолжали мерно идти вперед, сохраняя двадцатиметровую дистанцию. Двое раненных мною чуть отстали, но не переставали стрелять, укладывая очереди вокруг меня. Мельком глянув на карту, я понял, что меня отжимают к границе леса, видимо, приготовив мне «теплую» встречу на территории, подконтрольной сектантам. Вставив очередной магазин в автомат, я понял, что отступать больше нельзя, и прицелился в голову ближайшему бойцу. Но что-то изменилось: за спинами сектантов мелькнула прозрачная фигура, и один из бойцов лишился головы. Мгновенно оценив обстановку, остальные трое обернулись назад. Дальнейшее произошло почти неуловимо для глаза: новый противник сектантов использовал их как прикрытие, не давая пускать в ход оружие. Вот еще один боец остался без головы, а другой мгновением позже потерял правую руку.

Помощь пришла, откуда не ждали: мой побратим каким-то образом узнал о той хреновой ситуации, что начала складываться минут десять назад. В том, что это был Охотник, сомневаться не приходилось: желтые глаза кровохлеба — это его фирменный знак при нападении. Сектанты быстро сориентировались, и в их руках появились пистолеты, чем-то напоминающие электродрель. О мощи нового оружия свидетельствовали дыры диаметром сантиметров десять-пятнадцать, которые оставались в стволах деревьев.

Нужно было вмешаться. Сектанты уже разобрались в ситуации и начали действовать по заранее отработанному на подобный случай плану. Их осталось всего двое, причем один, лишившись руки, просто чуть замедлил ход: кровь, поначалу хлеставшая из обрубка мощной струей, теперь перестала течь, а обрубок заполнила какая-то быстро застывшая желтая пена.

Разойдясь друг от друга метров на пять, бойцы старались обойти кровохлеба с двух сторон, и пока один отвлекал внимание мутанта, методично выпуская в него заряд за зарядом, второй достал из недр костюма небольшой комочек тонкой сетчатой ткани. Он хотел бросить сеть.

Пользуясь тем, что все про меня забыли, я поднял автомат и выпустил прицельно очередь в пять выстрелов. С такого расстояния у сектанта шансов не было. Но... Теперь я понял, как работает защита бойца «девятки»: это был не какой-то прочный сплав или материал, это был артефакт. Или их удачно подобранное сочетание: все пули он не остановил, вспыхнуло слабое голубоватое свечение вокруг места попадания, и голова сектанта дернулась. Из пяти пуль к цели прорвались только две. Но этого оказалось достаточно, чтобы он выронил сеть, а в шлеме появилось два сквозных отверстия, быстро заполнившихся кровью. Однако он успел повернуться ко мне и выстрелить с другой руки. Мощный толчок в правую сторону груди отбросил меня назад, и в глазах потемнело. Ну, здравствуй, писец. Вот и свиделись наконец-то...

...Тьмы не было, как, впрочем, и света. Боль, страх и ярость схватки остались где-то там, в мире без полутонов и неясных фигур. Сначала я видел серое небо Зоны отчуждения, перечеркнутое ветвями мертвых деревьев, потом пелена заволочла все вокруг. Жизнь закончилась. Приходило забвение.

При жизни я никогда не видел снов. Вообще по воспитанию я был чужд всякого рода мистики, но если бы хотел увидеть нечто, то явно не то, что мне показывали: я видел цех.... Нет, зал с пустыми бассейнами, облицованными когда-то белым кафелем, сейчас отставшим и тусклым. Чуть выше располагался большой сферический объект, весь в круглых, равномерно рассыпанных по его поверхности отверстиях. Это был сердечник реактора взорвавшегося энергоблока.

Я все еще находился в Зоне, душа, если она есть, видимо, прикипела к этому месту, не желая отправляться еще куда-то. Чуть в стороне от сердечника имелась техническая ниша размером с небольшую комнату. Там, на постаменте из какого-то красноватого камня, высился Монолит. Это был столб из желтовато-белого камня, похожего на некоторые виды кварцевых минералов, он напоминал кристалл, высотой метров десять и в пол-обхвата толщиной. Мягкий желтоватый свет исходил от него. Так было недолго: вот в поле моего зрения появился человек. Волоча в одной руке рюкзак, а в другой держа потертый короткий автомат, он подошел к некоему дрожащему в воздухе образованию и, помедлив, вошел в него. Голубая яркая вспышка, и он уже на верхней галерее; балансируя на ржавом швеллере, перебрался на ту сторону, что вела к нише с артефактом. Прошло совсем немного времени, и человек появился возле постамента, на котором стоял кристалл. Я услышал голос. Притворно-ласковый баритон с южнорусским акцентом сверлил мне мозг и заявлял, что знает, чего я хочу. Звал к себе, дабы исполнить любое мое желание. Но я его не слушал, сквозь слова назойливого голоса слышалась тихая, печальная мелодия, напоминавшая мелодичный перезвон колокольчиков, шум прибоя, ласковый шелест зеленой листвы и звон детского смеха. Монолит пел. Неожиданно мелодия стала словами. Нет, не совсем словами, но все стало понятно: появившись здесь, кристалл стал общаться с людьми. Все они хотели разного, и кристалл им помогал, в точности исполняя сокровенные желания каждого. Но не все были довольны. Многие хотели невозможного, а некоторые — просто опасного для себя и угрожающего самому кристаллу. Таких он выгонял, но так было недолго. Пришли люди, обставившие кристалл непонятными приборами, и он понял, что теперь не может делать так, как нужно. Люди заставили его исполнять их волю, но сломить до конца не смогли. Битва «неживого» и любопытных людей продолжалась несколько лет, пока кристалл не вырвался из плена, спровоцировав еще более страшный взрыв, чем тот, что перенес его в этот мир.

Но люди не сдавались: поняв, что кристалл разумен, они нашли способ подчинить его. Шаг за шагом они сканировали структуру кристалла, и сейчас были как никогда близки к тому единственному кусочку, который поможет им взнудать строптивый камень. Но вот пришел человек, он уже был здесь, и те же ученые почти сожгли его разум, заставив забыть о себе все, но так и не сломили его волю и искалеченное сознание. Его выбросили, как испорченную куклу, сочтя мертвым или умирающим. В своем высокомерии ученые допустили ошибку: кристалл инкапсулировал сознание человека направленным импульсом, принятым его мучителями за статические помехи.

Человека нашли и выходили те, кто знал тайну Обелиска и хотел помешать ученым. И вот день настал. Человек вернулся. Примет ли человек свое предназначение и понесет ли душу кристалла прочь отсюда, чтобы спасти его, спасти тех, кто хотел счастья?..

Человек снял шлем, овальное забрало которого было покрыто сетью трещин и посечено осколками. На изможденном, в грязных разводах и с трехнедельной щетиной, лице лихорадочным огнем горели глаза. Он вспомнил. Вспомнил, как был здесь раньше, вспомнил, как хотел спасти умирающего от неизлечимой болезни двоюродного брата и пришел сюда за спасением. Спасения не было: его оглушили и бросили в подвал. Потом долгий наркотический угар и... свет. Яркий, зеленоватый свет. И вновь черная пустота. Из

воспоминаний только запись в ПДА и клеймо со штрихкодом на руке... «КЕУ». Было ли у него имя? Даже сейчас резкая боль отбрасывала назад при попытке вспомнить его. Не сейчас. Позже. Рассчитаться. Стереть из мира живых и мертвых эту свору «пытливых умов». Он примет Ношу. Он сделает так, как просит Обелиск. Но нужно рассчитаться. Нужно достать их!..

Музыка камня зазвучала в ответ: кристалл говорил, что укажет путь. Частица, которую человек заберет с собой, будет оберегать его. Но только на короткое время. Человек должен спешить. Потом она уснет и будет дремать, пока человек не вынесет ее за пределы Круга.

Итак, камень просил вынести его из Зоны и положить в некий водоем, чтобы во сне перестроиться и залечить раны, нанесенные учеными. Человек согласился. Он был готов поквитаться с мучителями и вынести камень туда, куда тот просил. Потом был бой. Неравная схватка с отборными бойцами, живыми покойниками. Убив в них разум и оставив только рефлексy и некий набор функций, ученые заставили их служить себе. Таким должен был стать и он... Но не стал. Не покорился...

Дверь. За ней машинный зал и комната с автоклавами, заполненная зеленоватой жидкостью. И человек с ласковым голосом. Все его слова утонули в грохоте автоматных очередей. Кинув для верности гранату, Сухарь, а это точно был он, вырвался через портал на поверхность.

Серое небо и... много, очень много врагов. Смерть разила из каждой щели, была всюду и везде. Сумасшедшая скачка через смутно дрожащие провалы воздуха, которые открывал кристалл, помогая человеку уходить от погони. Что-то больно ударило в спину при последнем прыжке. Темнота. Покой и тишина. Потом только серое небо над головой и скелет колеса обозрения. Припятъ. Мертвый город, обитель поклонников Обелиска...

Преодолея слабость, медленно, отгоняя боль и тяжесть во всем теле, Сухарь поднялся на ноги. Он остался жив. Артефакт спас его! Повесив АКСУ на шею и спрятав в линялый «сидор» черный продолговатый тубус, человек побрел прочь из мертвого города, унося с собой частицу души кристалла, который был тускл и бесцветен. Но в глубине этой частицы теплилась искорка света. Слабая, как лучик надежды в душе искалеченного человека, которому предстоял долгий путь назад, на Кордон...

...Сон или горячечный бред исчезли так же быстро, как и появились. Было темно. Повернув голову, я увидел лучи лунного света, струившегося через окно на дощатый, крепко сколоченный пол. Я был жив. Боль не давала пошевелиться, из груди вырвался произвольный стон. Тут же послышалось негромкое шлепанье босых ног. Ребенок или женщина. Женщина. Короткая ночная белая рубаша, стриженные под каре волосы. Даша. Я все-таки неведомым способом очутился на заимке у лесника. Девушка подошла к изголовью моей кровати, зажгла ночник. Положив прохладную ладошку мне на лоб, покачала головой, отошла на некоторое время и вернулась с белой керамической кружкой. Затем, подложив локоть правой руки мне под шею и приподняв мою плохо соображающую голову, стала поить меня прохладным кисло-горьким питьем. Морс, судя по вкусу — клюквенный. Тихо сказала:

— Очнулся, а я уж думала, не вытянем тебя. Как ты жив остался, не пойму. Грудину всю разворотило, пуля в миллиметре от сердца прошла. Крови потерял столько... Как мертвый был.

— Давно я здесь?

Собственный голос показался мне чужим, каждое слово наждаком проходило по горлу. Девушка подоткнула мою подушку и, усевшись на постель, принялась излагать.

— Папка тебя нашел, он заметил здорового крокодила неподалеку от того места. Пока добрался, зверюга ушла. Отец кинулся следом, да на тебя и наткнулся. Он говорил, ты раненый полз, а крокодил тебя заметил и погубить задумал. А папка зверюгу-то и спугнул. Тебе повезло: этот крокодил здоровый был... Хотя крови в тебе уже не много

было. Когда принесли тебя, я глянула и чуть не целый час ревела, уж больно синий ты был, как мертвый. Потом Остапенко позвали, доктор это из «Теремка». Отец и двое парней из охраны кровь тебе свою давали. Остапенко все ворчал, что зря добро переводим: рана-де нелечимая попалась, сделать ничего нельзя. Отец его заставил. Я за тобой уже третью неделю хожу.

— Выброс... Я попал под Выброс?

Даша усмехнулась, и только теперь я заметил, что она выглядит очень уставшей.

— Не-а. Тут этой напасти не бывает. Слышать о ней слышали, но сюда ни-ни. Ты с кем по пути так повздорил?

— Сектанты. Члове... черт его знает, кто это был. С людьми я бы справился, на худой конец просто оторвался бы, а эти... вроде как киборги из амеровского фильма. Почти весь боекомплект сжег, а их только чуть поцарапало. Я про такую защиту и оружие никогда не слышал. Кино «про фантастику», по-другому не скажешь!

Девушка задумалась, затем, подоткнув мне одеяло и поправив подушку, погасила ночник и собралась уходить.

— Потом все расскажешь, вредно тебе сейчас говорить и даже думать. Спи. Да и я тоже отдохну, а то сколько уже с тобой сижу.

— Да. Я понял. Не сейчас. Даша!

— Что?

— Я... говорил во сне?

— Нет. Зубами только скрипел, это было. А говорить — ничего не говорил. Спи давай...

...Так прошло еще дней пять. На четвертый я начал вставать. Пуля сектанта, как ни странно, не прошла навывлет, а остановилась возле самого сердца. Местный доктор Олег Остапенко, бывший когда-то хирургом в гомельской областной больнице, просто разводил руками и говорил о чудесах бытия. Еще через два дня меня посетил Григорий Кацуба, начальник охраны «Теремка», который здесь принято называть «сельским клубом». Плотный, высокий дяденька, «лесной» натовский камуфляж, высокие берцы. Кепи практично заправлено под левый погон куртки. Добродушное, круглое лицо, щетка ухоженных светлых усов, постоянно находящихся в движении из-за улыбочивости хозяина. Все портили глаза: цепкий, колющий взгляд этих синих как море глаз просто прожигал собеседника до затылка. Настораживало и отсутствие у Кацубы оружия, просматривался только нож за голенищем. Насколько я понял, это была амеровская поделка: такие клинки ребята из тамошней ассоциации ветеранов войсковой разведки и сил специальных операций продают или дарят только своим. Лавку по изготовлению тоже держит бывший спецназовец. Такой нож нельзя просто купить: те, что на продажу, помечаются специальным клеймом на рукоятке, которое видно с любой стороны. Нож у Кацубы был боевой.

Сев рядом со мной на крылечке и пригубив квасу из поднесенной Дашей кружки, он начал беседу. Говорил с мягким акцентом жителя восточной Украины, умело избегая сложных и специальных терминов, стараясь пробудить в собеседнике желание говорить не таясь, открыто.

— Все понятно, Антон?.. — Кацуба вопросительно глянул на меня, как бы желая услышать отчество, хотя скорее всего анкета на меня у него была заготовлена заранее.

— Просто Антон.

— Ну тогда давай без чинов, товарищ старший прапорщик.

Ловко это он. По-заграничному, как в плохом кино. Вообще, дешевые эффекты — патологическая страсть всех, кто так или иначе связан с контрразведкой. Только мне такой оборот не страшен: в наш век абсолютной продажности нарыть анкету с такими подробностями мог и ленивый. К тому же я не скрывал, кто я и откуда. Видя, что подкат не удался, местный шериф чуть сбавил тон:

— Места у нас заповедные, тихие, и мне бы хотелось, чтоб так все и оставалось. Мы поняли друг друга?

— Четко и ясно. Выброс прошел, отдохну чуток у Богдана, если хозяин не прогонит, и вернусь откуда начал — на Кордон.

Кацуба усмехнулся и достал из левого нагрудного кармана портсигар с затейливой гравировкой. Вынул коричневую сигарету и, нажав на торец портсигара, добыл огня из встроеной зажигалки. Мне предлагать не стал, видимо, даже об этом выспросил дотошный особист у моих гостеприимных хозяев. В его бывшем месте службы сомневаться не приходилось. Ухватки этого контингента мне были знакомы с давних времен.

— Вот и славно, Антон. Славно... Что думаешь про тех, кто напал на тебя?

— То же, что и раньше: это какой-то эксперимент «кудесников» из «Обелиска». Ловят людишек, промывают мозги и сажают на цепь. Оружие только странное.

И я рассказал особисту все, что знал, и про снайпера, и про группу бесславно погибших амеровских «наемников». Умолчал только о девчонке, спасенной мною с вертолета, о моем странном побратиме и не менее странном собеседнике, которого не берут пули. С помощью осторожных расспросов мне удалось выяснить у Лесника и его дочери, что ни моего ПДА, ни РД найдено при мне не было. А значит, и винтовка, и вся собранная информация остались в лесу и, скорее всего, пропали. Поэтому Одессита я не подставил. Если Кацуба любит ребусы, то зачем портить человеку удовольствие. Другое дело — сектанты: я столкнулся с ними у самой границы владений Лесника и почти в зоне ответственности гарнизона «Теремка». Особист и его компания должны были знать, что за чудеса творятся у них под боком. А это были именно чудеса: хоть Кацуба и не подавал вида, но мой рассказ его явно обеспокоил. Видимо, я сообщил нечто новое для него. Подробно выспросив меня про тайник и уточнив детали обоих стычек, странный охранник борделя для богатеев откланялся.

Счетчик снова пошел с нуля: я остался без багажа и к тому же не выполнил контракт. Когда рана заживет, нужно будет сходить на место последнего боя, поискать следы. ПДА и винтовку следовало найти. Без них я снова окажусь у первой, стартовой черты.

Рассуждая так, я не заметил, как углубился в лес, и крепкий дом Богдана скрылся за деревьями. Идти было уже не трудно, силы с каждым днем прибавлялись, а рана напоминала о себе только редкой тупой болью и нестерпимо зудела, заживая.

Вдруг сознание царапнул знакомый импульс. Охотник... мой побратим выжил. Чувство искренней радости, облегчение — вот далеко не полный список испытанных мною ощущений. Оглянувшись по сторонам, я заметил знакомую фигуру у дальней полосы зеленой травы. Там, где пролегла обозначенная столь естественным образом граница аномалии, стоял Охотник. Гигант прислонился к стволу кряжистого дуба, почти не различимый на общем фоне черного, серого и ржаво-красного. Если бы не мысленный импульс, я никогда б его не разглядел. Подойдя метров на пять, я приподнял правую руку с раскрытой ладонью:

— Здравствуй, брат. Ты снова выручил меня. Теперь водка будет за мной.

Сознание царапнул ответный импульс узнавания, теплоты:

— Не благодари. Хорошая охота. Много врагов. Сильных. Пища. — Кровохлеб рыкнул так, что от звука его голоса задрожала листва на деревьях. — Личные вещи. Координаты местности. Тридцать девятый найдет. Надежный схрон. Трофеи.

Так, значит... Получается, мой напарник утащил мои пожитки и ПДА куда-то в лес и спрятал. В ответ мне под ноги упал прямоугольник ПДА.

— Карта местности. Включи... покажу... трофеи.

Я ввел личный код и вызвал в высветившемся на прямоугольном экранчике основном меню примерную карту района. Едва команда успела пройти, как пискнул значок почтового сообщения: Одессит уже в третий раз запрашивал статус задания. Но я не торопился с ответом: лучше, если для всех я пока побуду в покойниках. Кровохлеб неслышно подошел и встал рядом. В руке он держал тонкий прутик, видимо, сломанный недавно. Дальнейшее было похоже на какой-то фокус: карта сама, как привязанная, пошла за прутиком, на дисплее отобразился точный маршрут до того места, где Охотник организовал схрон. Он все тщательно продумал: в той низинке была прорва колючего кустарника, и без особой нужды в

такие дебри никто не полезет. ПДА мурлыкнул, сообщая, что маршрут и координаты занесены в его память. Бросив прутик, кровохлеб удовлетворенно кивнул и повернулся, чтобы уйти:

— Тридцать девятый хорошо дрался. Смотрел... помог... братья. Общая кровь, иначе — смерть. Теперь будешь лучше.

Было не совсем понятно, что имел ввиду Охотник. Я остановил его:

— Объясни.

— Тридцать девятый умирал. Дал свою кровь. Немного. Иначе — смерть. Мало крови — жизнь. Сила. Враги умрут. Тридцать девятый будет жить. Много охоты. Сейчас — ухожу. Люди идут.

Он развернулся и истаял в воздухе. Чуть погодя я услышал топот копыт. Богдан Лесник верхом на вороном жеребце, которого по старинке звали Орликом, въехал на поляну.

— Ты чего так далеко забрался? Иль жить совсем надоело?! Тут кругом мины, да тварье всякое бродит.

Взяв себя в руки, я показал Леснику ПДА. Слова и непринужденный тон давались после услышанного от побратима непросто, но старик вроде как ничего не заподозрил:

— Коммуникатор свой нашел, потом просто бродил по округе. Надо расхаживаться, а то могут быть проблемы.

— Как ты его найти мог, когда я все кругом обшарил? — удивился Лесник.

— Любая вещь помнит своего хозяина. Бывает.

— Странный ты. Скажи лучше, ты ничего особенного не чувствуешь? Ну, в смысле здоровья?

— Нет, нормально все. Рана зудит, а так — ничего особенного.

— Я вспомнил тут одну вещь: кровохлеб, который меня к тебе тогда вывел, был особенный. Этих тварей несколько видов. Тот был из подземных. Шкура у него с сиреневым отливом. Они обычно прячутся, никто из старателей больше одного раза такого не видел.

— Почему?

— Если на территорию такого мутанта зайти, назад пути уже нет. Ученые как-то добыли труп одного из них, но толком изучить не смогли. Пропал труп. Прямо из подземного бункера научного пропал... вместе со всеми, кто в ту смену в бункере оставался. Где такая тварь живет, человеку лучше не показываться. Они все помнят, везде найдут, спрятаться от такого нельзя. Если только насовсем из Зоны уйти. Но... не уверен, что и это поможет.

— Есть серьезные основания так думать?

— Под ноги смотри. — Лесник указал мне на следы, которые оставил Охотник. — Обычные, серые кровохлебы не выносят чистой земли, сторонятся границ аномалии, как огня. А этот был здесь совсем недавно. И никакая земля ему не мешает. Надо мины выставить. Если повадится — выпьет всех.

— Не сходится.

— Чего-о-о? — недоумение в голосе Богдана было совершенно искренним.

— Насколько я понял, такие, как этот, сиреневый, сами на людей не нападают. Я слышал только про серых.

— Слушай, ты тут человек новый и многого не знаешь. Тут НЕТ правил. Все может измениться в одно мгновение: то, что вчера было безобидным, сегодня сожрет тебя без соли. Раз показался без опаски, значит, хочет напасть. Это тебе не обычное зверье, трусливое и затравленное. Местных кабанчиков видал? То-то. Человек в Зоне не хозяин, а гость...

— Как и в любом другом лесу. Просто там все не так очевидно. Ладно, пойдем, пока точно не заглянул кто-нибудь беседу поддержать.

Лесник спешил и повел коня в поводу. Беседуя на всякие отвлеченные темы, мы добрались до займки. Даша чистила картошку. Увидев нас, помахала рукой.

— Дочка к тебе неровно дышит. Как расстались мы тогда, все камень, что ты подарил, из рук не выпускала. Вот заказала у местных умельцев оправу, носит на цепочке, вместо

кулона, что ли.

— Я понял тебя, Богдан.

— Это чего ж ты такого понял? — Тон Лесника стал чуть выше. — А-а, ты об ЭТОМ. Не беспокойся, дочка умеет за себя постоять. Да и ты далеко не уйдешь, если что. Вроде с виду на дурака не похож.

— Даша — красивая девушка. Умная и смелая, ты можешь гордиться дочерью. Я не трону ее, даже если она этого захочет. Обещаю.

Богдан сначала тихо, а потом в голос расхохотался:

— Ты... ты женат-то был когда?

— Ну, был когда-то. В разводе мы, с этой стороны никакого беспокойства, Богдан.

— Да я и не беспокоюсь... поздновато для этого, уж поди случилось все. Дай угадаю: все службу тянул, потому и сбежала. Если баба чего захочет, тут нашего брата никто спрашивать не станет: сделает по-своему, а ты окажешься в дурнях. Я тебе про что толкую: насильно-то мил не будешь, но уж если она чего задумала — не отвертишься. Женщины, они всех чертей хитрей, это всегда так было.

Житейская прозорливость Богдана несколько обескуражила. Не то чтобы мне не хотелось каких-то отношений с женщинами, просто я не умею их налаживать. Жена ушла к успешному бизнесмену и так же успешно и с выгодой для себя с ним развелась, еще лет пять тому назад. С тех пор у меня были только случайные и мимолетные знакомства. Девушки чули во мне некую отчужденность, и это их не устраивало.

Хитро прищурившись, Лесник глянул в сторону веранды, где на столе уже стояли миски с соленьями, своего часа ждала и томившаяся в печи запеченная с яблоками курица, размером с небольшую собаку. Дразнящие ароматы струились по округе, кавказский овчар Мишка возбужденно колотил мощным хвостом по веранде, нюхая воздух и просительно глядя на хозяйку.

— Хм, озадачил ты меня... отец. Так делать-то чего будем?

Уже почти взойдя на крыльцо, Богдан хлопнул меня по плечу и ехидно изрек:

— Готовиться и ждать. Скоро сам поймешь, чего и как.

Даша, почувствовав, что стала предметом обсуждения (готов поспорить — знала и тему в деталях), притворно строго заметила:

— Хватит глупости молоть, руки мойте. Скоро готово все будет. Антон, тут до тебя снова дядя Гриша приходил, а с ним какой-то городской, из приезжих. Но не наш и точно не русский. Канадец вроде. Расспрашивали, чего да как было, когда мы с тобой от бандитов ушли.

Богдан нахмурился и, присев на крепкую, мореного дуба табуретку, спросил дочь:

— Что сказала им?

Девушка дернула уголком рта, ее серые глаза потемнели, губы сжались в тонкую линию:

— Ничего такого. Так, пару слов всего.

Богдан треснул кулаком по столу и рявкнул:

— Дашка, ты дождешься у меня! — Вдруг ужасная догадка заставила лицо Лесника побледнеть, и уже почти шепотом он поинтересовался: — Убила кого?! Дочка, они же через полчаса тут будут...

Теперь уже девушка глянула на отца с недоумением и покрутила пальцем у виска. Прядь русых волос, как обычно, выбилась из-под косынки и свесилась на щеку.

— Ну, ты загнул, папка. Никого я не убивала. Сказала то же, что и раньше, только канадец этот мне видимо не поверил. Потом они с дядей Гришей ушли.

Богдан как-то сразу сдулся и припал к кружке с квасом, стуча зубами по ободу. Потом, переведя дух, обратился ко мне:

— В позапрошлом году повадился племянник Гришки Андрей за Дашкой в бинокль подглядывать. Когда она в огороде в этих фиговых листьях расхаживала, он, охальник, шасть на сосну и...

Послышался тихий, застенчивый смешок и незамедлительный комментарий девушки:

— Это мода такая. «Бикини» называется, отсталый ты человек, папка. Купальник как купальник, мне Оксана подарила. Еще сказала, что это последняя модель.

— А я говорю, что веревочки эти — срам один, еще бы голая по дому ходила! А Оксанка твоя, ух, шалава!.. Сама вон на спине работает и тебя смущает. Короче, взяла Дарья мое ружье, выследила парня и шмальнула пару раз. Хорошо мимо, а если б убила, что тогда?

Даша спокойно посмотрела на отца, перевела задумчивый взгляд куда-то в сторону. Затем твердо, словно ставя точку в каком-то давнем споре, отчеканила:

— Если бы хотела убить — убила бы. Тогда пугнула только, специально выше целилась. С тех пор не появлялся больше, понял... А Оксана хорошая, только ленивая очень, поэтому в «Теремке» и работает. Меня пару раз звала, только неинтересно мне. Что это за работа — задом перед пьяными мужиками вилять?.. Разве только дядя Гриша в охрану возьмет. Но тоже скучно... Я вон лучше с Антоном пойду. По Зоне ходить буду, хабар добывать.

— Цыц! — возмущению Дашиного отца не было предела. Это восклицание было единственным ответом на планы дочери, которая, чуть посмеиваясь, дочистила картошку и отправилась в дом. Повернувшись ко мне, Богдан попросил поддержки:

— Так уже не первый раз. Раньше все одна хотела по Зоне лазить, еле уговорил, что поездок за продуктами вполне хватит, чтобы впечатлений набраться. Знаю, что рано или поздно уйдет. — Лесник вздохнул и поднялся из-за стола. — Лишь бы не сейчас, уж слишком тревожное время настало. Пошли в дом.

Обед получился на славу, овчару достались вкусные кости и миска каши, приправленная густой мясной подливой. Тяжесть от съеденного и общее утомление еще не окрепшего организма заставили меня подняться на второй этаж и прилечь, чтобы забыться тревожным, беспокойным сном. Проснулся я в липком поту и от ощущения чьего-то взгляда: на стуле, что стоял возле окна, метрах в двух от кровати, сидел Рэд. Положив автомат на колени, он снаряжал магазин. Патроны со щелчками вставляли на место, звук был мерный и успокаивающий. Увидев, что я проснулся, старатель приветственно кивнул и заметил, как бы размышляя вслух:

— Знаю, что снаряжать магазин бессмысленно — патроны все равно никогда не кончаются, а вот от привычки избавиться не могу. Сижу иногда, как полоумный, беру патроны из вещмешка, но точно знаю, что нет ни того, ни другого. Есть только я и моя память о них. Рад, что ты цел остался.

— И я рад тебя видеть. Зачем пожаловал на этот раз?

— Ты видел сон, наверное, это был первый сон в твоей жизни, который ты запомнил. Расскажи, что ты видел?

— Только то, что ты и твои приятели хотели мне показать. Я прав?

Скупая улыбка тронула губы Черного Старателя.

— Нет. Это видение послал тебе Обелиск.

— А я так понял, что он мертв и бесполезен без этого чертова куска, что Сухарь вынес из саркофага.

— Опять не угадал: кристалл был в спячке, ключ его пробуждает. Пока это лишь отголоски силы. Но скоро все изменится.

— Я его назад не понесу.

Рэд меланхолично улыбнулся и вставил магазин в приемник АКСУ. Замок щелкнул, Черный Старатель клацнул затвором, дослав патрон, и положил автомат на подоконник.

— Видишь? А рожок-то полный, хотя я точно знаю, что загнал в него всего пятнадцать штук... Все мое время, Антон. Я пришел не за этим. Тебя хотят вербануть какие-то «спецы». Поупирайся немного и согласись. Как только они раскроют карты, я снова загляну....

— Одну минуточку, а кто сказал, что я пойду на вербовку? Посмотри на меня: еще недели две назад я был труп. А...

— Охотник дал тебе свою кровь. Его соплеменники не часто делятся своей кровью с человеком. Это вообще случилось первый раз. Теперь ты быстро поправишься и... тебя будет очень непросто убить.

— Кровохлебом стану, щупальца отрастут?

— А тебе бы этого хотелось? — Я отрицательно мотнул головой.

— Так я и думал, что не очень. Нет, этого не случится, сам все поймешь. А сейчас мне пора. Советую согласиться на предложение Кацубы и его гостя. Но, конечно, последнее слово за тобой. Удачи, старатель!

Снова этот «великий комбинатор» растаял в воздухе, оставив мне мизер информации и кучу нехороших предчувствий. Я привел себя в порядок и спустился вниз. Кацуба и его партнер уже сидели в гостиной и пили чай с ватрушками Дашиного изготовления. Обстоятельства снова пинком вбрасывали меня в незнакомую ситуацию.

Человек, сидевший рядом с Кацубой, имел непримечательную внешность, взглянешь на такого второй раз и не вспомнишь, что видел его в первый. Скорее всего, это и был пресловутый «канадец», о котором говорила Даша. И если Кацуба вел беседу с Лесником совершенно непринужденно, то «канадец» был сдержан и все больше налегал на ватрушки.

Прокачка ситуации пока мало что давала, ясно было только одно: возня вокруг тубуса перешла в активную фазу и привлекла внимание какой-то спецслужбы. Не обязательно той, чьи представители пытались воткнуть мне «жучки» в комнату. Там поработала местная резидентура СБУ, что было заметно по скорости реакции на события и по качеству исполнения. Амеры или наши действуют проще и нахрапистее: меня сначала попытались бы купить, а потом — взять на испуг. Сейчас расклад явно был не в мою пользу: раз «канадец» заявился в обществе Кацубы, значит, как минимум с местными силовиками достигнуто соглашение и получено «добро» на некие мероприятия в случае моего отказа сотрудничать. Из гостеприимного дома Лесника следовало убираться. Причем как можно незаметнее и быстрее. Но все же мне хотелось понять, кто передо мной и что ему нужно.

Гость был среднего роста и одет довольно легко: бежевые шорты, гавайка с пестрым сине-красным узором, сандалии на толстой подошве, на макушку были вздеты дорогие солнцезащитные очки. Внешность, повторяю, ничем не примечательна: выгоревшие каштановые волосы, лишь обозначающие прическу (в драке не ухватишь за такую), вытянутое, костистое лицо, длинный нос и внимательные голубые глаза. Ствол агент прятал спереди под выпущенной наружу рубахой, но особо его не скрывал, руководствуясь скорее правилами приличий, нежели маскировки.

Они пришли не одни: с веранды слышался смех, и женский голос рассказывал какую-то историю из жизни «сотрудниц» деревенского клуба. Даша вставляла отдельные реплики, оставляя госте право лидерства в беседе.

Я присел на предложенный стул, оказавшись напротив «канадца» и имея по левую руку шефа местной безопасности. Оба поприветствовали меня кивками. Руки никто не подал. Разговор начал Кацуба:

— Антон, познакомься с нашим канадским гостем, Юргеном Хиггсом. Он представляет одну частную охранную фирму, которая имеет на Украине и здесь, в Зоне отчуждения, некие инвестиции и интересы. Его заинтересовал твой рассказ, и он хотел бы...

— Грэг, я сам скажу, спасибо. — Хиггс явно тяготился обществом Кацубы, предпочитая вести вербовочную беседу самостоятельно и без участия третьих лиц. — Видите ли, господин Васильев, то, что я услышал от Грэга, косвенным образом подтверждает уже имеющиеся у нас данные о некоем боевом комплексе, разработанном местными учеными. Вам довелось видеть его в действии и э... испытать на себе. Мы выяснили, где приблизительно находится база э... «девятки». Нами профинансирована операция по извлечению документации и э... образцов данного боевого комплекса. Мы хотели бы привлечь вас в качестве консультанта и проводника.

Предположим, что я откажусь. Меня будут сначала покупать и уговаривать. Потом

пугать. Скорее всего, бросят в какой-нибудь местный аналог тюрьмы. Затем все пойдет по второму кругу. Но я буду умнее.

— Сколько? — От меня ожидали не этого: составленный психологический профиль говорил, что я должен упираться и брызгать слюной. Для «жесткого» варианта, видимо, все было подготовлено, а на быстрое согласие никто не рассчитывал. Чуть опомнившись, Хиггс неуверенно произнес:

— Оплата планируется по получении результатов. Пока мы можем предложить... Тридцать тысяч евро в качестве аванса и еще столько же плюс проценты, если результаты миссии будут соответствовать расчетным параметрам.

— Мало, мистер Хиггс, очень мало.

— Обычная ставка наемника — три тысячи евро в месяц, господин Васильев. Мы же даем в десять раз больше. По-моему, вполне честная сделка.

— Лично вы, мистер Хиггс, пойдете с нами? — Вопрос смутил заморского гостя, и он отрицательно покачал головой.

— Нет, я не специалист в подобного рода операциях. С вами пойдут наши люди. Все профессионалы очень высокого уровня в вашей э... области знаний.

— Так я и думал: вы осуществляете общее руководство, а я вместе с вашими «специалистами» таскаю каштаны из огня буквально за харчи. Не пойдет. Вот мои условия: если я соглашусь, подчеркиваю, мистер Хиггс, ЕСЛИ я соглашусь... моя цена — сто тысяч евро и деньги должны лежать вот на этом столе уже завтра. Они останутся со мной даже в случае нулевого результата миссии. Вы посылаете человека в пекло, да еще за такой мизер! Если ваши люди согласны на подобные условия, это их дело, а я выжил только чудом и никого из «девятки» не убил. Зато прекрасно видел, как они за пару минут «погасили» семерых опытных солдат, не получив ни одной царапины, а от парней осталось мокрое место. И с вашими людьми я на такое дело не пойду: я вам не негритенок Сампо, которого можно списать в расход после того, как дело сделано. Если я и сунусь в пекло, то только с парнями, которых подберу сам. Максимум, на что я согласен: ваши интересы будет представлять один человек. Таковы мои условия, и если сумму гонорара еще можно обсудить, то организационная часть операции не обсуждается.

Хиггс тщетно пытался скрыть изумление, оно было просто пропечатано на лице иностранца. Кацуба же, напротив, открыто ухмылялся. Очевидно, он предсказывал нечто подобное, или поспорил с «канадцем» на некую сумму, что беседа примет именно такой оборот. Опомнившись, Хиггс заговорил, причем если раньше акцент еле-еле проскальзывал в его речи, то сейчас «американизм» так и пер наружу:

— Господин Васильев, ваши условия существенно расходятся с полученными мной инструкциями. — Заметив, что я собираюсь подняться из-за стола, иностранец заговорил быстрее: — Но я свяжусь с руководством фирмы и через сутки смогу сделать встречное предложение. Вы располагаете этим временем?

— Да. Но учтите: обсуждается только сумма гонорара. Состав и экипировка группы — полностью моя прерогатива. И расходы оплачиваются отдельно.

— Я все передам. — Шпион был недоволен, что разговор пошел не так, как он задумал. — Грэг сообщит вам о времени нашей следующей встречи. Доброго дня, господин Васильев.

— И вам всего наилучшего, мистер Хиггс. Только помните: мое время не резиновое и долго ждать я не стану. У вас максимум трое суток на согласование.

— Я запомню, господин Васильев. До встречи.

Хиггс встал из-за стола и пошел к двери. Кацуба поднялся следом и хитро мне подмигнул. Я вышел вслед за ними, щурясь на яркое августовское солнце, присел на крыльцо. Мне удалось отыграть сутки на то, чтобы принять решение: либо согласиться, либо дать банального стрелка, прорываясь к схрону, оставленному Охотником. Доски нагрелись и источали приятный запах, который бывает только в деревянных, построенных по всем правилам домах.

Даша по-прежнему болтала с пришедшей вместе с Кацубой и Хиггсом девушкой, довольно симпатичной. Чуть выше среднего роста, с длинными, распущенными и чуть выющимися светлыми волосами. Правильные черты овального лица чуть портил небольшой шрам, наискосок пересекавший гладкий, высокий лоб. Видно было, что дефект пытались убрать, но осталась светлая черточка, выделяющаяся на фоне загара. Неожиданно черные, чуть раскосые глаза излучали некое перманентное веселье. Полные губы постоянно находились в движении, обнажая безупречно ровные, белые зубы. Голос был приятным, и помимо воли хотелось улыбнуться, когда девушка произносила что-то даже совсем обычное. Легкий сарафан, доходивший едва-едва до колен, более открывал, нежели скрывал довольно выдающиеся формы девушки. Общее впечатление было двойственным, но напряжения, какое обычно вызывают эффектные женщины, не возникало. Увидев, что я смотрю в их сторону, подруга Даши изменила позу таким образом, чтобы явственно просматривалась линия бедра под легкой тканью сарафана. Даша нахмурилась, а спутница «канадца» еле слышно хихикнула.

Я кивнул дочке Лесника и отвернулся: игры такого рода сейчас меня не забавляли. Время вновь утекало сквозь пальцы подобно песку. Нужно было подумать о том, что и как предпринять.

Некая смутная мысль уже давно не давала мне покоя, плавая в подсознании, дразня краешком и ускользая снова. Вспомнил! Снайпер наемников на галерее заброшенного здания. Его позиция не была идеальной, если он хотел перекрыть пути отхода МНЕ. Но если наложить сектора обстрела на карту местности... Они не охотились за мной, это была легенда прикрытия. Вся схема периметра была ориентирована в направлении аванпоста сектантов. Но противник оказался много сильнее, и бог войны отвернулся от амеров. И, что важнее всего, группу не информировали о том, с кем им предстоит столкнуться. Обычное дело: подрядить людей со стороны, чтобы получить максимум выгоды при минимальных затратах.

Другая странность — тон, который Хиггс взял с самого начала разговора. Складывалось впечатление, что меня боялись спугнуть. Будто бы я обладаю некими знаниями или предметом, в котором заинтересованы те, кто послал «канадца» сюда. Но я практически все рассказал Кацубе, а «гаусс» местные вояки принесут амерам на блюдецке сами, прямо с испытательного полигона, стоит новым друзьям только свистнуть. Нет, не подходит. Миссия с самого начала предполагает мое списание в расход, это даже не обсуждается. Но меня берут в качестве приманки, надеясь получить результат в тот момент, когда тушка бывшего прапорщика Васильева мелькнет в заданном районе. В ту же помойку пойдут и «профессионалы», идущие вместе со мной. Выхода, кроме как согласиться на задание, у меня нет. По моим прикидкам, амеры согласятся на мои условия, покобенившись для вида. Возможно, попытаются навязать мне одного явного и одного скрытого агента в набираемую мной группу. Вычислить «подводку»⁶⁸ можно будет с помощью методов перекрестной проверки, и нужно постараться локализовать агента до выхода в рейд, а там незаметно устранить.

Подводя итоги, я выяснил только два момента: меня хотят использовать как наживку, по непонятным для меня причинам считая, что объект разработки обязательно на меня «клюнет». И самое основное — будет вторая группа, пущенная по моим следам или идущая к цели другим маршрутом. Сейчас нужно сосредоточить все силы на том, чтобы постараться перевести стрелки в обратную сторону. Иначе это станет для меня билетом в один конец...

Мои размышления прервала подруга Даши, подошедшая, как ей казалось, неслышно. На самом деле ее выдали запах духов и легкое поскрипывание половиц. Слева от себя я увидел ногу с идеальным педикюром и ровным тоном загара. Взглянув вверх, я увидел

⁶⁸ «Подводка» — специальный термин, означает оперативную комбинацию, в ходе которой в разрабатываемую группировку внедряется агент с соответствующей легендой прикрытия.

девушку целиком: она улыбнулась сначала дежурным оскалом профессионалки, затем, будто спохватившись, согнала гримасу с лица, и ее улыбка стала теплее, естественнее.

— Здравствуйте, я Оксана. Даша мне много про вас рассказывала. Вы — старатель, да?

— И вам доброго дня. Ну, как меня зовут, вам уже сказали, а по поводу «старателя»... Я считаю, что подобное звание еще нужно заслужить. Пока я обычный новичок здесь.

— Ой, неправда: Дашка рассказала о том, как вы ее от бандитов спасли, на новичка это непохоже...

— Спорить не буду, но мне думается, Зона отчуждения это... очень необычное место. Автоматная очередь — не всегда ответ на все вопросы.

Девушка присела рядом, как бы невзначай коснувшись меня плечом и краешком бедра. Поправила распущенные по плечам волосы и неожиданно серьезно сказала:

— Здесь очень страшно. Особенно зимой. Ну... Знаете, когда там, за «колючкой», зима. Тут-то всегда либо лето, либо осень, но... Что-то выходит в лес примерно в начале декабря и бродит вдоль южных границ нашего «оазиса». Никто не знает, что или кто это. Работать мешает: нам нужно веселье изображать, а тут этот вой и... словно кто-то смотрит прямо в душу и... ждет.

— Чего? — Вопрос, казалось, застал Оксану врасплох. Словно очнувшись от какого-то видения, она потрянула головой, отчего волосы полностью скрыли ее лицо. Она ответила:

— Понятия не имею. От этого становится еще неуютнее: неизвестно, чего ожидать.

Небольшое облако заслонило полуденное солнце. Стало заметно темнее, подул резкий северо-западный ветер, принес с собой запахи осени и напомнил, где мы находимся. На миг повеяло холодом. Девушка встала, поспешно начиная прощаться:

— Заговорила я вас совсем. Скоро четыре часа уже. Мне пора на репетицию.

— Я так понимаю, вы танцуете в клубе? — Хорошее расположение духа все же не оставило Оксану до конца. Красивые губы изогнулись в легкой улыбке:

— И это тоже. Приходите вечером, я выступаю в полночь.

— Думаю, не получится: я рано ложусь спать. Не обижайтесь, но танцы и музыка — не моя стихия. Уверен, что вы используете свои наработки из художественной гимнастики как надо, и это будет выглядеть красиво.

Девушка заинтересованно посмотрела на меня.

— Да... Я немного не дотянула до мастера спорта. Как вы узнали? Дашка рассказала?

— Нет. Распознать, чем занимался боец, довольно нетрудно, если знаешь, на что смотреть. В вашем случае подготовка тоже присутствует. Но несколько иного свойства. Не боевая, а скорее спортивная. Дальше — простое сопоставление фактов.

Оксана кивнула и пошла к калитке. Обернулась напоследок и уже с обычной для работающих в подобных «Теремку» заведениях напускной веселостью повторила:

— Если передумаете, скажите бармену, он устроит вам место, откуда будет хорошо видна сцена.

— Я буду иметь в виду. Удачи, Оксана.

В свое время мне пришлось охранять загородный дом городского бизнесмена, который построил себе кирпичный дворец в заповедной зоне недалеко от Байкала. К нему довольно часто съезжались местные чиновники, и даже лидер некой фракции Госдумы почтил особняк своим присутствием как-то раз. Тогда, чтобы пустить столичному гостю пыль в глаза, со всего города собрали около взвода элитных проституток, подрабатывающих моделями (или наоборот: моделей, подрабатывающих проституцией). Я был во внутреннем, последнем кольце охраны, старшим смены. Поэтому все происходило у меня на глазах. Зрелище, поначалу забавное, постепенно переросло в некое смещение нашей, советской пьянки с древнеримскими оргиями. Особенно «порадовал» столичный гость: приняв литра полтора на грудь, он, видимо, по привычке, встал в полный рост и начал произносить какую-то речь из раздела «о сельском хозяйстве». Выглядело это вдвойне смешно, учитывая то обстоятельство, что во время произнесения речи его ублажала молоденькая «модель». Поэтому я примерно представлял, что за «шоу» можно будет наблюдать в «сельском клубе»,

с поправкой на местный колорит.

Поднявшись, я пошел в конюшню, где вот уже два часа Богдан чинил упряжь для Фроси. Миновав стойла верховых лошадей, я подошел к кобыле, с которой свел знакомство на Кордоне. Помня любовь лошади к сухарям, я припас для нее пару кусочков ржаного хлеба и румяное яблоко. Кобыла, узнав меня, потянулась губами к угощению. Дала себя погладить по теплой морде и, приветливо фыркая, подставила шею под мою ладонь. Настроение сразу улучшилось, лошадь меня не забыла и совсем не боялась.

— Смотрю, понравился ты Фроське. — Ко мне подошел Богдан, перебирая в руках какие-то элементы упряжи. — Любишь лошаdkов-то? — Произнесенное слово было каким-то особенно уютным и свидетельствовало о необычайной привязанности Лесника к лошадям.

— Есть немного. Как ни странно, увидел живую лошадь только здесь. Красивые они.

— Ты вечером в клуб пойдешь? — Лесник сменил тему, переключившись на то, что его волновало, видимо, уже давно.

— Нет. Нечего мне там делать. Тамошние развлечения меня не привлекают. Мне нужно уходить, Богдан. И следовало сделать это уже два часа тому назад.

— Не получится: Кацуба выставил секреты по периметру. Случись чего, в отрыв тебе не уйти. Мест тутошних ты не знаешь, поймают.

— Как уйти, это моя забота. Комбез мой и что-нибудь из оружия сохранилось?

— Оружие — да: автомат твой, пистоль тож, и разгрузка уцелела, а вот комбез «убит» напрочь. Его пришлось разрезать. И артефакты превратились в труху. Жизнь они тебе спасли, но сами «сдохли». Только порошок черный остался. Бронепластины я вынул, которые уцелели, гарнитуру снял, ПНВ⁶⁹ тоже не пострадал. Датчик сканера аномалий и радиации тоже сгорели, но это не проблема — выделю тебе из своих запасов, чувствительность на пятнадцать процентов выше будет. Но комбез... Забудь.

— Есть варианты достать новый?

— Можно. Но только завтра, не раньше.

Значит, придется договариваться с Хиггсом на его территории. Не смертельно, но несколько сужает поле для маневра. Когда договоренность будет достигнута, мне придадут сопровождающего и поставят под контроль. Избавляться от соглядатая было бы крайне неразумным решением и, кроме того, это точно насторожит уверенных в себе амеров. Ладно, поиграем в эти игры.

— Хорошо, завтра так завтра. Дело уже к вечеру, пойду тоже займусь профилактикой. Не возражаешь, если позаимствую «маслята»⁷⁰ и ветоши немного?

— Лады. Завтра достану тебе костюмчик: покумекаем, подгоним вместе. Оружие в шкафу. Патроны там же. Бери что нужно. Лови ключ.

— Спасибо...

Есть вещи, совершенно обыденные, но вместе с тем важные для обретения духовного равновесия. Кто-то медитирует, кто-то пьет горькую, я же люблю чистить оружие. Верный «сто четвертый» не пострадал. Прицел не сбился, прибавилось только мелких царапин на вороненом покрытии ствольной коробки. Разобрав автомат, я примерно час возился с деталями, собирал, разбираю оружие раз пять. После того, как звук передергиваемого затвора стал таким, как я хотел, пришла очередь боекомплекта. Нужные боеприпасы нашлись в нижнем ящичке оружейного шкафа Лесника. Тут были и трассеры, и целый цинк патронов к АК, нужного мне калибра. Я заметил АК-107⁷¹ в пирамиде: редкое оружие стояло

⁶⁹ ПНВ — прибор ночного виденья. Как правило, имеет два режима, активной и пассивной подсветки; незаменимая вещь в условиях плохой видимости и в ночное время суток.

⁷⁰ «Маслята» — жаргонизм, имеются в виду патроны.

⁷¹ АК-107 — последняя разработка в серии «сто» автоматов под маркой «Калашников». В качестве «изюминки» применен принцип встречной работы двух газовых поршней, что повышает точность и кучность

практически нетронутым — его явно пристреляли, но не пользовались, в отличие от любимой Лесником «Сайги». Был здесь и старый добрый АКМ, видимо, хранившийся в качестве ностальгического сувенира из прошлого хозяина лесной заимки.

«Сто седьмой» не вызывал у меня никаких трепетных чувств, учитывая мою давнюю неприязнь к «пятерочным» калибрам вообще. На мой взгляд, каким бы точным ни был бой у этих автоматов, от недостатков боеприпаса избавиться не удалось и по сей день. Сам лично складывал все матерные слова в семиэтажную конструкцию, когда в одной горной республике «духов» спасали от ответного огня наших АК-74 банальные камышовые заросли. В то время как сами «духи» прекрасно доставали нас из своих «сорок седьмых» и акаемов.

Снарядив обычный б/к (четыре магазина), я решил попрактиковаться немного и пошел на импровизированное стрельбище, устроенное Лесником метрах в ста от дома. Стрельбище представляло собой расчищенную от деревьев площадку пятьдесят на сто пятьдесят метров, где были оборудованы лежки и самые настоящие ростовые и поясные фигуры — мишени, видимо, «прихватизированные» во время растаскивания военных складов. Сделав десяток пробных выстрелов в статике, я стал отрабатывать приемы тактической стрельбы из разных положений, на разной скорости. Ранение практически не тормозило движений. Кровь кровохлеба оказала какое-то волшебное воздействие на мой организм: от ран не осталось ничего, кроме белой, узкой полоски сантиметров семи длиной. В остальном же ощущения несравнимы с теми, что были после моего второго ранения пять лет назад, когда на восстановление и мотание по госпиталям ушло полгода. Теперь же я спокойно проходил полосу препятствий повышенной сложности, почти укладываясь в стандартные нормативы, принятые в армии, даже дышалка не сбивалась.

Сетовать на судьбу — не мой принцип, я считаю, что если тебе дается возможность снова делать то, что ты умеешь и любишь делать, то неважно, как ты эту возможность получаешь. Вспоминается давнее происшествие, когда, будучи уже на контракте, я служил в одной части, расквартированной в... Короче, там постреливали. Пестрая компания из местных туенядцев, именовавших себя «муджахедами» (именно в этой транскрипции), и несколько сотен моджахедов настоящих, воевавших только за деньги, были головной болью для группировки наших, российских ВС. Туенядцы прекрасно знали местность, а у моджахедов был опыт партизанской войны, в среднем не менее чем по двадцать лет на брата. Недели не проходило без того, чтобы кто-то из наших не «отъехал на сотки».⁷² Мой взвод был прикомандирован в распоряжение командира сводной артбригады, но выполнять приходилось работу и за обычных «пластунов», ведя разведку и проводя крупные, и не особенно, пакости в интересах всей группировки. Работа интересная, иногда даже неплохо оплачиваемая.

Как-то раз, при возвращении с боевых, у нас подстрелили старлея. Сработал снайпер, не замеченный охранением. Парню разворотило затылок, мозги вылетели метра на три в грязь. Пока вычислили позицию стрелка, пока встали на след — прошло около часа. Взять живьем не получилось — поняв, что пришел за ним северный зверь писец, снайпер застрелился. Обработав тушку как положено (подвесили за ноги на дереве так, чтобы было видно его друзьям, а сапер поставил пару сюрпризов; позже мы узнали, что еще два «духа» переварить эти гостинцы не смогли), я заметил, что один из бойцов плачет. Тихо так подвывает и раскачивается из стороны в сторону. Применил обычное лечение: сначала хлопнул по морде, потом дал выпить водки. И уже после этого подвел его к трупку лейтенанта:

— Смотри: он мертв. — Зрелище было не из веселых. Боец старался отвернуться, но я

при автоматической стрельбе.

⁷² «Отъехать на сотки» — жаргонизм военнослужащих российской армии, означает ранение или смерть, в зависимости от обстоятельств. Произносить вслух термины «груз двести», «груз триста» считается дурной приметой.

заставил его смотреть. — А ты жив. Хочешь быть таким, как он сейчас, тогда продолжай накручивать себя и стенать. Не хочешь — помни о том, что остался в живых, и веди себя как тот, кто жить хочет.

Вроде помогло: парень отслужил, дембельнулся и уехал. Но судьба свела нас снова, когда я повез тела двух бойцов-срочников в родной город этого парня. Говорить с родственниками — это хуже, чем одному идти за солью в духовский аул. Тяжко, но необходимо. Под вечер, возвращаясь в гостиницу, увидел нищего в линялом, грязном камуфляже, сидящего на углу оживленной улицы. Это был мой бывший подчиненный. Мутные от водки глаза, струпья и короста на давно немытом, заросшем клочковатой бороденкой лице. Он не сразу, но узнал меня, вскочил и бросился бежать... У нас не принято бросать своих. Я догнал его, снова набил морду, отобрал паспорт и, приведя в божеский вид, увез с собой. Сейчас он работает где-то на Сахалине, завербовался на траулер. Рыбу промышляет. И каждый год приходит от него письмо: там обычно фотография его самого с женой и маленькой дочерью и всего одна строчка на листке, вырванном из тетради: «Я живой, командир». Так бывает не всегда, но когда бывает, это победа.

...Когда я вернулся в дом, там меня уже ждал Кацуба. Местный «силовик» был одет неформально: дорогая шелковая рубаша цвета «черный кофе» навывпуск, с расстегнутым воротом, прикрывала пистолет, закрепленный в кобуре справа, на поясе дорожных, свободного покроя темно-серых «слаксов». Профессиональное крепление оружия — видно, что занимается скоростной стрельбой. Это надо учесть на будущее. Дорогие коричневые мокасины, с которыми диссонировали старые «командирские» часы на простом кожаном ремешке. Но это понятно: есть вещи, которые можно только заслужить, не купишь ни за какие деньги. Подобные часы я видел у моего инструктора в учебке: лысый как бильярдный шар, кряжистый майор служил в Афганистане и эти часы получил за то, что перевел колонну с ранеными через Саланг. Приковав к своей группе все внимание местных духов, майор дал возможность колонне уйти без потерь, а потом вырвался и сам. Кацуба тоже явно не взял часы напрокат — крещенных кровью я чувствую за километр. «Дядя Гриша», привалившись к притолоке входной двери, с аппетитом грыз красное яблочко. Приветливо махнув мне рукой, он сделал три шага в сторону от двери, пропуская меня в дом.

— Доброго дня, пан Васильев! Смотрю, все приходит в норму. Как пострелял?

— И тебе не хворать, пан Григорий. Нормально отработал — мастерство не пропьешь. Скажи своему канадскому гостю, что в клуб к нему я не пойду. Если он готов обсуждать дела, то встречаться будем здесь.

Кацуба крякнул, взял стул и, приглашая меня присесть напротив, сказал:

— Антон, Хиггс не тот человек, которому я могу приказывать или ставить условия. Надо идти, иначе сделки не будет. А взвод головорезов, который он притащил с собой в нарушение нашего нейтралитета, войдет в оазис из-за «колючки» и зачистит и тебя, и всех нас. Ставки в этом деле очень высоки, и если придется, они созовут сюда всех своих прихвостней из наших, и даже немчура с французами подтянется по какому-нибудь мандату Совета Европы. То, что есть в Зоне, нужно им очень сильно. Сам понимаешь: штамповка «унисолов» вкупе с революционным боевым комплексом — это очень большой приз. И мы вынуждены будем его отдать: наши в Киеве и так поделятся всем, что новые друзья ни попросят, но вот если разработка уйдет к москалям...

Реакция не выручила Кацубу на этот раз — открытой ладонью правой руки я «поправил» ему морду. «Безопасник» полетел на пол, даже не пытаясь лапнуть кобуру. Отключка на пять минут была гарантирована. Я подошел к лежавшему навзничь телу, обыскал. Диктофон, нож, дорогой S&W⁷³ (вороненый, боевой ствол, а не пижонская никелированная игрушка). Сам по себе пистолетик — ничего особенного, таким иногда пользуются амеровские менты, из тех, что посостоятельнее. Выложил все это на стол,

⁷³ Имеется в виду модель Smith&Wesson AM5906.

предварительно вынув магазин и выщелкнув досланный патрон из ствола пистолета.

Ждать пришлось не долго: Кацуба зашевелился, выматерился, поднимаясь на ноги, и пошел на меня. Может, надеялся на реванш? Описывать рукопашную схватку двух профессионалов бессмысленно, все закончилось быстро: на этот раз я порвал «безопаснику» связки голеностопа левой ноги. А когда он успокоился и перестал орать, перенес его на диван у дальней от входа в дом стены.

— Знаешь, Григорий, что интересно: я тут уже месяца полтора, и ни разу никто не высказался плохо насчет «москалей». Надеюсь в следующий раз на более э... деликатное отношение к моим корням. — Произнеся это, я улыбнулся, и Кацуба весь подобрался, предполагая, что я хочу его добить. — Нет, Григорий, если бы я хотел, то сделал бы это сразу. Расслабься. Сейчас я позову кого-нибудь из твоих парней, и ты поедешь лечить рану. А если надеешься отыграться за счет численного преимущества... Вот, возьми. — Я бросил ему на колени его пистолет и вынутый ранее магазин. — Лучше попробуй убить меня сейчас, потому что потом тебе точно не жить, и быстро ты не умрешь. Обещаю.

Кацуба вставил магазин, дослал патрон и убрал пистолет в кобуру. Затем прицепил ее на прежнее место на поясе и с напускным безразличием попросил:

— Остальное отдай. Нужен ты мне больно, разборки с тобой затевать. Ловко это у тебя получилось. Нас такому не учили. Что это?

— Добрые люди показали. Давно, в учебке еще.

— Научишь?

— Нет, извини, на это время нужно, а ты теперь недельку точно прохромаешь. Давай к делу: скажи своему гостю, раз все так серьезно, что я приду на встречу. Где он предпочтет говорить?

— Сегодня в полночь. В клубе будет особый вечер, только для него и его хозяина, Эдвардса. Он какая-то «шишка» в концерне «Advance Research». Там и будет разговор. Денег они тебе точно дадут, только вот получишь ты их или нет — не уверен.

— Я приложу к этому все силы. Думаю, что получу. — Я помимо воли улыбнулся. «Безопасника» снова передернуло, он поморщился.

— Не скалься, смотреть тошно.

— Потерпи немного. Не так часто мне бывает весело. Ладно, до вечера. Прощевай, пан Григорий.

На крыльцо влетели двое охранников из штата «Теремка». Увидев шефа в весьма плачевном состоянии и меня с автоматом в руках, оба напряглись. Но Кацуба махнул рукой, и они, бросая на меня злые и удивленные взгляды, подхватили шефа под руки и увели из дома. Первый шаг был сделан: само собой, никакие прозвища и клички меня не задевали. Просто просчет ситуации говорил, что «представителем интересов», скорее всего, выберут именно Кацубу. Убивать его мне совершенно не хотелось. Амеры и их прихвостни всегда старались вбить клин между народами бывшего Союза. Принцип британских колонизаторов — «разделяй и властвуй» — прекрасно работал и в новом тысячелетии. Кидаться на людей только за прозвища — не мое. Но это был просчитанный амерами момент: стычка москалей и хохлов на пустом месте по пустому поводу, такое они воспримут как должное.

Прервал мои размышления стук копыт: Лесник возвращался с обхода территории. Я уже успел разрядить и почистить автомат, запер его и АПБ в оружейный шкаф. Нужно было попросить у Богдана какую-нибудь одежонку, раз уж придется выйти в свет, так сказать. Лесник уже расседлал Орлика и теперь чистил лоснящуюся угольно-черную шкуру жеребца.

— Вечер добрый, Богдан.

— Добрый, добрый. — Вести в околоте разносились моментально: о моей стычке с Кацубой уже знали все. Голос у Лесника был недовольный. — Ты чего озоруешь, а? Григорий — мужик правильный, пиндос тебя сразу в подвал предлагал посадить, а он отговорил. А ты его покалечил. И почему? Всех, Антон, как-то прозывают. Вас москалями, нас хохлами, белорусов, вон, бульбашами кличут. А ты в драку полез.

— Думаю, что Кацуба мне потом спасибо скажет и горилка с салом на моем столе

переводиться не будет, благодаря его стараниям. Но на все нужно время, Богдан. Не серчай, последствий никаких не последует: я им нужен живым. Ты вообще тут ни при чем. Обойдется какнибудь. Я чего хотел-то: дашь мне что-нибудь из гражданской одежды? В клуб ваш сходить. В «камке» буду э... сильно выделяться.

Лесник выделил мне довольно приличные темно-синие джинсы, тупоносые, но хорошо смотревшиеся коричневые ботинки и белую «тенниску», немного просторную в плечах, но чистую и почти новую.

Пистолет я брать с собой, конечно, не стал: АПБ смотрелся бы нелепо, выделяясь своими размерами. Кроме того, опасность мне не грозила, и я навскидку назову пяток способов, как можно будет отбиться от местных «секьюрити». Разговор предстоял мирный, и я ждал его с нетерпением. Хотелось поскорее убраться из этого райского уголка, где я чувствовал себя так, будто оказался снова там, в мире за «колючкой».

Переодевшись в гражданское, я почувствовал себя еще менее уверенно, хоть одежда не стесняла движений и была впору. В холле было трюмо с большим, «в рост» зеркалом. Подошел и глянул на себя: из зазеркалья на меня смотрел человек среднего роста, плотного телосложения, привыкший ходить чуть сутулясь. Коротко стриженные черные с проседью волосы, овальное лицо, сломанный нос, пристальные карие глаза и неулыбчивое, как бы сонное выражение лица. Вроде все как обычно. Не признаю ни усов, ни бороды, хотя иногда приходилось отпускать и то и другое. Вошел Лесник одобрительно кивнул:

— Нормально смотришься. Только все равно за версту видно, кто ты есть на самом деле. Нас, вояк, хоть в чего наряди, все одно кажется, что в камке ходим. Человечек мой приходил: завтра, часам к шести утра, будет тебе новый комбез. Подгоним. Флягу я тебе тоже подарю, а потом, и правда, уходить тебе надо. Выброс через трое суток на четвертые ожидается: пока до Поповича дойдешь, может и зацепить. Артефактов, жаль, нету у тебя, без них трудно.

— Скажи, Богдан, а не видел ты такой продолговатый артефакт, на ракушку речного моллюска похожий?

Лесник задумался, прикидывая что-то в уме. Затем отрицательно мотнул головой: не видел, мол. Оставалась слабая надежда, что подарок Охотника не рассыпался в прах и лежит преспокойно в схроне. Чуть погода вошел парень из охраны «Теремка», кивнул Леснику и, угрюмо глядя в сторону, протянул мне прямоугольный, похожий на почтовый конверт лист картона. Это было приглашение на закрытую vip-вечеринку, обставленную в стиле венецианского карнавала. Встреча была, таким образом, назначена на 11:30 вечера. Игра продолжалась.

2.2

...В зале царил, как и положено, полумрак, прореживаемый лучами лазерной подсветки, что позволяло видеть прелести танцовщиц у шеста. Меня проводили на второй этаж, где имелось нечто вроде театральных лож. Интерьер «сельского клуба» сильно отличался от экстерьера — внешне клуб выглядел как бревенчатый терем с веселыми башенками, внутри же это был обычный дорогой ночной клуб.

Охранник подвел меня к столику, за которым сидели уже знакомый мне Хиггс и мужик лет около шестидесяти. В дорогом бежевом костюме, с небрежно повязанным на жилистой шее шелковым черным платком, выделяющимся на фоне красной сорочки. Седые, коротко стриженные волосы, высокий с залысинами лоб, выцветшие брови и поразительной мертвенности серые глаза. Острый, как лезвие топора нос и тонкогубый бескровный рот. Чувствовалось, что с этим человеком лучше не пересекаться. Чем-то он неуловимо напоминал амеровского киноактера из «Охотника на оленей» — Кристофера Уокена. Но только напоминал. В актере чувствовалась фальшь, когда тот играл некоего не шибко хорошего парня. А передо мной сидел самый настоящий «плохиш», обставить такого будет нелегко. Оба иностранца кивнули, приглашая сесть. Музыка каким-то образом обтекала

пространство, где мы сидели, слабо журча вокруг. Слышно было даже, как звякает лед в бокале у седовласого. Он кивнул помощнику, и Хиггс заговорил:

— Господин Васильев, позвольте представить вам моего шефа, члена совета директоров «Advance Research», господина Уильяма Эдвардса. Он прилетел пару часов назад, чтобы лично обсудить с вами условия контракта.

Опа! Видимо, ставки действительно высоки, раз такая акула зашла пообщаться с прапорщиком в отставке. Хотя чего-то подобного я и ожидал, когда отправлялся с Ник-Ником в эту поездку.

— Давайте сразу к делу. Вы согласны на мои условия или нет? — Хиггс было дернулся, но Эдвардс одним движением уголка своего тонкого рта осадил подчиненного и, чуть подавшись вперед, заговорил по-русски с сильным американским акцентом:

— Господин Васильев, сэр. — Голос у него был негромкий, но слова словно врезались в сознание. — Вижу, что мой помощник не ошибся, рекомендуя вас как делового человека и жесткого профи. Понимая и принимая все риски предстоящего дела и возможные... потери, я уполномочен сделать вам встречное предложение. Лично вы получаете сорок пять тысяч евро, если миссия не принесет желаемого результата, и ваши люди по пять тысяч долларов, что является обычной ставкой наемника при выполнении боевой задачи с риском для жизни.

— Это разумно. Пока мне все нравится.

— Perfectly. В случае же, если вы добудете и доставите то, что нас интересует, в полном или достаточном для изучения объеме, то лично вы получаете сто пятьдесят тысяч евро. А ваши люди по тридцать тысяч долларов, плюс бесплатное лечение, реабилитацию и, если нужно, «green card»⁷⁴ и полный иммунитет от местных и американских властей. Для обеспечения контроля за нашими инвестициями с вами пойдет наш сотрудник. Вмешиваться в ход операции в активной фазе он не будет. Просто по получении вознаграждения вы передадите ему все добытые материалы. Таковы условия. Вы согласны?

— Более чем. Господин Эдвардс, с вами приятно вести дела. Одно маленькое уточнение: мне потребуется определенная сумма на расходы для экипировки и вооружения группы. И месяц срока для проведения набора и боевого слаживания бойцов. Причем я рассчитываю на вашу помощь в получении некоторых образцов вооружения и экипировки по вашим каналам. Это возможно?

— Все зависит... что вам нужно?

— Две антиснайперских винтовки «Barret XM500»,⁷⁵ оптика и полный боекомплект к ним. Особенно меня интересуют фирменные патроны с усиленным зарядом и бронебойные патроны. Чешское или там болгарское фуфло не предлагать, слышал, что ваши новые братья по капитализму всюду клепают подделки. Выглядит такой патрон как настоящий, но и только. Не хотелось бы сюрпризов в поле, вы меня понимаете? Также потребуется определенная сумма для выезда некоторых моих людей сюда, в Зону. А конкретно — на Кордон.

— Все необходимое вам доставят в нужное место и в требуемые сроки. Вы получите нашу поддержку в вопросах получения разрешений на въезд для ваших людей. Обговорите это с господином Хиггсом.

— И полный пакет информации по заданию. Все, что вы сочтете возможным мне передать. От того, насколько полными будут эти данные, зависит сохранность и ваших инвестиций.

⁷⁴ Вид на жительство.

⁷⁵ Barret XM500 — крупнокалиберная, так называемая «антиснайперская» винтовка. Принадлежит к последнему поколению дальнобойных СВ, отличается высокой точностью боя на дистанции свыше 1000 м и относительной компактностью, нехарактерной для оружия этого класса.

— Хиггс! — Шеф «канадца» снова дернул губой, и Хиггс протянул мне флеш-карту. — Здесь все, включая снимки, сделанные нашими полевыми агентами. Примерные характеристики боевого комплекса. Точки входа в лабораторный комплекс... Те, о которых мы знаем. Примерная численность гарнизона охраны. Время готовности по тревоге и прочее. Также указаны точки эвакуации, где вашу группу будет ждать вертолет, как только мы получим сигнал о завершении миссии.

— Отлично. Тогда по рукам?

— По рукам. Но месяц — это много. Могу дать только две недели на подготовку и неделю на набор группы.

— Это меньше, чем я ожидал, но допустимо. Согласен. Теперь же разрешите откланяться, мне пора. Завтра утром я планирую уходить.

— Одну минуту, господин Васильев. — Это был Хиггс. — Не возражаете, если вместе с вами пойдет и наш человек? Так будет проще.

— Для вас — вполне допускаю, что и так. Мне попутчик не нужен. Отправьте своего человека на Кордон вертолетом. Это быстрее. А мне еще нужно прийти в форму, притереть новое снаряжение. Через трое суток мы можем встретиться с вашим человеком на Кордоне, в местной столовой. Ее там все знают, не промахнетесь. Свяжетесь с хозяином заведения, и мне дадут знать, что ваш человек готов общаться.

— Хорошо. Наш человек будет ждать вас через трое суток в указанном вами месте.

— But mister Edwards, sir!..⁷⁶ — вскинулся было со своего места Хиггс, но его начальник так глянул на своего помощника, что последний побледнел и плюхнулся в кресло, даже несколько съежившись. Эдвардс снова обратился ко мне:

— Простите моего ассистента, господин Васильев. Некоторые вещи ему пока сложно понять. Думаю, что со временем это пройдет. — Он чуть повернул голову в сторону Хиггса: — It after all will pass I hope?..⁷⁷

На Хиггса было больно смотреть, он молча кивнул и стал разглядывать танцовщицу на сцене. На девушке из одежды осталась только одна полумаска. Я пожал Эдвардсу руку, и это было твердое, мужское рукопожатие. Капиталист оказался не только денежным мешком, он был из той породы людей, которые с возрастом только матереют. Чем старше, тем крепче, вроде как хорошее вино... или булатный клинок.

Неожиданно прожекторы осветили сцену, и голос ведущего объявил на иностранной мове, что выступает звезда клуба «Теремок» Оксана. На сцену вышла моя давешняя знакомая, наряженная в мужской, кобальтово-синий с серебряным шитьем камзол и такие же, обтягивающие стройные длинные ноги девушки, бриджи. Высокие ботфорты с обшлагами выше колен, кружевное жабо. Костюм дополняли черная с серебряным же кантом шляпа-треуголка, белая, с лукавым прищуром глазных прорезей венецианская полумаска и парик с буклями.

Рваный ритм в стиле «техно», по-моему, это была замикшированная тема из культового фильма «Das Boot». Двигаясь под музыку в скачущих бликах света, Оксана освободилась от камзола, оставшись в свободной рубаше, бриджах и ботфортах на высокой шпильке, лишь стилизованных под свой тяжелый кавалерийский аналог. Парик и маска тоже улетели и потерялись в темноте зала. Вьющиеся крупными полукольцами светлые волосы девушки разметались по плечам, ниспадая до середины спины. В конечном итоге на танцовщице не осталось ничего. Дикий животный магнетизм заставлял неотрывно следить за танцем. Вот, выписав головокружительный пируэт на шесте, девушка замерла, упала на колени и прогнулась назад. Последние аккорды мелодии смолкли, и тут же девушка прямо с колен, обратным движением вдруг стрелой взвилась вверх, поднялась на ноги и отвесила поясной

⁷⁶ Но господин Эдвардс, сэр!..

⁷⁷ Ведь это пройдет, я надеюсь?..

поклон. Волосы упали, словно занавес, скрывая нагое, разгоряченное танцем тело почти полностью. В тот же миг свет померк и танцовщица исчезла.

Некоторое время царила тишина, даже слышно стало звяканье кубиков льда в чьем-то бокале. Потом и «канадец», и его суровый хозяин громко зааплодировали, я сам не понял, как тоже присоединился. Танец был потрясающе красивым. Снова зажгли свет, вышла другая девушка. Но превзойти выступление Оксаны было трудно. Я пошел к выходу, когда кто-то тронул меня за локоть. Оксана, уже переодевшаяся в легкие светлые брюки и белую блузку с надписями, имитирующими газетный разворот, но все еще не остывшая после выступления, буквально потащила меня к барной стойке.

— Ну как, вам понравился мой номер?

— Это было очень красиво, Оксана. Хотя я в этом ничего не понимаю, но мне очень понравилось. Спасибо.

Девушка отчего-то смутилась, видно, я нечаянно опять сморозил глупость. Затем, следуя правилам хорошего тона и проверив небольшой запас наличности в карманах, я предложил ей выпить. В старом комбезе был НЗ как раз на этот случай: «штука» местными и столько же зелеными бумажками амеровского казначейства. Лесник все передал мне после того, как я оклемался. Вот и пригодилась заначка. Уходя на войну, я и помыслить не мог, что буду угощать на эти деньги шикарную стриптизершу. Но случай был какой-то необычный: девушка махнула рукой и сама сделала заказ бармену, пояснив, что им выпивку ставят бесплатно. И, наотрез отказавшись принимать от меня проставу, сообщила совершенно необходимым тоном, что раз уж она пригласила меня, то она же угощает. Альфонсизм, конечно, получался, но настаивать я не стал, заказав «отвертку», или по-простому — водку с апельсиновым соком и льдом. Я предпочитаю выпивку без фокусов, но раз угощает дама... к тому же, апельсиновый сок чуть снижает воздействие алкоголя. Девушка снова заговорила, тон у нее был какой-то странный: не осталось и следа от веселости, и уверенная манера держаться тоже куда-то пропала.

— Завтра я уезжаю с Биллом, недельки на две. Поедем на Карибы, а не в какую-нибудь немытую Турцию. Но сегодня я... Ай, забудь. — Она перешла на «ты», что несколько меня не покорило. — Ой, извините...

— Нормально, хоть я и пожилой человек, но до мистера Эдвардса мне еще далеко. Можно на «ты».

— Извини, что навязываюсь вот так, обычно все наоборот, а тут...

— Я даже польщен. Только думаю, что ничего не получится. Тебя сейчас просто тянет к свежему человеку, не твоего круга. Смена впечатлений и все в этом роде, но эта дорога никуда не ведет. Мы слишком разного хотим от жизни, Оксана. Надоест тебе со мной очень быстро, не обижайся. Знаю, о чем говорю. Поэтому и холостой пока.

Девушка отпила из высокого бокала какой-то зеленой жидкости. Потом печально улыбнулась и согласно наклонила голову.

— Может, и так. Надоели все эти денежные мешки со скользкими лапами и... короче, надоели. Хочется познакомиться с нормальным парнем вот вроде тебя.

Тут меня разобрало, и я усмехнулся. Девушка не вздрогнула, быть может, оттого, что в клубе царил полумрак, и продолжала цедить свой напиток.

— Не, я вряд ли нормальный. Нормальные сидят дома, по часам ходят на работу, а вечером возвращаются к семье, жене и детям. Я же бегаю по лесам и горам. Пускаю кровь тем, кто не успел сделать этого со мной. И если повезет, переживу завтрашний день. Это не нормально. Но другой жизни для себя я не хочу, хоть она и подходит одному на десяток. А насчет «скользких лап», так это не про старика Эдвардса; хватка у него железная, да и рукопожатие сильное. Если поведешь себя правильно, скучно тебе с ним не будет. Только не лезь в его дела, и будешь в шоколаде до конца жизни. Ты ему очень понравилась, а таких людей трудно удивить, поверь, я знаю.

Речь получилась для меня непривычно длинной, и я залпом допил то, что осталось в стакане. Оксана как-то нервно передернула плечами и, соскользнув со стула, встала передо

мной в полный рост, и наши лица оказались на одном уровне. Я не садился за стойку, поэтому эффект получился убойным: Оксана очень красивая девушка, а я живой мужик, который уже довольно давно не видел так близко столь легко одетой женщины. Где-то я слышал, что если мужчина и женщина одного роста и им доведется столкнуться в подобной обстановке лицом к лицу, то это способствует знакомству и последующим романтическим кренделям. Мол, если лица вровень, то это как в постели. Время, как в бою, замедлило ход, наши взгляды встретились, запах ее духов и разгоряченного танцем тела кружили мне голову, я услышал, как звенит некая некая связующая нас нить. Тренк! Девушка потянулась ко мне, и неожиданно для меня наши губы слились в поцелуе. Долгом и сладком. Потом она развернулась и ушла, оставив меня в легком трансе.

Следовало убираться отсюда. Завтра же, с рассветом. Было уже начало первого ночи, после полумрака клуба к темноте снаружи привыкать не пришлось. Территория освещалась только по охраняемому периметру, плюс освещение отдельных «проблемных» секторов (или плохо просматривающихся, или труднодоступных для патрулирования). За полчаса я быстрым шагом добрался до дома Лесника. Прошел на второй этаж, присел у стола и вставил флеш-карту в ПДА.

Данные по миссии были довольно подробными и полностью подтвердили мои предположения относительно вторичности задания моей группы. Точек входа в подземный комплекс под Припятью было всего две: одна на северо-западном плоскогорье, в непосредственной близости от второго аванпоста «Обелиска», откуда они и появились в прошлый мой визит в тот район, а вторая — на юго-востоке, в лесном массиве, но уже ближе к самому первому аванпосту сектантов, что объясняло частые стычки рейдеров «сечевых» с сектантами в том районе. Место было «горячее» и хорошо укрепленное, прорыв в этом направлении был возможен только при поддержке крупного войскового соединения, до двух рот включительно. Проскочить мимо патрулей, не вызвав подозрений, практически невозможно.

Замысел Эдвардса понятен: я со своими отвлекаю на себя «девятку», позволяя другой группе пройти с парадного входа, наверняка при поддержке рейдеров «Вольной Січі». Нас, конечно, «гасят», — видимо, расчет строится на том, что либо мы засветимся раньше, чем попадем в катакомбы, либо нас «подсветят» с помощью агентуры. Но не сразу, а только перед началом операции, когда я сообщу о том, что нахожусь на исходных позициях. Наемники, чью гибель я видел, — это была проба сил. Теперь же в ход пойдут все козыри, даже такая мелкая козырная шестерка, какой меня считает Эдвардс. Мило. Но мы попробуем переиграть хитрого миллионера.

С «девяткой» однозначно придется разбираться самому, но близкий контакт недопустим. В этом случае шансов нет в принципе. Остается засада. Нужна взрывчатка... очень много взрывчатки. И хороший спец по минно-взрывному делу. Еще нужно двое снайперов. Но не балованные амеры, лучше если это будут наши парни.

Проанализировав снаряжение убитых наемников и тип минного поля, который они выставили, я нашел две ошибки, приведшие к гибели группы: они поставили комплекс типа «капкан», реагирующий на звук и объем. В костюмы сектантов были встроены суспензорные устройства, облегчающие экипировку. Плюс, скорее всего, имелся комплекс, позволяющий отследить работающие электронные устройства и лучи лазерных дальномеров, я видел такой на винтовке у снайпера наемников. Устройство хорошее, позволяет обходиться без «второго номера», но вот нашлись те, кто использовал изобретение против стрелка. Поэтому ноктовизоры — только в пассивном режиме, никаких лазерных указок,⁷⁸ активные ночные прицелы тоже полностью исключались. А в минной ловушке нужно было использовать старые добрые проводные минные детонаторы. И то, и другое позволит остаться

⁷⁸ Имеется в виду лазерный целеуказатель (ЛЦУ), спорное по полезности устройство, якобы сильно облегчающее стрельбу для новичков и стрельбу в ночных условиях.

незамеченными и в нужный момент преподнести сюрприз «девятке». Близкий огневой контакт полностью исключался, единственный выход — заманить их на минное поле, предварительно выбив снайперов и гранатометчиков из дальнобойных СВ...

Шорох у дверей. Закрыв ПДА, я обернулся. Даша. На девушке были джинсы, легкие туфли и черная футболка. Краски на лице самый минимум, на шее — золотая цепочка с кулоном. Оправленный в золото мой подарок — синий камень.

— Привет. В клубе был. — Это была констатация факта, а не вопрос. Тон был спокойный, но в воздухе уже пахло грозой. Все имели на меня какие-то планы. А меня самого никто спрашивать не собирался. Дурдом! Нет, уходить надо, и чем скорее, тем лучше.

— Был. Вчерашние гости сделали мне неотразимо выгодное предложение. И еще видел, как танцует Оксана.

Даша прошла в комнату и присела на краешек кровати. Затем посмотрела на меня как-то задумчиво и произнесла:

— Врать не стану, танцевать, как она, я не умею. Да и статьями не вышла. Оксанка красивее меня — это верно.

— Вы очень разные... уникальные, что ли... Красота — многоликая материя. У тебя она своя, у Оксаны тоже.

— А тебе, — девушка поднялась и подошла ко мне вплотную, так, что я ощутил запах ее тела, — никаких духов, только некий травяной аромат, очень тонкий, почти неуловимый, — какой тип нравится больше, ее или мой?

— Мне не нравится твой возраст и испорченные отношения с отцом.

Я отодвинулся, но Даша снова приблизилась и обняла меня за шею.

— Да ну тебя! Кровохлебов всяких не испугался, а девчонку трусишь обнять... Я так хочу. И папка знает, что силой меня не взять. — Девушка отстранилась, но рук не убрала, глядя прямо мне в глаза. — Или я все неправильно с подарком поняла?

Черт... Я тогда действовал импульсивно, вспомнив свою младшую сестру, а Дашка напридумывала себе. В голове была каша, во рту пересохло. Я отстранил девушку.

— Прости, Даша. Дело не в симпатиях. Ты мне очень нравишься, но подумай сама: меня могут грохнуть не сегодня — завтра. А если не убьют, то поставят всю Зону на уши, чтобы отыскать.

Девушка топнула ногой и вдруг стала быстро раздеваться. В неярком свете ночника я заметил татуировку: маленького скорпиончика на левом плече, едва выделяющуюся на загорелой коже. Потом она стремительно подбежала ко мне, и я получил второй за вечер горячий поцелуй от красивой девушки. Только на этот раз избежать логического продолжения не получилось...

Через два часа мы наконец смогли оторваться друг от друга. Вопреки моим опасениям, у Даши я не был первым мужчиной. И она вела себя довольно уверенно. Поцеловав меня в щеку, она выскользнула из кровати и, собрав свои вещи, ушла к себе, оставив после себя тот легкий травяной запах и звенящую пустоту во всем моем теле. Обычно девушки не прыгают на меня стаями, но то, что случилось два часа назад... Время покажет, что это значило для нас обоих. Я человек не особо влюбчивый и говорливый, и, как правило, такие девушки, как Оксана или Даша, не замечали меня. Обходилось как-то... На короткие полтора часа я заснул. Как всегда, без сновидений.

На утро Даша вела себя так, будто ничего не произошло. Лесник только глянул на дочь со значением и позвал меня подгонять снаряжение. Комбез оказался лучше моего старого, это была та же легкая модель, по компоновке элементов бронезащиты напоминающая наш российский «Вызов»⁷⁹ третьего класса защиты. Думаю, что метров с двадцати пули из АК-74 он удержит без проблем. Изюминкой данного пошива была прирученная «паутинка»,

⁷⁹ Бронекомплект «Вызов» М2. Модульная, двухсекционная конструкция БЗК позволяет подгонять комплект по фигуре сугубо индивидуально, увеличивая защитные свойства.

вроде тех, что вшивают себе рейдеры «Альфы». Мы установили и откалибровали датчики аномалий и радиации. Чувствительность и точность выделения радиочастот повысились. Как и сказал Лесник, примерно на пятнадцать-семнадцать процентов. Облачившись и надев разгрузку, я наконец почувствовал себя в своей тарелке. Привычная тяжесть оружия и амуниции настраивали на оптимистический лад. Мы с Богданом вышли на крыльцо, и он не стал ходить кругами, сказал напрямик:

— Дашка добралась таки до тебя. Не журишь: чего в голову вобьет — обязательно сделает, говорил же. Я давно ей не советчик в этих делах, а про тебя могу сказать, что ты ее не обидишь. Думайте сами, как поступить.

От отца девушки, с которой у тебя отношения дошли до постели, обычно ожидаешь чего-то другого. Батяня моей бывшей жены нормально заговорил со мной только после свадьбы, да и то во время каждого совместного застолья упрекал в распутстве. Успокоился он лишь тогда, когда я, не выдержав, пару раз несильно стукнул его кулаком в печень. Богдан оказался мудрей, понимал, что руганью уже ничего не поправишь, осталось только породниться. Я протянул старику руку:

— Спасибо, Богдан. Твоя правда: не обижу, и не знаю, как оно повернется в дальнейшем. Ты же видишь, что начинается.

Лесник, пряча улыбку в бороде, крепко пожал мне руку и, согласно кивнув, проговорил:

— Нет, я думаю, что поперхнется заморский гость этим сухарем. Я ваших в свое время повидал. Вы в сортир-то с одним выходом не полезете. Думаю, что ты уже придумал, как вывернешься.

— Почти так. Только все решит бог войны. А кому он окажет предпочтение в этом бою, я не знаю наверняка.

— Бог помогает тому, кто сам себе утонуть не дает. Ладно, уже рассвело. Пошли, пожалуй.

— Дашук! — крикнул он, обернувшись к двери. — Иди, попрощайся с Антоном.

Вышла Даша. Дочь лесника была одета в комбез, берцы, на бедре — тактическая кобура с привычным «вальтером». Шляпочка скрывала волосы, только, как и в первую нашу встречу, непослушная прядь светлых волос выбивалась из-под нее, падая на щеку.

— Я готова. У границы попрощаемся. Пошли, папка.

Мы сели на лошадей. Мне досталась смиренная Фрося, так как наездник из меня аховый. Кобыла аккуратно донесла меня до границы, отделяющей Ржавый лес от оазиса. Раны почти перестали беспокоить, во время поездки кольнуло разок в груди, отдав в левую руку, и больше ничего, словно ране не пара недель, а несколько лет. У границы оазиса Лесник пожал мне руку и ускакал обратно. Мы с Дашей молча постояли, а потом неожиданно снова оказались в объятиях друг друга. У ее губ был вкус лесных ягод и чего-то еще, неуловимо теплого и родного. Потом она села на коня, взяв Фросю в повод, и тоже ускакала. Неожиданно я поймал себя на мысли, что вот уже пару минут провожаю взглядом давно исчезнувшую за деревьями фигуру всадницы. На душе было тоскливо и как-то особенно мерзко от нехороших предчувствий. Тряхнул головой, отогнав тревожные образы, и взял направление к схрону Охотника.

Лес разительно отличался от того, что я знал и видел раньше. Запахи и само пространство вокруг, казалось, вообще не движутся и застыли так с того момента, как с ними произошла эта чудовищная метаморфоза. Хоть все вокруг, несомненно, и выглядело настоящим, но некая фальшь лезла отовсюду, напоминая декорации на театральной сцене. Это когда из зрительного зала все кажется уместным и более-менее обыденным, а вот если пройти за кулисы, понимаешь, насколько грубо сработан реквизит...

...Схрон оказался именно там, где указал мой побратим. Все было на месте: разобранный «гаусс», пяток артефактов в контейнерах, «сердюк» и, самое главное, «моллюск». Не мешкая, я посадил его на пояс, прицепил также еще пару других артефактов, чуть повышающих выносливость и способных нейтрализовать некоторую долю

радиационного излучения.

Рюкзак, выданный мне Богданом, я выпотрошил и прикопал, переложив все пожитки в свой РД и тщательно их осмотрев. Маячков не обнаружил, но свою паранойю нужно уважать, осмотр не повредит.

Я направлялся на юго-восток. Именно эта точка входа в катакомбы была наиболее пригодна для осуществления моего плана по захвату сведений, столь необходимых амерам. В идеале, боя с «девяткой» лучше было избежать. Но у «секретчиков» в бункере наверняка есть агентура, которая даст отмашку для начала активной фазы операции не раньше, чем сектанты среагируют на мою группу должным образом.

Естественно, лезть в подземелье за каштанами для Эдвардса я не собирался. Мой план был проще: если получится, то уничтожить или замедлить «девятку» на какое-то время. После чего выйти в оперативный район группы конкурентов и, ликвидировав ее, забрать приз себе. Численного перевеса у них не будет: рейдеры «сечевых», скорее всего, используются «втемную» и должны быть большей частью уничтожены при штурме УРа.⁸⁰ Группа будет отступать к точке эвакуации налегке, и тут-то мы ее примем. Сложность заключалась в определении конкретного места зоны эвакуации. Но я уже примерно знал, кто мне поможет. Следовало также занести данные для пристрелки оружия снайперских расчетов в ПДА, чтобы повысить эффективность огня на дистанции свыше километра. Сейчас это было безопасно, так как я шел один, а вот во время боя могла повториться история с наемниками. Сектанты были явно не идиоты, поэтому снайперов они вычислят после первого же выстрела и не дадут им нормально работать. Все опять должна решить внезапность.

Путь до горного массива занял около пяти часов. Сумерки вблизи аномалии Малого Кордона наступали чуть позже, чем это обычно бывает в Зоне. Благодаря этой особенности местной погоды мне удалось точно локализовать и зафиксировать точку входа в служебный тоннель. Она даже не была толком замаскирована, просто заглублена в скалу метра на два. Овальная клепаная дверь с высоким комингсом, тронутая ржавчиной. Она сливалась с черно-рыжей текстурой скальной породы. Ни камер, ни щелей для наблюдения я не увидел, не обнаружилось также ни пулеметных точек, ни наблюдательных постов на поверхности в радиусе шестисот метров. Зато присутствовали повышенный радиационный фон и характерные для аномалий, питающихся человечины, рыжевато-желтые проплешины на скальном грунте и в траве. Сканер радиочастот не показывал даже кодированного радиообмена в радиусе полукилометра. Странно, с учетом близости Мертвого города, где вечно шляются представители самых разных группировок, одно название которых известно только в узких кругах. Швали там хватало, но, похоже, сектанты регулярно «чистили» местность. Это нам поможет: скорее всего, нас соотнесут со сборной наемной группой вроде той, что спецы сектантов загасили у меня на глазах.

Я зафиксировал данные для пристрелки, ориентируясь на показания дальномера, встроенного в мой монокуляр и сопряженного с ПДА. После этого по широкой дуге обошел точку входа и спустился к подножию плоскогорья. Не далее чем в пяти километрах от меня разворачивалась панорама Мертвого города. Скорее, это был отдаленный микрорайон, застроенный типовыми пятиэтажками. Лишь на окраине, той, что ближе к горному массиву, имелись две расположенные друг против друга девятиэтажки. Идеальное место для снайперской позиции. Измерив расстояние до окон шестого и восьмого этажей обоих зданий, я занес данные в «блокнот снайпера» и спустился ниже по склону, выйдя на равнину. Складки рельефа не позволяли двигаться быстро, да и аномалии не давали развить приличной скорости. Тщательно зафиксировав все особенности ландшафта места операции, я приблизился к высотным домам.

⁸⁰ УР — укрепленный район. Система инженерно-оборонительных укреплений, включающая в себя долговременные и заглубленные огневые точки, минные заграждения, артиллерийские и минометные позиции, а также средства поддержки пехотных подразделений на уровне взвод-рота-батальон.

Более чем уверен, сектанты тоже наведывались сюда, но, судя по следам, это было около месяца тому назад. Осмотр помещений внушал неслабую долю оптимизма; сектанты, как я и предполагал, осматривали пару первых этажей. Потом поднимались на крышу, где у них стояли сторожевые аномалии. Подъезды тоже были заминированы, но по какой-то причине только три из четырех в первом доме и один во втором. Остальные «молчали» при сканировании на радиацию. Да и визуальных признаков ловушки не наблюдалось.

Разгадка ожидала меня во время осмотра лифтовых шахт: в заминированных зонах лифты были до сих пор исправны, а в остальных подъездах лифты были просто сняты. Тактическая ошибка, допущенная сектантами в ходе зачистки зоны ответственности, сработала в мою пользу. Я добавил в список необходимого снаряжения рамочные сосредоточенные заряды. Кто знает, что за сюрпризы ожидают того, кто захочет посетить пустую шахту лифта. Мы сделаем сквозную дыру прямо в полу, что позволит снайперам убраться раньше, чем их попытаются накрыть из чего-нибудь пакостного. По времени это будет даже быстрее: скоростной спуск на торсах займет не более минуты. Винтовки, само собой, придется бросить, но тоже по-хитрому: тому, кто придет за трофеями, будет очень плохо, практически смертельно плохо.

Неожиданно я ощутил Зов. Слабое гудение где-то в районе левого виска. Потом стали появляться мыслеобразы: лестница на крышу, сломанный громоотвод, белым зигзагом шла линия на черном, потрескавшемся и местами вставшем дыбом рубероиде крыши. Безопасный проход через ловушку. Меня ждали. Следуя инструкциям, я поднялся на крышу и осторожно пробрался к громоотводу, почти прислонившемуся к земле. Знакомый голос проскрежетал:

— Безопасно. Охотник рад. Тридцать девятый жив. Охота?

Кровохлеб появился у самого стержня, в двух шагах от меня. Массивная, с длинными руками и шишковатой головой фигура хозяина Зоны высилась на фоне городских руин и низкого, такого родного для меня серого неба. Я протянул руку, и Охотник, сделав шаг навстречу, осторожно пожал ее.

— Брат! Угадал. Большая охота. Месть.

Я впервые за несколько лет искренне поприветствовал существо, которому мог довериться безоговорочно, как самому себе. Таким словом мы приветствовали друг друга во взводе, когда целые или не очень возвращались с боевых.

— Брат! — проскрежетало в ответ, сопровождаемое сходными с моими эмоциями, которые Охотник транслировал мне напрямую. — Враги умрут. «Пустотелые» не умеют думать сами: голос говорит с ними. Если далеко — не думают. Голос не слышат. Портятся. Умирают. Ты победишь. Город — нет спокойствия. Много людей. Тридцать девятый — нужно остаться здесь. Безопасно. Я останусь. Будем отдыхать. Рассвет — охота.

— Понял тебя, брат. Рад, что будем вместе сегодня.

Охотник указал на чердачное окно рядом с громоотводом. Удостоверившись, что я все понял правильно, наклонил голову и скрылся в чердачном окне. Я последовал за ним. Пыльный захламленный чердак имел два преимущества: крыша не протекала и здесь я был в полнейшей безопасности. Перед сном я снова вытащил ПДА и вызвал на экран схему боевого комплекса. Пятый класс защиты, легкость, сообщаемая суспензорами, экзоскелет, неизвестный и хорошо экранированный источник питания. Оружие, по мнению технических аналитиков компании Эдвардса, использовало электромагнитный принцип разгона пули, имело тридцатимиллиметровый подствольный гранатомет с возможностью прямого выстрела в два с половиной раза выше, чем у современных моделей. Получалось что-то вроде «гаусс-винтовки», только легче раза в два и с невероятной скорострельностью. Про «снайперки» было известно не так много: только то, что они долго перезаряжаются, но якобы способны поражать цель на дистанции свыше четырех тысяч метров с первого выстрела.

Ручной гранатомет был револьверного типа, калибр тоже тридцать миллиметров. Мог посылать гранату на расстояние до тысячи метров прицельно, и с очень большой точностью.

Я с самого начала интуитивно был прав: выбить тяжелое вооружение необходимо в первую очередь. Но и обычные штурмовики останутся проблемой. Даже лишенные поддержки снайперов и гранатометчика, они могут расстрелять моих людей, не приближаясь на расстояние, которое даст нам возможность отвечать. В идеале, лучше было бы накрыть гадов из чего-нибудь вроде АГС-30,⁸¹ но не факт, что это сильно повредит «унисолам»: осколочный выстрел для них — как хлопущка. С заявленным уровнем защиты я видел только одну возможность — минная засада. Если долбануть сектантов фугасом на базе двадцатимиллиметрового снаряда, и лучше не одним, тогда можно даже могилы не копать. В роли живца, конечно, нужно послать кого-то с жесткой мотивацией на выживание. Только в этом случае «девятка» пойдет за ним.

Жертвой станет засланный агент или наблюдатель, идущий вместе с нами. А может, и оба вместе. Хотя наблюдателя лучше оставить в покое: при обмене без него возникнут совершенно естественные трудности. Не слишком большие, но и этого мне бы хотелось избежать.

Живца они сразу не убьют, и дело тут не в садизме. Скорее всего, жертву постараются загнать в какой-нибудь из дворов. Может быть, вычисляя сообщников, может, захотят захватить для допроса. Не найдя активного электронного детонатора, сектанты войдут на минное поле, и тут-то мы их и прищучим. Выйдем и добьем оставшихся. Можно будет даже не всех заманивать, сила ударной волны и разлет осколков будут порядочные — накроет всех, кто будет стоять на ногах.

Закончив переваривать информацию, я «придавил на массу» и проспал три часа. Когда я проснулся, Охотник сидел в углу и ждал. Увидев, что я открыл глаза, он молча встал и показал рукой на выход. Видимо, он ушел бы и раньше, но, заботясь обо мне, решил лично проводить меня сквозь сектантские ловушки. Мы спустились на первый этаж и, выйдя на юго-западную окраину Мертвого города, расстались, по обыкновению пожелав друг другу доброй охоты.

Путь до Кордона лежал через пустоши. Я старался обходить населенные места, попутно помечая удобные точки для привалов и размещения временных схронов. По всему получалось, что взрывчатку придется добывать где-то в глубине Зоны, или делать парутройку грузовых выходов по обустройству схронов. В любое другое время я был бы только «за», но оттягивать момент выхода означало дать больше информации для агентов Эдвардса. Действовать необходимо было с минимальным запасом этого самого ценного в мире ресурса.

Теперь необходимо было определиться с личным составом. Взрывотехника и снайперов я думал подтянуть своих. Местных на узловые специальности я ставить не могу. От сапера и снайперов зависит семьдесят процентов успеха миссии. На них делается основная ставка. Аборигенам я планировал отвести роль штурмовиков и страховое обеспечение группы. В том, что мои бывшие сослуживцы согласятся на разовый контракт, я практически не сомневался: если их не интересуют деньги, то мне лично они не откажутся помочь. Это непреложное правило армейских разведчиков: своих не бросать. Ребята помогут, сорвавшись хоть с другого конца земного шара, точно так же, как это сделал бы и я сам, попроси они о помощи.

2.3

...Кордон встретил меня так, словно ничего особенного не произошло: так же горел огонь в бочке на стоянке новичков. Старатели лениво переговаривались, обмениваясь новостями и временами затягивали какую-нибудь песню. Из «тошнилочки» слышался заунывный голос какого-то тюремного барда, сообщающего всем, что «в тюрьме его сердце».

⁸¹ АГС-30 — станковый автоматический гранатомет. Комплектуется ночной и дневной оптикой.

Так оно всегда и бывает: мы можем измениться, но миру для этого нужно больше времени. Обманчивая статика объективной реальности наталкивает на мысль, что обычный человек не оставит на ее ткани ни малейшего следа, как бы ни старался. Все, что было создано или достигнуто ценой больших усилий и жертв, просто исчезнет, растворится без следа. Дождь будет поливать руины, а от могил и склепов останутся только поросшие травой холмики. Прав тот, кто сказал однажды: мы живы, пока нас помнят — без памяти нет вечности для человека.

Я добрался до стоянки новичков к исходу третьих суток, едва не попав под Выброс. Проходить через минное поле не пришлось вообще. Военные не только не укрепили блокпост, но и вообще самоустранились. Нарастив оборону на фильтрационном пункте и обрушив виадук, они почли за благо вообще не казать носа за «колючку». Мины, поставленные на руинах, были раскиданы в спешке, и обойти их не составляло труда даже для новичка. Видимо, с финансированием было совсем худо, но иногда такие решения — самые верные. С потенциальным источником опасности в тылу в лице вооруженного населения Кордона риск нападения, подобного тому, что я осуществил, был весьма велик. Тратить людские и материальные ресурсы было допустимо, если этих самых ресурсов имелось в избытке. Но, видимо, не сложилось. Поэтому вояки убрались за «колючку», а окрестности деревни новичков патрулировались силами людей Серого.

Меня, конечно, остановили, но после подтверждения моей личности самим Серым пропустили в деревню. Я перекинулся с ним парой дежурных фраз, осведомился о здоровье Тараса. Выяснилось, что молодой родственник Серого убрался из Зоны и начал челночный бизнес в Прикордонье, промышляя перепродажей артефактов. Правильный выбор, на мой взгляд: раз Зона показала парню шиш, то не стоит сюда и соваться.

Я спустился в подвальчик к Одесситу. Здесь тоже никаких изменений: играла музыка, Джим Моррисон пел свою знаменитую «Hello, I love you», а хозяин рассматривал разворот журнала «Soldier of Fortune». Подняв глаза, оружейник изучающее осмотрел меня с ног до головы.

— Таки не прошло и года, молодой человек! Вы долго ходили, я уже думал поставить пулемет и начать отстреливаться от заказчиков на ту пустяковину, что вы обещали мне принести.

— Здравствуйте, Михаил Анатольевич. Сами знаете: в вашем деле риски очень высоки. Но и прибыль под тысячу процентов.

— Боже мой, он говорит мне о прибыли! — Оружейник снова вошел в роль «бедного еврея». — Да каждый день эти мазурики обрывают мне телефон, спрашивают: «Когда?», «Скоро?», «Миша, мы ломаем тебе обе ноги. И скажем, что точно так ты и родился...»

— Ну, теперь же этим угрозам придет конец: вот ваш заказ, а мне хотелось бы получить мой.

Я выложил из РД разобранный «гаусс». Довольно урча, словно кот у блюда со сметаной, Одессит стал собирать винтовку. Что-то сверяя с замызганным листом бумаги, он щелкнул кнопкой, судя по всему, это был предохранитель, и винтовка загудела. В окошке слева, перед пластиковым цевьем, появилась цифра «25». Оружейник снова щелкнул предохранителем и гудение смолкло, питание отключилось. Видимо, так оружие переводилось в походное положение. Глянув на меня с улыбкой, Одессит вышел в заднее помещение магазина, унося с собой трофей. Пару минут спустя он вышел с автоматом в одной руке и объемистым мешком цвета хаки в другой. Выложив все это передо мной на стойку, он чуть отодвинулся назад.

— Вот, получите и распишитесь. СКАП пришлось изыскивать не так долго, а вот с вашим АЕК пришлось повозиться. Однако же все по списку. Принимайте.

— За автомат отдельное спасибо, Михаил Анатольевич. Костюм пока опробовать не придется. Это вещь для особых случаев. Сейчас меня устраивает тот, что на мне. И сразу у меня будет к вам деловое предложение.

Одессит выжидательно посмотрел на меня сквозь линзы пенсне.

— И что же вы имеете мне предложить? Если совместный поход за насыпь, то это мимо: не хожу уже давно.

— Нет, все по профилю, Михаил Анатольевич, все по специальности. Нынешней, я имею ввиду.

— Таки я сильно заинтригован. Большой заказ?

— Весьма и весьма приличный. Плюс процент с прибыли, если таковая будет иметь место. Пять процентов.

— Пятнадцать. — Началась обычная игра.

— Шесть, и ни копейки выше.

— Двенадцать, и вы меня снова грабите.

— Семь, и это...

— Хватит вам дурью маяться! — Нашу увлеченную деловую беседу прервал хриплый баритон Поповича. Второй воротила местного теневого бизнеса вошел и с громким стуком поставил тяжелый мешок на пол рядом с собой. — Мишка, дай парню все, что попросит. Если надо, сам с ним пойдешь. Я тоже пойду, если придется.

Одессит слегка присел от неожиданности, но выдержка взяла свое, и он, поправив окуляры, только крикнул.

— И это с какой же радости я должен...

— Рэд приходил. Просил помочь Антону, если тот попросит.

— Нет, этот биндюжник всегда не вовремя: я таки уже был в двух шагах от маленькой виллы на Французской Ривьере. Ну, уже грабьте меня, молодой человек, грабьте — старый еврей все выдержит. О, Стена плача! Когда же я приду к тебе на родной земле, вас обоих не будет в поминании, окаянные шаромыжники! Всех, всех помяну, даже Софу и ее беспутного брата Викентия!

— Хорош причитать, старый лис. — Попович выставил на прилавок литровую бутылку перцовки, а мешок небрежно запихал под прилавок.

Все также продолжая стенать, Одессит закрыл входную дверь на замок изнутри, достал три серебряных стопки, тарелку с тонко нарезанными солеными огурцами и сверток вощенной бумаги, где заманчиво белел кус сала. Отдельно на прилавке появились осьмушка деревенского каравая и пара луковиц. Разлили, чокнулись, выпили и закусили, чем бог послал.

Я изложил старожилам план операции, попутно иллюстрируя свои слова схемами, которые набросал по пути на Кордон, и отдал им флеш-карту Эдвардса. Просмотрев то, что я уже изучил вдоль и поперек, «отцы-основатели» не сговариваясь покрыли амеров и сектантов семиэтажным матом, добрая половина которого была на идиш и содержала такие обороты, которые заставили бы служащих любого портового терминала мира стыдливо покраснеть.

Одобрив в целом мой подход, приступили к обсуждению деталей. Попович настаивал на том, чтобы провести акцию устрашения и, захватив гонца амеровского миллионера, добраться до самого Эдвардса. После чего скинуть миллионера вместе с помощником в «живец» и, сняв на видео, отослать запись совету директоров. Как мне ни было горько, пришлось отклонить столь заманчивое предложение, хотя оно с каждой минутой нравилось мне все больше и больше.

Одессит предлагал договориться с сектантами: «...хоть народ этот оторви да выбрось, но даже рыба имеет язык!..» Потом сдать им всех пришельцев скопом, с неременным условием, что тех быстро не убьют, а головы их выставят на «аллее славы», у первого аванпоста «Обелиска».

Шутки шутками, но, когда эмоции улеглись, оба старожила спросили, что мне требуется для того, чтобы все прошло гладко и к нашей выгоде.

— Прежде всего, нужен телефон. Я хочу вызвать трех своих бывших сослуживцев. Если сегодня дозвонюсь, через трое суток они будут здесь. От вас мне нужны две вещи: двое надежных парней, обязательно с боевым опытом и хорошо знающих Зону. Народ должен

быть тройной очистки, за каждого из которых вы сможете с гарантией поручиться. И один человек, за которого вы ручаться не можете. Эдвардс попытается внедрить к нам своего человека. Помимо наблюдателя, который и так будет на виду, этот агент будет как бы страховкой. На случай, если что-то пойдет не так. Кроме этого, нужны три фугасные стальные мины, лучше, если это будут Ф-864⁸² или их аналоги. И помощь в их доставке к месту ловушки. Все понимаю: фугасы — штука не легкая, но иначе «девятку» не взять. Боюсь, что даже это, — я положил руку на обретенный с таким трудом АЕК,⁸³ — меня не спасет. Я даже не поцарапаю их броню, а они из меня кашу сделают. Их «машинки» прошибали деревья в два обхвата толщиной навывлет. Что скажете?

Купечество переглянулось, минуты две они совещались. Наконец Попович выступил с ответной речью:

— Антон, ты затеял опасное дело, но поскольку оно касается всех нас, мы тебе поможем. НО! Ты должен пообещать, что ни один «пиндос» этой разработки не получит. Что создано в Зоне, тут должно и остаться. Пусть мир обходится без наших заморочек. Я свяжусь с майором Кашиным из «Альфы», погремущек, тех, что просишь, у них есть в избытке. Дадут и пять, и десять, и сто, если надо будет. С доставкой... Ну, это только до определенного места, а дальше я тебе одну вещьцу дам. Груз на две трети полегчает. Хотел продать, но если такое дело — владей, все равно она одноразовая. Координаты, где груз оставят, я тебе через час лично передам. Ну, Мишка, — он обернулся к Одесситу, — теперь ты говори, только давай без фокусов своих: цену не ломи, дело надо быстро делать.

Цвирня кашлянул и, помолчав, согласно кивнул. Щелкнул клавишей бумбокса, в помещении стало тихо. Голос его стал жестким, акцент и юморные интонации испарились. Передо мной был расчетливый деляга, который в случае чего отложит в сторону калькулятор обычный и возьмется за его более смертоносный аналог.

— Хорошо, но бесплатно я товар дать не могу. Кроме того, людям нужно что-то кушать и их работу придется оплачивать, если пойдут на дело.

— Это не проблема, Михаил Анатольевич, — заверил я оружейника. — Хиггс выпишет чек или подгонит наличку в указанные вами сроки, тут Эдвардс дал мне карт-бланш. Другое дело, что опасно предоставлять ему точный список всего оборудования, вдруг его аналитики слишком пристально будут всматриваться в список накладных расходов.

— Ну это же совсем другое дело! — Торговец, он всегда торговец, упоминание об оплаченных расходах сильно стимулировало положительные мотивы Одессита. — Не беспокойтесь, молодой человек. Мы составим двойной список. Цену напишем одну, будет какой нам нужно.

— Я нисколько не сомневался в вашей прозорливости, Михаил Анатольевич. Мне понадобятся электродетонаторы, метров сорок огнепроводного шнура, пять килограмм ПВВ-4 (28), комплект эластитовой ленты⁸⁴ и подрывная машинка. АЕК больше достать не прошу, дайте один АК-104 и четыре АК-103⁸⁵ с подствольниками, и лучше не экспортный, а наш,

⁸² Ф-864 — осколочно-фугасный боеприпас для самоходного миномета 2С4 «Тюльпан».

⁸³ Антон приобрел модификацию АЕК-973, отличающуюся чуть меньшим весом от базовой модели и доработанную под новый ГП «Обувка».

⁸⁴ Имеется в виду инженерный сосредоточенный заряд СЗ-1Э. Состоит из бризантного ВВ «эластит», внешне напоминает резиновую ленту. Используется для подрывных работ по металлу, дереву и железобетонным конструкциям.

⁸⁵ АК-103 — автомат Калашникова «сотой» серии, от АК-104 отличается длиной ствола и, соответственно, большим весом. Также имеет большую дальность эффективной стрельбы.

русский, армейский вариант.... Лучше, если ГП будет «Обувка»,⁸⁶ но «костерок» тоже подойдет. Само собой, разгрузки, фляги, по четыре ручных гранаты (лучше «горных»), два АПБ и один «Форт». Все с тройным б/к. И три «Мухи», для ровного счета. Николай Протопопович, — я обратился ко второму торговцу без фамильярного сокращения, отчего тот чуть изменился в лице, — от вас мне нужны пять костюмов вроде того, что сейчас на мне. Кроме того, мне нужно два комплекта снайперских накидок типа «Леший», и лучше, если они будут расцветки «город-осень», либо из этого чудесного материала, «паутинки».

Попович молча кивнул и, пробурчав, что вечером можно будет зайти и забрать товар, махнул нам с оружейником на прощанье рукой и вышел из магазина. Мы с Одесситом еще некоторое время обсуждали детали поставки, но сошлись во мнении, что по ассортименту, представленному мной, трудно будет разгадать истинные намерения относительно миссии. Спohватившись, оружейник снова скрылся в задней комнате, откуда вернулся со спутниковым телефоном, имеющим характерную нашьлепку шифратора на корпусе.

— Звонить можно куда хотите, только нужно выйти за околицу, ближе к «колючке». И само собой, долго говорить не стоит. Поймите меня правильно, молодой человек, я ж таки не переговорный пункт. Все стоит денег, а их всегда такой мизер...

Заверив оружейника, что все пройдет так быстро, как только возможно, я тоже вышел наружу. Первым делом я набрал номер сестры. С полчаса слушал новости о нашем немногочисленном семействе, получил подтверждение хорошего поведения Сашки и привет от него. Сказал, что вернусь еще не скоро, обещал выслать денег. На душе стало спокойно: у моей семьи все в порядке, вроде можно не беспокоиться. Хотя бы об этом...

Два следующих звонка я сделал в Новосибирск и Абакан. В Новосибе жил мой бывший подчиненный Юрис Спреслис. Парень был снайпером от природы, хотя имел нехарактерные для этой профессии данные: высокий, под два метра ростом, типично тевтонская внешность и фигура штангиста. У него были светлые, «ежиком», соломенные волосы, голубые водянистые глаза, чуть кривоватый нос и тяжелая нижняя челюсть. Во взводе латыш получил позывной «Норд» за сверхъестественное хладнокровие и расчетливость. Отец его служил в милиции, но после выхода Латвии из состава СССР его пытались посадить в тюрьму, как пособника «оккупантов». Не долго думая, он собрал семью и уехал к родственникам жены в Новосибирск. Удачно устроился там юрисконсультom в небольшой строительный кооператив, превратившийся впоследствии в довольно преуспевающую фирму. Сына от армии отмазывать не стал, но тому повезло — попал ко мне во взвод. Латыш отличался феноменальным хладнокровием и змеиным коварством. Мог часами сидеть в засаде без движения, а уж стрелок из него получился виртуозный. Но после «срочной» уволился без объяснения причин. Позднее я узнал, что парень уступил просьбе матери. Работал у отца в фирме. Но каждый день ездил на полигон к знакомому капитану и стрелял, стрелял, стрелял. Однажды я сопровождал колонну дальнoбойщиков — охраняли груз по субподряду. И во время остановки в Новосибирске случайно столкнулся с Юрисом у входа в супермаркет. На миг сквозь обычную маску невозмутимости проступила на лице латыша тоска. Я все понял: больше всего на свете Юрис хочет снова быть в деле. Обменялись адресами, выпили пива, потом частенько перезванивались. Вот вроде как сейчас.

— Здравия желаю, сержант Спреслис, это прапорщик Васильев тебя беспокоит. Узнал?

— Товарищ прапорщик?! Здравии... Рад слышать тебя, командир. Что так поздно, у нас ночь уже.

— Есть к тебе предложение Юрис. Сам знаешь, просто ради поболтать никогда вас даже на службе не будил.

Парень сразу же согласился. Я попросил подтянуть еще одного человека. По той же специальности, из тех, кому латыш полностью доверял. Он ответил, что есть один человек. Только без опыта нашей службы, но разрядник-биатлонист. От денег на дорогу Юрис

⁸⁶ ГП-30 «Обувка» — подствольный гранатомет.

категорически отказался. Я дал ему координаты фильтрационного пункта, за которым находился Кордон. Договорились встретиться через двое суток.

В Абакане проживал Иван Григорьев, эвенк по национальности. Мы его звали Ваня Крот, он не обижался. Маленький, но удивительно сильный, эвенк был Взрывотехником: именно так, с большой буквы. Мог соорудить взрывчатку из чего угодно, поместить ее на спину блохе и отправить в Белый дом, и тот рухнул бы, если бы Ваня Крот этого очень сильно захотел. Уволился Иван по гораздо более приятным причинам: он разбогател. Какой-то международный фонд купил у его бабки древний, шитый бисером нагрудник, оказавшийся жутко дорогим. Не выдержав свалившегося на ее старую голову счастья, старуха померла, завещав Ване без малого сто тысяч долларов. И после десяти лет службы прапорщик Григорьев стал владельцем пиротехнической фабрики. Делал петарды и фейерверки. Но тоска по настоящему делу давала о себе знать: маленький эвенк часто звонил мне. Звал к себе в гости и, судя по всему, стал выпивать.

Он тоже согласился без вопросов, и голос его очень не понравился бы сектантам. Потому что точно так же он говорил при мне про один хитрый фугас, с помощью которого отправил к Аллаху почти сотню «духов» вместе с караваном оружия и четвертью тонны наркоты в тюках. Работал Иван так ювелирно, что его возили по всем мало-мальски причастным подразделениям с целью обмена опытом. ГРУ делало эвенку заманчивые предложения: дадим офицера, в Москву учиться пошлем. Но Крот, во-первых, не хотел уходить из моей банды головорезов; а во-вторых: как-то кстати подвернулось неожиданное наследство, и вопрос с военной карьерой закрылся сам собой. Прибытие моих друзей ожидалось через двое суток. Пропуска были заказаны для них Хиггсом, который должен был провезти моих друзей и обещанные винтовки через карантин.

Я снова снял номер у Поповича, положил все лишнее в шкаф и отправился на импровизированное стрельбище, чтобы пристрелять новый ствол. Мудрить я особо не стал, поставил точно такой же коллиматор, как и на «сто четвертый». Мой верный АК я хотел отдать Юрису, такой же — и второму стрелку, которого латыш должен привезти с собой. Крот всегда любил чего попроще. Поэтому ему я решил дать «трешку» с коллиматором и подствольником. АК-103 делали и на экспорт, и частично они протекали в войска. Но чаще всего везло ментам, поэтому автомат быстро оказался на черном рынке. Что касается компоновки, то раньше такое сочетание было недопустимо: оптику срывало отдачей выстрела из ГП. Но после усиления крепежной защелки прицела все стало более чем приемлемо, и можно было не жертвовать точностью ради безопасности.

Автомат вел себя безупречно: кучность огня по ростовой мишени на стометровке была просто фантастическая: пять из пяти выстрелов в очереди укладывались в круг не более пяти-семи сантиметров, вырывая центр мишени. Благодаря новому дульному компенсатору по типу стоящих на семьдесят четвертых «калашах», импульс отдачи практически не ощущался. При стрельбе из разных положений точность чуть снизилась. Но после двух часов работы все пришло в норму — скорость выполнения упражнений даже возросла раза в полтора! Я снова не прогадал: ствол был отменно хорош. Конструктор был достойным преемником генерала Калашникова, и мнение о современных оружейниках у меня улучшилось. После знакомства с АН-94 я был просто в шоке: сложный, капризный и тяжелый «Абакан» вообще никак мне не показался. Но теперь я видел, что бывают и просветы среди туч.

Довольный и чуть усталый, я вернулся в гостиницу и приступил к разборке и чистке «ковруши». Любому оружию, если хочешь с ним подружиться, нужно дать имя. Желательно ласковое. Есть такая примета: не полюбишь то, с чем идешь в бой — назад можно и не вернуться. И, словно в подтверждение старинной солдатской мудрости, приятно удивил обиход автомата: сложностей не было никаких. Чуть муторнее, чем с АК, из-за противовесов и досылателя, но опять же все решили несколько часов занятий. Скорость разборки-сборки чуть отставала от нормативов, но по прошествии времени тоже все стало на свои места. Однако правы оказались те, кто говорит, что такой автомат срочникам давать нельзя —

угрожат и себя, и оружие...

...Уже стемнело, когда на ПДА пришел вызов от Хиггса. Тот сообщал, что человек, страхующий операцию с их стороны, прибыл на Кордон и ждет меня в «тошниловке». Также он сообщал, что их агент сам подойдет ко мне. Но перед этим следовало поговорить еще с одним участником будущего шоу. И видеть его никому не желательно. Я вышел за околицу и просто стоял, вслушиваясь в далекие звуки Зоны: вой псевдособов, визг дерущихся кабанов, выстрелы, шум дождя и шорох ветра, играющего палой листвой. Охотник как всегда появился из воздуха. Я подошел, обогнув «спираль», мы обменялись рукопожатиями, затем присели на корточки под старым раскидистым кленом. Я изложил свою просьбу. Вопреки ожиданиям, Охотник не думал долго, лишь согласно наклонил голову. Затем мы снова поднялись и он сказал на прощание:

— Тридцать девятый должен знать: охота — дело семьи. Согласился — братья. Не делим охоту. Только семья. Тридцать девятый — семья. Брат.

— Охотник — семья. Кровный брат.

Я утвердительно кивнул и прижал раскрытую ладонь к левой стороне груди. Чуть помедлив, Охотник повторил мой жест и растворился в сумерках...

Автомат на встречу я брать не стал, ограничился АПБ. «Сердюк» оставил в номере, результаты стрельб меня не удовлетворили. Это было скорее полицейское оружие, мне требовалось что-то менее капризное. Кроме того, АПБ мог вести полностью автоматический огонь, что было неоценимо, когда идешь на деловой ужин с малопрогнозируемыми результатами.

В столовой было все так, будто бы я вышел не более чем на пять минут, только народу прибавилось. Разговоры про обиралово на блокпосту уже потеряли былую актуальность. Я кивнул хозяину, показал знаком на дальний столик в углу и заказал картошку с мясом, салат из овощей да кружку светлого пива. Война войной, а еда по расписанию. Сам никогда не пропускал, даже когда в глотку не лезло, и бойцов заставлял есть, даже когда вокруг было полно трупов или постреливали. Сытый человек — спокойный человек. Компания за соседними столами громко праздновала чей-то день рождения. Звучали здравницы на русском, немецком, английском и даже по-китайски.

Принесли еду, и я стал медленно и сосредоточенно жевать. Мясо было отменное, да и в пиве ощущалась приятная горчинка, пробуждающая аппетит.

— Не помешаю?..

Вот этого голоса я не ожидал услышать! Пани Бондаренко собственной персоной в ладно подогнанном комбезе, с собранными в тугой узел на затылке волосами, в руках — армейский натовский РД — семисуточник, а на плече — МР5 с нераскладным пластиковым прикладом. Дождавшись моего кивка, она уселась напротив меня.

— Не скажу, что рад нашей встрече, Марина. Вижу, что особисты «Альфы» тебя не задержали. Каким ветром сюда?

— Я думала, что Юджин предупредил о встрече. Или ты не в курсе, что я теперь работаю на Эдвардса? Я получу очень хорошую должность в Ванкувере, если все пройдет как надо.

— Подожди минутку. Ну что же, добро пожаловать в команду, мадемуазель. Правила ты, надеюсь, помнишь?

Я отложил вилку и, вынув ПДА, отстучал Хиггсу запрос на подтверждение полномочий Марины. Кто ее знает, какая спецура вербанула падкую на деньги девицу, нужно поставить нанимателя в известность, кто это такая. Предстоящая миссия все более усложнялась, это раздражало. Коммуникатор пиликнул, ответ пришел очень быстро, так что читать сообщение уже практически не было нужды. Да, Бондаренко именно тот сотрудник, о котором Хиггс сообщил мне полчаса назад. Между тем, Марина решительно присела напротив и, поставив рюкзак возле ножки стола, закурила тонкую сигарету, выпустив струю сизого пахучего дыма в потолок:

— Это когда «заткнись и делай, что прикажу, в тот же момент»?

— Точно так. Но на этот раз я не обещаю тебе приятной прогулки под землей, мы идем на встречу с очень серьезными ребятами. От тебя потребуются только две вещи: быстро выполнять команды и сидеть в укрытии, пока я не скажу, что можно выходить, или пока после последнего выстрела не пройдет часов пять, не меньше. Сними номер в гостинице, а лучше езжай за «колючку». За сутки перед выходом я тебя вызову. Не волнуйся, без тебя не уйдем. Это все. И... доброй ночи, Марина.

Девушка была в ярости, но сдержалась, помня, что я не из тех, кто приветствует дебаты. Затушив недокуренную сигарету в моей тарелке и пробормотав, что обо всем сообщит Хиггсу, ученая дива быстро удалилась. Это был еще один камень мне на шею. Возможно, что эмиссара Эдвардса придется устранить... Марину убивать не хотелось. Остается уповать на то, что в этом не возникнет нужды. К тому же, женщина в группе — всегда фактор риска. С такими мыслями я отправился спать. Предстояло очень много работы.

Одессит прислал троих бойцов, двое были сыгранной командой старателей-одиночек, уже третий год ходившей в длительные рейды по Зоне. Звали их Петро и Василь. Оба из Белоруссии, жили недалеко от Припяти, пока не началась эпопея с атомной станцией, потом переехали в Витебск и, отслужив в армии, вернулись сюда. Немногословные, крепкие ребята мне сразу пришлись по душе. Молча кивнули, приняв от меня снаряжение и оружие. Молча выслушали задачу, где им отводилась роль прикрытия снайперской группы, задав только пару уточняющих толковых вопросов. Получив довольствие и б/к, отправились на стрельбище, уточнив время сбора и график тренировок.

Отдельно пришел третий участник, которого рекомендовал Попович. Это был среднего роста парень совершенно обычной внешности, на которого без зевка и не взглянешь. Звали его Павел, был он родом из донецкого поселка Кременец, в Зоне около года, ходил с разными группами, но особо ничем не выделялся. О службе в армии говорил неохотно, но я понял, что он сделал по крайней мере одну ходку в Чечню и воевал там не на нашей стороне: между большим и указательным пальцем левой руки у него была татуировка, трезубец в кресте, напоминающем свастику. Такие приходилось встречать у «бандеровцев», охранявших одного из духовских лидеров. Татуировка была маленькой, парень ее не прятал, но и напоказ не выставлял. Это был не «новодел», портак делал профессионал и довольно давно.

Пока все было так, как я и ожидал: агент прикрытия прошел именно в ту лазейку, которую я ему оставил. Деталь с татуировкой меня не настораживала, амеры и СБУ часто вербуют агентуру из среды неформалов и всякого рода военизированных группировок или внедряют в их структуры своих сотрудников. Это общемировая практика, и ничего аморального или сверхординарного в этом нет. Меня держали за простого тупого прапорщика, неспособного на всякого рода комбинации контрразведывательного толка. Ожидали конфликта, но на обострение с новичком я не пошел, просто пожал ему руку, выдал оружие (раз я ожидал «подводки», то и «Форт» был припасен специально для агента, как отличительная черта). Павел тоже сильно не болтал. Задал те же вопросы, что и белорусы. Я поставил ему задачу прикрывать Крота и помогать ему во всем. Парень молча кивнул и отправился на стрельбище.

Так прошло двое суток. Местные начали притираться друг к другу, и уже к вечеру второго дня интенсивных тренировок дело пошло на лад, люди стали срастаться в некое подобие команды.

Уже темнело, и я возвращался с полигона (для этой цели местные выделили пустошь на северной окраине деревни новичков). Совместными стараниями пустырь стал неким подобием тактического лабиринта, совмещенного с полосой препятствий. Уже подходя к закуской, услышал окрик:

— Командир!..

Легкий акцент, уверенный низкий баритон. Это был Юрис. Он, Крот и еще один невысокий парень шли ко мне, обвешанные сумками, чуть пригибаясь под их весом. Когда

они подошли ближе, я разглядел людей, которые за годы службы стали мне как родные: Крот и Юрис. Мы крепко обнялись.

Есть вещи, которые за деньги не купишь. Боевое братство, скрепленное кровью и потом, потерями и победами — вот что объединяло нас, даже когда мы находились в сотнях километров друг от друга. Теперь я был уверен: мы победим и на этот раз. Парень, которого Юрис подписал на работу, представился биатлонистом-разрядником. Юрис брал его с собой на полигон и изрядно натаскал в реальной стрельбе, тактике и маскировке. Звали его Денис, ему было двадцать два года. Настораживало только отсутствие армейской полноценной подготовки, но Юрис поручился за парня головой. Определив друзей к Поповичу на постой, я сообщил Хиггсу, что команда собрана и через десять суток мы выступим. Вызвав Норда и Крота в «тошниловку», чтобы отметить встречу и обменяться мнениями по заданию, я понял, что нить натянулась до предела. Напряжение повисло в воздухе, казалось, что даже звуки стали чуть глуше и менее отчетливы. Тряхнув головой, отогнал наваждение, пошел в столовую. Ребята уже ждали. На столе — всего одна бутылка перцовки, тарелки с салатами, блюдо с голубцами.

Вспомнили прошлое и помянули тех, кто так там и оставался. Я объяснил свой план, предупредил о «бандеровце», подсветил роль пани Бондаренко. Слово как всегда взял Норд:

— Хороший план, командир. Только как мы перехватим вторую группу при такой скудной информации по точкам эвакуации? Станем их искать — время точно упустим, да еще если на отступающих нарвемся... Может не получится.

— Точно, Бабай. А ну колись, чего нам не рассказываешь? — Это вступил Ваня Крот, как всегда разгадавший все до конца. Это прозвище дали мне ребята в честь нашего сибирского варианта бугимэна за привычку пугать всех своим оскалом и тихим появлением, откуда не ждут. Пришлось рассказать про Охотника, опуская некоторые детали. Друзья не удивились, хоть и отреагировали каждый по своему: Юрис просто пожал плечами, Иван заметил только, что главное, чтобы побратим этот меня с добычей не перепутал.

— Так, бойцы, внимание, говорю только вам и только один раз: Охотник сообщит мне, где основная группа будет эвакуироваться, прикроет, если нужно. Таких мест в том секторе не так много, и площадка должна быть близко к «колючке». Это значит, что годятся только северо-западный и юго-западный сектора. Лесистая местность, пологие холмы, никаких искусственных сооружений. Команда обеспечения оцепит зону высадки в течение получаса после получения пакетного сигнала о завершении последней фазы миссии. Вертушка прибудет, только когда старший команды обеспечения доложит о прибытии группы на точку. Наша задача — погасить всех спецов до того, как группы выйдут в зону прямой видимости друг друга и команда прикрытия сможет вмешаться. Дальше все просто: или бьемся с оставшимися, или ждем вертушку, получаем деньги и...

— Командир, а данные мы тоже отдадим? Не хотелось бы амерам на руку играть, — подал голос Юрис.

— Спокойно, Норд. Я так понимаю, никто из их ничего не получит, я прав? — Довольно шурясь, Крот делал из салфетки самолетик.

— Тебя трудно удивить, Иван. Верно думаешь. Но по этому поводу говорить пока не будем. Есть у меня пара задумок... потом объясню. Теперь пошли спать, а завтра готовиться начнем.

3

Погода в день выхода была как на заказ: туман, мелкий дождик. Серое низкое небо и пронзительный порывистый северо-западный ветер. Построив группу, я обратился к бойцам:

— Те, кто уже меня знает, все помнят и так. Обращаюсь к влившимся в коллектив: вы работаете за деньги, поэтому вам важно сделать работу хорошо и вернуться за наградой. Слиться не получится — пристрелю сам или это сделают те, кого мы идем беспокоить. Выбор у нас небольшой: либо мы их, либо они нас. Все вы читали памятку, от себя добавлю:

наш противник пленных не берет и ни с кем не договаривается. Его можно убить, и мы это сделаем, если вы будете четко и без промедления выполнять мои приказы и приказы моих заместителей. Вопросы? Жалобы? Предложения?

Само собой, вопросов не возникло, так же как и жалоб, и предложений. За те десять дней, что были нам отпущены на подготовку, команда стала складываться: сказался опыт каждого из бойцов и мотивация на победу. Я добился четкого исполнения маневров и схем применительно к условиям задания. Оружие было освоено быстро, короче, шансы на успех были хорошими.

Не доходя до Мертвого города пяти километров, сделали привал. Оставив Норда старшим, я взял с собой Василя, одного из братьев, и Крота. Следуя указаниям, переданным мне полчаса назад Поповичем, мы вышли в точку встречи с разведгруппой «Альфы». Согласно договоренности, нам должны были передать фугасы, которые я запрашивал. Василя взял потому, что у меня были сильные подозрения насчет его и брата принадлежности к разведке именно группировки «Альфа». Ребята привычно носили комбезы с «паутинкой», хотя даже мне до сих пор приходилось к ним принаравливаясь. Так себя могли вести только те, кто давно привык использовать это редкое в обычной бродяжьей среде приспособление.

Встреча состоялась в овраге, севернее разбитого шоссе. Каждый снаряд перли двое крепких ребят, во главе каравана шел маленький круглый человечек, при взгляде на которого на ум приходило только одно сравнение: колобок. Но колобок этот был явно из теста, о которое можно обломать зубы: движения командира «альфовцев» были стремительными и расчетливыми. Так двигается опытный солдат, не понаслышке знающий, что такое встречный бой. Пока Крот принимал груз, Колобок подошел ко мне. Поздоровались, пожали друг другу руки.

— Заместитель командира отряда «Альфа», майор советской армии Кашин Павел Николаевич. Здравия желаю.

— Командир сводной диверсионной группы, старший прапорщик российской армии Васильев. Можно просто Антон. Здравия желаю, товарищ майор.

Кашин одобрительно посмотрел на мою экипировку, кивнул на снаряженные ящики:

— Как тащить собираетесь? Тут на круг без малого полтонны. Проводить можем только до окраины Могильника, ну, Мертвого города то есть.

— Благодарю, товарищ майор, справимся сами. Мне дали один скоропортящийся девайс, думаю, что вес будет компенсирован до приемлемых размеров.

— Ладно, диверс, ни пуха тогда! Заходи к нам на КПП, что на Свалке, выйди к шлагбауму, спроси капитана Арефьева, скажи, что ко мне, познакомимся без суеты.

— К черту, товарищ майор, все может быть. Обязательно зайду как-нибудь.

Попович дал мне три артефакта «серебряная слизь». Липкие, похожие на ртуть катышки величиной с теннисный мяч. Проблема была в том, что после извлечения этой «серебрянки», как ее многие звали, из контейнера артефакт начинал испаряться. И на пояс его было повесить нельзя, «серебрянка» облегчала только предмет, на который она помещалась. И если, скажем, это был рюкзак, то потом его только выкинуть, а если передержать, то и содержимое уже никуда не годилось, становясь через сутки использования жутко радиоактивным. Сам артефакт естественно испарялся, терял свои свойства и под конец напивался излучением и ядовитыми испарениями все живое в радиусе пяти метров.

Я вынул «серебрянки», поместил их на крышки ящиков. Чуть покатавшись, артефакты прилипли к деревянной поверхности, каждый напоминал сначала бугорок, а потом — ртутно-блестящую кляксу. Таймер в ПДА я выставил на двенадцатичасовой отрезок времени, за который нужно было доставить груз к месту минной засады. Затем кивнул Кроту и Василю, они без напряжения подняли ящики, и мы отправились на стоянку.

Через пять часов группа вышла на исходный рубеж. Крот, не мешкая, взял с собой «бандеровца» и Василя, и они отправились ставить фугасы. Денис, Петро и Норд вместе с мрачной и вымотанной марш-броском Мариной, заняли позицию на чердаке трехэтажного

домика, откуда хорошо просматривались обе «высотки» и место минной ловушки, где уже начал возиться Крот с помощниками. Радиосвязь я использовать запретил. Мы пользовались обычным перестуком в микрофон, когда определенное количество ударов означало некое действие или команду. К 0:30 следующего дня ловушка была готова. Хитрый Крот усилил поражающее действие заряда с помощью конструкции собственного сочинения, замаскировав фугасы под небольшие холмики, заглубив заряды лишь на две трети и разместив их классическим правым уступом. Силой взрыва должно было убить все в радиусе двухсот метров, гарантированно распылив это живое и мертвое на молекулы. Оборудовав себе НП в полукилометре от места закладки и затащив туда же засланного казачка, Иван стукнул в микрофон два раза, доложив о готовности. В городе постреливали, но до очагов активности было не менее двух кварталов. Сканер показывал активные радиопереговоры в пяти разных точках города, ни один из них к нашим позициям не приближался.

Стукнув легонько ногтем пальца о микрофон, я вызвал Крота, давая команду на начало минирования позиций снайперов. Павлу я велел оставаться на месте, препоручив уснувшую Марину заботам второго белоруса, пришедшего по моей команде на чердак. Шпиона оставлять одного надолго было нельзя, поэтому когда я приполз к нему в полнопрофильный окоп, сооруженный им на пару с Кротом, то внимательно осмотрел взрывную машинку и провода: все было на месте.

Через два часа Крот доложил о готовности и приполз ко мне. Плоская морда подрывника светилась: человек был вне себя от радости, развесив целую паутину из взрывоопасных «игрушек» по лестничным клеткам. Также он проделал с помощью «резинки» два внушительных сквозных тоннеля в полах и потолках девятиэтажек. Теперь после первого выстрела пристегнутые тросами снайперы должны были просто скатиться в дыру с восьмого и шестого этажей соответственно, до того как их накроет ответный подавляющий огонь противника, если так получится. Я хлопнул по плечу минера, мы снова пожали друг другу руки.

Я провел переключку, все подтвердили присутствие на позициях. Братья прикрывали снайперов, разместившись на чердаке пятиэтажной «хрущевки», откуда прекрасно перекрывались подходы к снайперским позициям, приготовив подствольники и разложив «Мухи», чтобы сразу пальнуть, если кто сунется.

Пашу я повел окольной тропой к облюбованной «фишке», откуда был виден вход в подземелье. Марину разбудили, и теперь она была уже под присмотром братьев. Оставалось только ждать.

На рассвете я отправил пакетный сигнал о готовности к началу штурма. Паша ни о чем не догадывался и тихо сидел, поглядывая по сторонам. Я велел ему выйти к двери, бросить шарик из смоченного кровью бинта в сторожевую аномалию и возвращаться. Автомат и амуницию приказал оставить, чтобы потом он смог быстро прибежать обратно. Я заклинил затвор его автомата и выудил из его РД все гранаты и хитро пристроенный метательный нож. Ловушка сожрала Пашину кровь, и тот со всех ног припустил ко мне. Запыхавшись, он зевнул тот момент, когда я дал ему по морде, вырубив на пару минут. Обыскал. Так и есть: в правом кармашке разгрузки обнаружилась мини-радиостанция. Радиус приличный: он мог гарантированно закладывать нас и оставаться незамеченным: его сигнал был синхронизирован с рабочей частотой группы и при обнаружении напоминал радиопомехи, которые сканер обычно пропускал. Я вынул нож из чехла на плече, разрядил и прибрал Пашин «Форт». Теперь оставалось подождать, когда шпик очухается, и сделать ему очень заманчивое предложение. Своим же я сообщил о пятиминутной готовности, подтвердив нейтрализацию шпиона и активность сторожевых устройств охранного периметра сектантов. Я разложил «Муху», прицелился и выстрелил в дверь. Грохнуло не сильно: кумулятивная струя прожгла стальную обшивку двери, которую через мгновение вышибло наружу возвратной ударной волной. Я отбросил использованную трубу в сторону. «Бандеровец» пришел в себя и лихорадочно пытался передернуть затвор «сто третьего».

— Брось, Паша, ничего не выйдет. У тебя есть отсюда два пути. Первый — ты лезешь в тоннель и выманиваешь сектантов сюда. Потом бежишь в сторону наших позиций через минное поле. Если добежишь, я тебя отпущу. Второй путь — попытаться меня убить. Времени мало, поэтому я тебя просто пристрелю. — Я повел в его сторону стволом АПБ. — Но умрешь ты не сразу, мне все еще нужна приманка. В тоннель ты так и так полезешь, если захочешь быстро умереть или попытаться спастись. Выбирай.

Облизнув пересохшие губы и убедившись, что ножа в секретном кармашке нет, Паша начал торговаться:

— А если я все расскажу сектантам, сдамся?

— Не, это не прокатит. Тебя грохнут, даже если ты им все расскажешь. А может, и для опытов заберут. Думаю, что хрен редьки не слаще. К тому же, я уже сказал: не успеешь. Короче, считаю до одного...

— Ладно! Но смотри, ты обещал...

— Я помню, Паша, помню. Спускайся в тоннель, родной, не вздумай юлить. Достану.

Шпик убрал в кобуру разряженный пистолет и рысью побежал к темному проему в скале. Через какое-то время послышались вопли и знакомый стрекот автоматов «девятки». А через пару мгновений Паша, как пробка, вылетел на поверхность и побежал в мою сторону. Видимо, он надеялся вывести сектантов на меня, прикинув, что в компании погибать веселее. Я вскинул «коврушу» и одиночным в голову успокоил шпика. В провале все затихло, но я не стал дожидаться милости от природы и закинул ВОГ⁸⁷ в проем двери. Глухо бумкнуло, посыпалась каменная пыль и... в проеме показалась массивная фигура в тускло-серой броне. Ключнули, значит! Дав очередь навскидку, я побежал рваным зигзагом, показательно прихрамывая.

Кровь стучала в висках. Все теперь зависело от точности расчета. Расстояние до минного поля медленно сокращалось. В наушнике послышались долгожданные щелчки: Норд и Денис докладывали, что цели вошли в рабочую зону. Стрекот за спиной. Упал, перекатился, побежал снова. Пронесло. Оглянулся: сектантов было шестеро; снайпер и гранатометчик замерли, шаря своими страшными игрушками по секторам, выискивая моих бойцов. Как я и предполагал, они старались нащупать электронику, но не находили ее. Штурмовики шли цепью, между нами разрыв сохранялся метров в восемьсот. Им не было нужды приближаться ко мне: их оружие достанет меня и на таком расстоянии. Я вскинул автомат над головой. Спустя два стука сердца едва слышно хлопнули два выстрела, почти слившись друг с другом. Я оглянулся: гранатометчика разорвало пополам, а снайпер лишился головы. В тот же миг по мне открыли ураганный огонь, спастись было невозможно... Но залп вспорол землю левее и дальше, разнеся в щепки прикопанные радиоактивные снарядные ящики. Не предполагая в противниках идиотов, я рассудил, что меня однозначно приняли за разведчика, пущенного впереди основных сил. Убивать меня резона нет, достаточно вынудить бежать в сторону позиций основных сил. Полагаясь на технику, оператор группы искал следы работы электронных устройств, но не находил, в то время как трупы уже были. На одиночку уже никто не обращал внимания. Искали замаскированные позиции, все необычное, чего не было раньше. И вот оно: три равноудаленных объекта правильной формы, да еще радиоактивные. Что это, как не возможная цель?.. Муляж отыграл еще пару мгновений в мою пользу. «Девятка» все глубже втягивалась в ловушку.

Силы были на исходе. Три щелчка в наушнике: Крот дает сигнал о том, что группа сектантов вошла в зону поражения. Напрягая все силы, я добегаю до замаскированной траншеи, вырытой в стороне от зоны действия ударной волны. Падаю на дно, открыв рот, зажмурив глаза. Спустя еще два тяжелых удара сердца небо и земля поменялись местами,

⁸⁷ Антон имеет в виду выстрел к ГП (подствольному гранатомету), ВОГ-25, осколочную безгильзовую гранату.

воздух обрел вес и плотность бетонного блока. Звуки исчезли, уступив место звенящей, ватной тишине. В глазах потемнело, на какой-то миг я отключился...

Из забытья меня вывел голос в наушнике:

— Тридцать девятый, здесь Крот. Работу закончил. Активность по сектору — ноль. Все цели — «двести», повторяю: все цели — «двести». Прием.

— Тридцать девятый, здесь Норд. Минус один. Активность по секторам — ноль. Прием.

— Тридцать девятый, здесь стрелок «два». — Голос Дениса дрожал, мандраж еще давал о себе знать, напряжение не сразу отпускает, особенно в первый раз. — Минус один. Активность по секторам — ноль.

— Тридцать девятый, — отозвался Василь. — Здесь арьергард. Попыток прорыва периметра — ноль, активность противника по секторам — четыре. Прием.

Я стряхнул с себя комья земли, поднялся во весь рост в траншее. Местность, и без того неприветливая, теперь напоминала лунный пейзаж. Сила взрыва была такова, что кустарник и чахлые деревца просто исчезли, а те, что покрупнее, были вырваны с корнем и валялись повсюду. Воронки были относительно небольшими, так как Крот постарался, чтобы ударная волна прошла с максимальной силой по поверхности. Сектантов просто разнесло на молекулы. Большая часть секретного подразделения «Обелиска» перестала существовать. Ожил мой ПДА, некто неизвестный прислал координаты местности.

На карте появилась метка с направлением на север-северо-запад. Охотник прислал весточку.

Вдруг волна холода накрыла сознание. Снова стало темно, потом пришли смутные образы, и я увидел человека в рваном БЗК, в руках он сжимал М4А2, шлема на голове не было. Вся левая сторона лица была залита кровью, взгляд был устремлен к далекой полоске леса на горизонте. Человек споткнулся и упал ничком. Он не шевелился, но еще был жив. Широкая ладонь кровохлеба полезла в нагрудный карман разгрузки человека и извлекла флеш-карту, вроде той, что была у меня. Охотник показал мне того, кто выбрался из лаборатории. Видимо, что-то пошло не так и уцелел только этот бедолага. Нужно было поторапливаться. Я отжал тангенту коммуникатора.

— Здесь тридцать девятый. Благодарю за службу. Общий сбор, готовность — три. Стрелок «два», поздравляю с успешным выполнением боевой задачи. Ваш радиопозывной теперь — «Глаз». Отбой.

— Здесь Глаз! — Судя по голосу, парень пребывал в эйфории. — Благодарю, командир. Рад стараться! Слава спецназу!

Получить заслуженный радиопозывной — это дорогого стоит, это даже больше, чем орден. Такое не забывается.

— Старайся, старайся. А теперь пошевеливайся, боец, приказ был для всех. Время идет. Группе — сохранять радиомолчание. Отбой.

Пока все шло по плану и складывалось очень неплохо: сектантов подвела техника. Они не успели среагировать на быстрое изменение обстановки и ошиблись в оценке степени угрозы, за что и поплатились, не успев даже поцарапать кого-нибудь из нас.

Построив группу в походную колонну, я осмотрел бойцов: амуниция и оружие в порядке, вид бравый.

Мы взяли направление на северо-запад. Идти мне было тяжело: сеанс связи с кровохлебом отнял очень много сил, голова раскалывалась от приступов мигрени. Видя, что и другие стали выматываться, я объявил привал на десять минут. Ко мне подошла Марина. Честно говоря, я был доволен тем, как девушка вела себя в рейде: не скулила и не лезла с вопросами.

— Антон, что ты делаешь, почему мы не пошли в бункер?

— Нет необходимости. Те, кому действительно отвели первые роли, уже побывали внутри и добыли то, что просил Эдвардс. И скоро мы получим требуемое и совершим обмен. Деньги-товар, как говорится.

— Как ты узнал? — голос девушки стал хриплым и очень тихим.

— Это было очевидно: дурачок дергает тигрицу за хвост, пока охотник ворует детенышей. Дурачка рвут в клочки, а охотник получает шкуру и приплод. Эдвардс умный человек. Только слегка высокомерный. Невозможно быть умнее всех. Тебе он пообещал то, что ты просила. В обмен на то, чего не собирался отдавать. Слушай, Марина, я предлагаю тебе честную долю от тех денег, что предложил мне Эдвардс. Я заставлю его расплатиться, и получишь ты более чем достаточно, чтобы уехать куда захочешь и заняться тем, что тебе нравится.

— Нет. — Марина отрицательно мотнула головой и горько усмехнулась: — Мне почти тридцать пять и жизнь пошла под уклон. Нет ни семьи, ни дома. Эдвардс даст мне все это, лишь шевельнув пальцем. Ты отдашь мне эти данные?

— Конечно. Как только ты подтвердишь их подлинность, ты сможешь забрать флеш-карту и улететь на вертушке. Не держу. Ты все обдумала, это окончательное решение?

— Да. — Она решительно кивнула головой.

— Тогда пошли за призами. Надеюсь, ты получишь то, чего желаешь.

Мы выступили через пять минут. Эфир был забит переговорами остатков штурмовых групп «сечевых», рассеянных и отброшенных сектантами от УРа на добрых десять километров. Не преследуя напавших, подразделения «Братства Обелиска» отошли на исходный рубеж, освежив коллекцию голов на «аллее славы».

Через пару часов я дал сигнал рассредоточиться, поставив снайперов на фланги и разместив бойцов в линию. Нас прикрывал пяток аномалий, и риск нападения с тыла был допустимо низким. Я выдвинулся вперед, запретив стрельбу без команды. Полумертвый человек лежал там, где показал мне Охотник. Рядом в дупле засохшего дерева я нашел флеш-карту. В ста тридцати метрах по дальномеру находилась точка эвакуации. Склонившись над человеком, я обыскал его, убирая все, что стреляло и резалось. Хотя парень, похоже, израсходовал все, что у него было. Затвор автомата характерно перекосило, теперь этому стволу нужен серьезный ремонт. Но это был настоящий воин — оружие он не бросил, даже умирая.

Я вколол ему боевой стимулятор — это убьет его, но снять информацию я успею. Судорога прошла по телу бойца, я включил мини-камеру на запись. Нашарив меня глазами, парень потянулся к оружию.

Я не мешал. Увидев, что ствол заклинило наглухо, попытался достать меня им, как дубиной. Пришлось отнять. Говорю по-английски я сносно, поэтому начал допрос на этом языке. Времени у парня оставалось минут пять-десять.

— Я знаю, кто тебя отправил в бункер, знаю и то, что жить тебе осталось не более пяти минут. Более того, если у тебя есть родные, им не сообщат, как и где ты погиб, и, скорее всего, не заплатят. Я могу пообещать тебе две вещи: если ты все расскажешь, я передам весточку твоим родным и выбью из Эдвардса компенсацию для них. Если разговора не будет — умирай. Мешать не буду, помогать тоже. Время пошло, у тебя уже четыре минуты.

Парень рассказал все: их было семеро, все раньше воевали, все с выслугой не менее пятнадцати лет и боевым опытом. Их завербовали через Министерство обороны, оформив все как независимый подряд, предварительно уволив из рядов вооруженных сил. Обещали хорошие деньги, должности в корпорации «A&R Inc», гарантии давал лично Эдвардс. В бункер они проникли легко: местные хорошо отвлекли основные силы сектантов. Некто в лабораторном халате передал им флеш-карту. Но вот тут начались неприятности. Трое «унисолов» остались внутри бункера и крепко присели на хвост диверсам. Ушел только он один, погибли все, а «унисолы» остались почти неповрежденными. Возможно, возник сбой, потому что они замерли и дальше определенного места не шли. Потом все начало взрываться, и Брайан (так звали парня) еле выбрался на поверхность. Где попал в засаду, устроенную пятью «обелисковцами». Еле ушел от них, положив всех в получасовом бою. Вызвал вертушку, но вот добраться до нее не успел.

Я пообещал, что его родные все узнают и получают деньги, какие положено. Парень

поверил и через две минуты скончался. Я собрал его рассказ и личную информацию в один файл и сохранил вместе с уже готовым посмертным письмом жене снайпера-наемника. Затем подозвал Крота, мы перенесли парня на холмик, вырыли полнопрофильную могилу и похоронили. Стрелять было нельзя, поэтому мы, вынув магазины, трижды щелкнули бойками, имитируя салют, точно так же, как делали это не раз и не два, хороня своих товарищей и запоминая места, куда, возможно, предстояло еще вернуться и отомстить. С амером мне было нечего делить: он умер достойно и заслужил упокоения по правилам.

Я подозвал Марину и вернул ей передатчик, который забрал перед выходом в рейд. Эдвардс откликнулся тотчас же. Я взял трубку и улыбнулся. Марина поежилась.

— Здравствуйте, мистер Эдвардс. Как ваши дела?

— Здравствуйте, господин Васильев, все нормально. Благодарю, — с небольшой натугой, но вежливо ответил миллионер.

— Тогда сразу к делу. Ваши люди справились с заданием, как, впрочем, и я со своим. Пора обсудить условия обмена. Но, как вы понимаете, все несколько изменилось. И мне нужны гарантии.

— Готов обсудить это. Данные точно у вас?

— Ваша помощница сможет подтвердить их подлинность. Правда, боюсь, что скачать их у вас не получится: мы в Зоне, а тут это проблематично. Но данные точно у меня. Предлагаю следующее: на номера счетов, которые я продиктую, будет положено по сто пятьдесят тысяч евро. Таких счетов — пять, они будут на предъявителя. Кроме того, мне нужно подтверждение о получении компенсаций для семей погибших бойцов первой группы. На компенсации родственникам Павла я не настаиваю.

— Хорошо, но это очень большие деньги, господин Васильев.

— Я знаю. Вот номера счетов. Переводите и скажите вашим псам, чтобы сидели в лесу тихо, иначе жертв сильно прибавится.

— Agreed.⁸⁸ Передача пошла.

От Поповича поступило подтверждение, что деньги переведены, и он тут же раскидал их по своим «нычкам». Хитрый барыга предусмотрительно скинул мне схему перевода денег.

Я передал флеш-карту Марине. Она спрятала ее в карман комбеза и благодарно улыбнулась:

— Спасибо, Антон. Рада, что ты все понял.

Я ничего не ответил, видеть ее алчно горящие глаза было противно. Я снова обратился к Эдвардсу:

— Надеюсь, вы будете довольны результатом. Данные у вашей сотрудницы. Убирайте оцепление или сажайте вертушку здесь.

— Пусть госпожа Бондаренко идет к месту посадки. Было приятно иметь с вами дело, господин Васильев.

— И мне, господин Эдвардс, и мне. Думаю, мы еще поговорим о делах, когда у вас выдастся свободная минутка.

— В ближайшее время я буду сильно занят изучением результатов, добытых вами, так что это вряд ли. Но спасибо за предложение.

— С нашим удовольствием. Заходите, если что.

Я двинулся к позициям отряда, Марина бегом неслась к полоске леса, куда заходил на посадку вертолет. Девушка сделала свой окончательный выбор и останавливать ее не было никакого желания. Наша встреча вышла нечаянной, спасти же амбициозную дурочку во второй раз было чревато.

...Остановившись у могилы американца, я присел на землю. Навалилась усталость. Тяжелый Ми-8, забрав пассажиров, поднялся в воздух и, опустив нос, лег на курс. Взрыв был

⁸⁸ Договорились.

громким, но на этот раз ожидаемым: видимо, это была ракета «воздух-воздух». Вертушка развалилась на части, рухнув за «колючку». Марина получила то, что хотела больше всего: свободу и независимость. И тем, и другим она наслаждалась целых семнадцать минут. Я подменил флеш-карты, сохранение которых являлось одним из условий верификации данных и получения денег. Как я и предполагал, в мою был встроен слабый маячок. Конечно, в Зоне его слышно не было, но возле «колючки» он работал сносно. По крайней мере достаточно для наведения на цель ракеты с истребителя. Поднявшись и отряхнув землю с комбеза, я подхватил автомат и дал команду выдвигаться к базе «Альфы», что рядом с НИИ «Агропром». Надвигался Выброс, и это время нужно было пересидеть. Флешку я снова спрятал в дупло дерева. Смутные очертания фигуры Охотника виднелись метрах в пяти от меня. Видя вокруг меня чужих, он решил не показываться. Глядя в едва видимые желтые глаза побратима, я тихо прошептал:

— Забери это, брат. Спрячь подальше.

Золотисто-желтые глаза кровохлеба на мгновение вспыхнули и погасли, деревце качнулось, Охотник снова исчез, хотя это осталось незамеченным для всех, кроме меня. Группа направилась форсированным маршем на юго-восток, для движения я выбрал грунтовую дорогу, заросшую дикой травой. Следовало идти в обход кишашего людьми и мутантами пригорода. Торопила и погода: поднимался ветер, местами вздымающий тучи радиоактивной взвеси. Моросил мелкий дождь, смывая следы недавнего боя. Набиравший силу ветер наотмашь хлестал стены домов Мертвого города. Серой пеленой окутало руины. Вода собиралась в щелях и потоками стекала по стенам, словно дорожки слез на морщинистых старческих щеках. Но мое время быть оплаканным еще не пришло, игра продолжалась, на доске еще оставались фигуры, и я ждал, когда невидимый противник сделает следующий ход...

От автора

Автор выражает сердечную благодарность людям, способствовавшим написанию книги «Жизненное пространство»:

Орлову Дмитрию (за то, что заставил меня сесть и просто написать книгу);

Юрчук А. (за практическую помощь и ценные советы);

И всем тем, чьи имена и фамилии я назвать не могу по их же просьбе. Ребята, спасибо вам всем большое. Будем жить.

Надеюсь на вашу поддержку в дальнейшем.

С уважением, Колентьев А. С.